This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

200.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Сергѣй Атава.

(С. Н. Терпигоревъ).

Дорожные очерки

Въ странѣ фонтановъ и колпаковъ.—Съ дороги.—По тихому Дону.

БИБЛИОТЕКА
При [illegible]
А. А. [illegible]
въ г. Выборгѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Д. А. НАУМОВА.
1897.

Типографія А. Л. Трунова. Калашн. просп. № 13.

ВЪ СТРАНѢ ФОНТАНОВЪ И КОЛПАКОВЪ

(Посвящается фонтанамъ и колпакамъ).

По дорогѣ въ страну

Поѣздъ въ Баку отходитъ изъ Тифлиса въ 9 ч. вечеромъ.

— Гдѣ-же тутъ артельщики? спросилъ я извозчика, не видя къ кому бы обратиться, чтобы взяли и перенесли мои чемоданы.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ и кликнулъ какихъ-то людей въ халатахъ, стоявшихъ на ступенькахъ. Люди, одѣтые въ такіе точно халаты, въ какихъ ходятъ въ захолустныхъ провинціальныхъ городахъ семинаристы и чиновники внѣ службы, лѣниво поднимая одну ногу за другой спустились съ ступенекъ и подошли къ коляскѣ.

— Мнѣ вотъ это надо отнесть въ вокзалъ и потомъ сдать въ багажъ, сказалъ я.

Халатъ ничего не отвѣтилъ.

— Вы можете это сдѣлать? повторилъ я.

Халатъ молча присѣлъ, надвинувъ себѣ на спину чемоданъ, поднялся и рысью побѣжалъ по ступеня-

камъ. Я остался на извозчикѣ съ другимъ чемоданомъ. Прошло минутъ десять. Подъѣзжали то и дѣло другіе пассажиры и съ ними повторялась таже исторія: подходилъ одинъ халатникъ, уносилъ одну вещь, съ остальными пассажиры оставались сидѣть въ экипажѣ и дожидаться, когда халатникъ къ нимъ вернется и возьметъ и ихъ. Отъ этого порядка вскорѣ передъ вокзаломъ образовалось цѣлое море каретъ, колясокъ, дрожекъ, фаэтоновъ. Жандармы величественно стояли и расхаживали на верхнихъ ступеняхъ лѣстницъ, повидимому вполнѣ довольные такимъ многолюднымъ съѣздомъ. Я прождалъ моего халатника еще по крайней мѣрѣ съ четверть часа, экипажей наѣхало еще больше, началась наконецъ давка, а они все не выходили изъ своего созерцательнаго состоянія, сохраняя строжайше вооруженный нейтралитетъ.

— Что-же вамъ слѣдуетъ за это? спросилъ я въ вокзалѣ халатника, когда мы сдали съ нимъ вещи въ багажъ.

— М-м-м... произнесъ онъ и протянулъ руку. Я положилъ ему два двугривенныхъ.

— М-м-м... продолжалъ мычать халатникъ.

Я положилъ еще двугривенный. Но онъ руки не принималъ и продолжалъ мычать.

— Довольно, сказалъ я, и сдѣлалъ рукой знакъ, стараясь объяснить ему, что больше не дамъ, чтобы онъ шелъ отъ меня. Онъ поднялъ на меня совершенно баранье лицо, съ большими, черными, ровно ничего не выражающими глазами, что-то промы-

чалъ, потомъ широко осклабился, раздвинувъ ротъ чуть не до ушей, встряхнулъ на рукѣ двугривенные и какъ-то автоматически, идіотски побѣжалъ, поднявъ плечи и размахивая согнутыми локтями.

Очень миловидная кассирша взяла съ меня какую-то непомѣрную плату за билетъ.

— Не ошиблись-ли вы, замѣтилъ я ей, пересчитывая сдачу.

— Нѣтъ.

— Очень что-то дорого.

— Да. Но у насъ вѣдь горная дорога... Горный тарифъ... онъ возвышенный...

Въ толпѣ, въ публикѣ говорили:—Опять опоздали. Девять часовъ, а изъ Батума поѣздъ еще не приходилъ. Въ одиннадцать часовъ говорятъ придетъ, не раньше.

— Въ одиннадцать, такъ въ одиннадцать... Дайте мнѣ стаканъ чаю съ лимономъ, сказалъ я лакею проходившему мимо столика, къ которому я присѣлъ. Онъ сдѣлалъ въ отвѣтъ мнѣ кислую улыбку съ наклоненіемъ головы въ знакъ согласія, подошелъ къ буфету и принялъ небрежно развязную позу. Я смотрѣлъ на него и любовался: пропадаетъ здѣсь человѣкъ—пріѣхалъ-бы въ Петербургъ—навѣрно сдѣлалъ-бы карьеру. Лакеи на тифлисскомъ вокзалѣ всѣ грузины, по типу напоминающіе тѣхъ французовъ-парикмахеровъ, которыхъ такъ любятъ наши барыни и которыхъ онѣ такъ охотно дѣлаютъ своими негласными любовниками, когда они

ихъ причесываютъ и „готовятъ“ къ балу. Не знаютъ, а то бы пріѣхали.

Поѣздъ, который намъ подали, былъ громаденъ. Вагоны уходили длинными рядами и впередъ и назадъ; въ темнотѣ казалось имъ конца нѣтъ. Публика уже усаживалась, усаживалась—съ полчаса это продолжалось. Наконецъ мы тронулись. Въ вагонѣ перваго класса, обитомъ темнымъ сафьяномъ было однако довольно просторно. Сидѣлъ какой-то горный генералъ, необыкновенно надутый, съ сигарой въ зубахъ и огромнѣйшимъ толстымъ портфелемъ, лежавшимъ возлѣ него, на который онъ съ величественной осанкой положилъ руку и такъ все время и держалъ ее; военный инженеръ, въ высокихъ сапогахъ съ красноватыми скулами и носомъ и воспаленными глазами—изъ „закаспійскихъ“, какъ оказалось это потомъ, и еще двое, трое какихъ-то безцвѣтныхъ молодыхъ людей—одинъ съ бульдогомъ на цѣпочкѣ. Мнѣ показалось скучно съ ними, я ушелъ въ отдѣльное купе, отворилъ окно и сталъ смотрѣть въ него.

Ночь была совсѣмъ черная, южная, тихая, теплая. Не въ далекомъ разстояніи едва виднѣлась—блистала въ темнотѣ—Кура—поѣздъ шелъ берегомъ—а тамъ, дальше, безчисленные огоньки Тифлиса: точно упалъ на землю кусокъ звѣзднаго неба и лежалъ на ней. Я старался по огонькамъ угадать знакомыя мѣста. Это вотъ, какъ будто, „кружокъ“... это вотъ—освѣщенные садики на „Михайловской“. Высокій одинокій огонекъ на горѣ—

это, какъ будто въ монастырѣ св. Давида, гдѣ гробница Грибоѣдова... Но вотъ поѣздъ влетѣлъ въ глубокую выемку и все сразу пропало. Слышался только громъ колесъ въ темнотѣ. Спать надо ложиться... Въ Тифлисѣ меня предупредили:—Въ Елизаветполѣ, пріѣдете утромъ, смотрите не умывайтесь.

— А что?

— Такъ, оно ничего конечно; но лучше неумывайтесь—годовики отъ этого бываютъ иногда.

„Годовикъ"—это такой прыщъ, который вскакиваетъ, говорятъ, отъ воды на лицѣ и потомъ незаживаетъ ровно годъ. Разростаясь въ язву, онъ, потомъ, когда заживаетъ, оставляетъ по себѣ довольно глубокій шрамъ, а то и ямку. Особенно красиво, когда сядетъ на носу.

— И потомъ, возьмите съ собою на всякій случай тарантулова масла.

— А развѣ много тарантуловъ?

— Нѣтъ, тарантуловъ не много, но скорпіоны и фаланги попадаются часто.

— Да вѣдь это тамъ, въ Баку, ужъ.

— Нѣтъ, вотъ въ Елизаветполѣ ихъ тоже много. У васъ вѣдь бурка есть? Растелите ее и тогда ничего, не опасно.

— Какъ, и въ вагонахъ они развѣ есть?

— Нѣтъ, въ вагонахъ ихъ мало, но все-таки попадаются. Вотъ Егоръ Матвѣевичъ намедни ѣхалъ, такъ вотъ какая фаланга на него упала. Впрочемъ, огня только въ вагонѣ не зажигайте—онѣ на огонь больше идутъ—тогда ничего. Не трогайте, не ше-

велитесь также, когда почувствуете, что сѣло вамъ что-то на руку или на лицо. Они бѣгутъ на человѣка и если не трогать ихъ, не шевелиться—они ничего тогда, не укусятъ.

Въ аптекѣ, куда я пришелъ, чтобы купить этого тарантулова масла, мнѣ очень любезно посовѣтовали взять еще и нашатырнаго спирта.

— Вотъ вы какъ сдѣлайте, говорилъ мнѣ нѣмецъ аптекарь, какъ оно васъ укуситъ...

— Кто это оно?

— Ну, оно—насѣкомое это. Какъ оно васъ укуситъ, вы сейчасъ обильно полейте это мѣсто нашатырнымъ спиртомъ и старайтесь его втереть.

— А тарантулово масло?

— Это мѣстное средство...

— А имъ то когда же?

— А тоже когда укуситъ...

— Прежде или послѣ нашатырнаго спирта?

— Это все равно. Это мѣстное средство. Можно и безъ него обойтись. Вы лучше тогда возьмите скорпіонова масла—скорпіоновъ больше попадается и они теперь, въ это время ядовитѣй.

Я купилъ у него масло настоенное и на скорпіонахъ, и на тарантулахъ, и на фалангахъ и флаконъ нашатырнаго спирта.

Очень милая „страна“ куда я ѣхалъ.

Теперь, укладываясь спать, я разостлалъ на диванѣ бурку, развязалъ всѣ пузыречки и погасилъ въ купэ огонь. Но я долго не могъ уснуть. То вотъ въ этомъ углу что-то шуршитъ, то на полу

что то какъ будто скребетъ... „Закурить развѣ сигарку? Навѣрно они табачнаго дыма не любятъ?.. Но зато огонь увидятъ“... Вдругъ дверь отворилась и вошелъ оберъ-кондукторъ съ кондукторомъ.

— Что-жъ тутъ темно? Огонь отчего-жъ тутъ не зажженъ? обратился онъ къ кондуктору.

— Это я нарочно погасилъ. Я легъ спать, такъ чтобъ всѣ эти гадости ваши—скорпіоны, тарантулы, фаланги, сказалъ я.

Онъ странно посмотрѣлъ на меня.

— Ихъ тутъ нѣтъ, сказалъ онъ.

— А какъ-же мнѣ сказали въ Тифлисѣ, что они попадаются иногда въ вагонахъ.

— А-а, протянулъ онъ, это не въ этихъ, это въ жилыхъ вагонахъ. Въ тѣхъ—да, дѣйствительно попадаются.

— Нѣтъ и въ этихъ. Вотъ одинъ изъ вашихъ-же, служащихъ на вашей дорогѣ, разсказывалъ мнѣ.

— А-а... Я знаю. Это случай съ Егоръ Матвѣевичемъ. Да. Это удивительный случай. И представьте, вотъ какая фаланга, сказалъ кондукторъ и показалъ на щипцахъ, которыми прорѣзалъ билеты, какой величины была фаланга. Совсѣмъ черная почти. Теперь ихъ время, и онѣ очень ядовиты. Онъ не шевелился и — ничего. Не надо только шевелиться... какъ почувствуете, что она сѣла на васъ...

Послѣ его ухода я ужъ совсѣмъ не могъ уснуть. Только ужъ подъ самое утро на зарѣ, я немно-

го задремалъ и сейчасъ-же проснулся. Поѣздъ стоялъ. Въ окно виднѣлась какая-то большая станція.

— Станція Елизаветполь! Поѣздъ стоитъ двадцать пять минутъ! выкрикивалъ кондукторъ, проходя по платформѣ.

— А! Родина „годовиковъ", любимое мѣстопребываніе тарантуловъ, скорпіоновъ, фалангъ.

Я высунулся въ окно и смотрѣлъ на это милое мѣстечко.

— Ну, что, не укусилъ васъ никто? увидавъ меня, весело спросилъ оберъ-кондукторъ. Это вотъ въ этихъ вагонахъ они водятся; сказалъ онъ, указывая мнѣ на стоявшіе не въ далекѣ отъ станціи жилые вагоны:—туда они дѣйствительно заползаютъ и кусаютъ живущихъ тамъ.

На платформѣ бѣгали рабочіе, носильщики и всѣ босые. Я не безъ удивленія посматривалъ имъ на ноги. Ничего, бѣгутъ и не разбираютъ на что наступаютъ. Привыкли, сжились. Въ окно рядомъ со мною выглянулъ горный генералъ. Лицо еще болѣе суровое, заспанное, во рту огромная, только что закуренная сигара.

— Кондукторъ! крикнулъ онъ.

— Чего изволите ваше—ство?

— Умыться мнѣ дать.

Вотъ погоди, подумалъ я, сядетъ на тебя годовикъ, хорошъ будешь. Въ Елизаветполѣ умываться! Вздумалъ что...

Впослѣдствіи, въ Баку, я познакомился съ этимъ

генераломъ: отлично поетъ (очень похожъ на генерала, который поетъ въ оперѣ „Евгеній Онѣгинъ“), играетъ на фортепіано и любитъ выпить и хорошо покушать. Онъ очень смѣялся, потомъ, когда я ему разсказалъ, что я подумалъ, увидавъ его въ окно въ Елизаветполѣ.

— Что-жь, вы полагаете, такъ-таки никто въ Елизаветполѣ и неумывается? очень разумно отвѣчалъ онъ. Ха, ха, ха!...

Въ Баку онъ завѣдуетъ „нѣдрами“—только непостоянно, а какъ-то наѣздомъ.

У меня отличный портретъ его съ надписью:

«Наука видимо питаетъ
Того, кто нѣдра изучаетъ...

У него есть тоже теорія происхожденія нефти и образованія слоевъ. Тамъ, впрочемъ, у всѣхъ есть теоріи...

На платформѣ, нѣсколько вправо отъ нашего вагона, стояла группа казаковъ, человѣкъ пять, съ шашками, съ ружьями за плечами.

— Вы что тутъ дѣлаете? послышался изъ сосѣдняго со мной окна чей-то необыкновенно знакомый голосъ, но лица не выглядывало.

— За разбойниками пріѣхали, отвѣчали солдаты.

— За разбойниками? А развѣ тутъ есть?

— Точно такъ.

— За какими? Ловить ихъ еще будете?

— Точно такъ. Ловить будемъ.

Генералъ, все еще смотрѣвшій въ окно, сдѣлалъ

пальцами какой-то знакъ и казаки подошли къ нему.

— Какіе разбойники?

— Не могимъ знать.

— Гдѣ-жъ вы ихъ будете ловить?

— Туточки, отвѣтилъ казакъ, стоявшій впереди всѣхъ.

— Не Керимъ?

— Не могимъ знать.

Онъ опять махнулъ пальцами, выпустилъ струю дыма и отвернулся въ другую сторону.

Казаки, пятясь назадъ, отошли отъ вагона на прежнее мѣсто.

— Годовики... фаланги... тарантулы... скорпіоны и, въ довершеніе всего, еще разбойники. Необыкновенно веселое мѣсто!...

Поѣздъ стоялъ тутъ гораздо больше получаса.

— Чего-же мы ждемъ?

— А вотъ сейчасъ пойдетъ съ керосиномъ поѣздъ. Онъ запоздалъ немного. Тогда и пойдемъ, отвѣчалъ кондукторъ.

Керосинный поѣздъ—громадный—съ трескомъ и грохотомъ пронесся мимо, не останавливаясь у станціи, и мы тронулись дальше въ путь. Казаки, стоявшіе на платформѣ, приложились, отдавая честь.

Почти сейчасъ-же за Елизаветполемъ начинается пустынная мѣстность—равнина, покрытая тощей, выжженной солнцемъ, сухой травой. Ни людей, ни скотины, ничего невидно. Только у

самаго полотна дороги, да и то кое-гдѣ, сидятъ и дробятъ камень загорѣлые, сухіе—одни кости, да мускулы—плечистые люди въ огромныхъ бараньихъ бурыхъ шапкахъ, сдвинутыхъ на самый затылокъ почти. Пролетитъ мимо нихъ поѣздъ и ни одинъ головы не подниметъ на него, не взглянетъ даже. Вскорѣ, такъ часовъ съ девяти, началась жара. Въ воздухѣ стояла какая-то мгла. Небо бѣлое, точно запыленное, ни одного облачка на немъ.

Взошелъ опять кондукторъ и опять началъ прочикивать билеты.

— Слава Богу? Ничего? весело спросилъ онъ:— ни тарантулы, ни скорпіоны?

— Ничего. Скажите пожалуйста, что ужъ это все время, вплоть до Баку, пойдетъ такая мѣстность? сказалъ я.

— Нѣтъ, тамъ повеселѣе будетъ, дальше. Сейчасъ начнуться камыши—а тамъ—голый песокъ вплоть до Баку. Верстъ за сто отъ Баку начнутся пески.

Дорожка—какой поискать. Веселая...

Не спавши всю ночь, меня теперь начало отъ этой жары и отъ прошлой безсонницы клонить ко сну. Бурка, я замѣтилъ, нисколько не усиливаетъ жары, скорѣе даже умѣряетъ ее. Я закутался въ нее, плотнѣе сѣлъ въ уголъ и, ужъ не думая ни о фалангахъ, ни о скорпіонахъ, заснулъ какъ мертвый. Я проспалъ такъ, должно быть, часа три. Проснулся на какой-то станціи—поѣздъ стоитъ. Въ открытое окно слышатся голоса на платформѣ:

— И такъ и не поймали? Ушли?—слышу голосъ генерала, завѣдующаго „нѣдрами“.

— Точно такъ,—отвѣчаютъ ему.

Выглядываю—опять генералъ высунулся въ окно рядомъ со мною и передъ нимъ казаки.

— Что-же стрѣляли? Не попали?

— Не попали. Точно такъ...

— „Господи, да что-же это такое? Сколько же ихъ тутъ? По всей линіи все разбойники“... Много ихъ тутъ?—спросилъ казаковъ и я въ свою очередь. Генералъ покосился на меня:—какъ это, дескать, они со мною разговариваютъ, а ихъ въ это время спрашивать?

— Много,—отвѣчали казаки.

— А какъ-же они дорогу не портятъ, будочниковъ не грабятъ?

— Опасаются. Наблюденіе за дорогой.

— Кого-же они грабятъ?

— А такъ, если идетъ какой отсталый человѣкъ—брюхо ему распорютъ, сапоги, шапку, одежа на немъ какая есть, сейчасъ долой и уѣдутъ. А то на селенія нападаютъ—селенія грабятъ,—болталъ словоохотливый казакъ; но генералъ махнулъ ему пальцами—ему, должно быть, не понравилась эта болтавня въ его присутствіи—и казаки отошли отъ окна.

Поѣздъ полетѣлъ дальше и—дѣйствительно, на право и на лѣво отъ дороги я увидѣлъ цѣлое море камышевое. Громадная безконечная равнина и все камышъ, камышъ и конца ему нѣтъ. Слы-

шится изъ глубины этого моря гулъ какой-то—это вѣтеръ доноситъ шелестъ листьевъ. Слышится немолчный, ни на минуту непрерываемый, трескъ милліоновъ кузнечиковъ. Камышъ сплошной массой, стѣна стѣной стоитъ по сторонамъ пути, и ни дорожки, ни тропинки на немъ. Какія-то большія, бѣлыя птицы, въ родѣ чаекъ, поднимаются оттуда, летятъ нѣкоторое время, усталый глазъ слѣдитъ за ними и вдругъ онѣ опять куда-то пропадаютъ и опять пустыня, безъ признаковъ жизни и жилья. Только однѣ будки съ плоскими, бѣлыми крышами, кавказскаго образца, и передъ ними, выскочившія къ поѣзду, съ сложенными флагами въ рукахъ, наши обыкновенныя, простыя русскія бабы съ подоткнутыми юбками и босикомъ.

Я глядѣлъ въ окно. Вдругъ позади меня кто-то окликнулъ. Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности. Оборачиваюсь—В. И. Р—ъ. Стоитъ въ дверяхъ моего купе и удивленно смотритъ на меня, разводя руки:

— Откуда вы? Гдѣ вы сѣли?

— Я съ Тифлиса.

— И я. Какъ-же я васъ не видалъ. Въ Баку ѣдете?

— Въ Баку,—сказалъ я. Да вѣдь и вы туда-же?

— Разумѣется. Куда-же тутъ еще.

Викторъ Ивановичъ—человѣкъ, много видавшій на своемъ вѣку, много пожившій, много испытавшій, но и много поработавшій. Такому собесѣднику нельзя не быть раду.

— Экая досада,—говорилъ онъ, что мы раньше не увидали другъ друга. А я такъ скучалъ одинъ. Какой-то нѣмецъ сидитъ съ вонючей сигарой... бульдогъ съ нимъ... Вы въ Баку только ѣдете, или дальше? По дѣлу?

— Ничего не могу вамъ сказать, и самъ ничего не знаю,—сказалъ я. Можетъ быть, до Баку только, можетъ быть дальше.

— Но въ Баку-то пробудете сколько нибудь?

— О, непремѣнно.

— Съ недѣлю, или больше?

— Ничего, я вамъ говорю, не знаю. Какія письма я получу, все оттого.

— Милости прошу тогда ко мнѣ,—позвалъ онъ.

Я поблагодарилъ.

— Въ Баку у васъ много знакомыхъ?

— Никого. Вотъ вы единственный. Везу, впрочемъ, туда много писемъ, поклоновъ, карточекъ отъ знакомыхъ.

— Не секретъ отъ кого?

Я сказалъ нѣсколько фамилій.

— Не знаю. Вотъ этого одного я только знаю. Это очень дѣльный человѣкъ, сказалъ онъ про моего хорошаго знакомаго, давшаго мнѣ нѣсколько рекомендацій въ Баку. Онъ устроилъ П—у все его нефтяное дѣло, но только оно, вы слышали вѣроятно?..

— Да. И неужели не нашлось человѣка у васъ ни въ Баку, ни въ Москвѣ, чтобы удержать это дѣло?..

Онъ повелъ бровями, усмѣхнулся и покачалъ головой:

— Не одинъ П. Всѣ въ такомъ-же точно положеніи—всѣ мы почти въ убытокъ работаемъ.

— Да отчего-же это?

— Много причинъ. Вотъ будете на мѣстѣ, услышите, увидите.

— Ну, а вотъ этотъ нефтепроводъ, когда проведутъ его...

— Ну, а тогда совсѣмъ матъ будетъ.

— Какъ такъ?!..

Я и понятія не имѣлъ, что это такое Баку, нефть, нефтяные источники, заводы керосиновые. Я читалъ только обо всемъ этомъ нѣсколько замѣтокъ въ „Новомъ Времени“ и тамъ-же двѣ или три статьи „Жиды въ керосинѣ“—вотъ все, что я зналъ. Это былъ весь мой научный арсеналъ. Но я зналъ также, что въ Баку орудуютъ милліонеры. Нобель, Кокоревъ, Шибаевъ и вновь объявившійся Ротшильдъ... И вдругъ такой отзывъ объ дѣлахъ въ Баку...

— Позвольте, да отчего же это?

— Когда проведутъ нефтепроводъ-то?

— Да.

— Да ее, нефти, ужъ и такъ мало остается. Прежде мы ее получали на глубинѣ двадцати, тридцати сажень, а теперь надо буравить сто, сто двадцать, даже сто сорокъ сажень...

Она есть, да во что она намъ обойдется-то?

Вѣдь одна такая буровая стоитъ тысячъ

тридцать, а то и всѣ сорокъ. Да и не всякая удается...

Въ Тифлисѣ, въ гостинницу Лондонъ, гдѣ я стоялъ, каждый день приходили обѣдать какихъ-то двое—одинъ, повидимому, русскій, другой армянинъ. Они садились за столикъ на балконѣ, возлѣ меня, и я каждый день невольно слушалъ ихъ разговоръ.

Я рѣшилъ, что они нефтепромышленники или керосиновые заводчики, вообще люди этого дѣла. Однажды какъ-то они начали говорить о профессорѣ Менделѣевѣ и объ его теоріи происхожденія нефти. Я уже пообѣдалъ и, отъ нечего дѣлать, слушалъ ихъ. Какъ не спеціалистъ, я всего конечно понять не могъ, но запомнилъ, что по этой теоріи, разъ они ее разсказывали, нефть образуется изъ воды вслѣдствіи вліянія на нее окиси желѣза. Теперь, когда Р—ъ началъ жаловаться на истощеніе или убыль нефти, я спросилъ его, что это такое я слышалъ.

— Научная гипотеза — ничего больше. А развѣ на основаніи гипотезы можно выдавать концессіи?

Я слушалъ его и ничего не понималъ.

— Люди затрачивали, рисковали, работали, поставили дѣло, какъ оно ни на есть, все-таки на ноги... Пришли вдругъ какіе-то господа—у насъ вѣдь нефтепромышленники двухъ сортовъ: бакинскіе и петербургскіе—и—нате вамъ, берите все, а тѣ могутъ убираться. И все это потому, что

г. Менделѣеву пришла въ голову какая-то гипотеза... Да она можетъ быть и очень хорошая, но вѣдь можетъ быть и никуда не годится. Менделѣевъ профессоръ и авторитетъ по химіи, а это вопросъ чисто геологическій...

— Ну, сказалъ я, тутъ-то ужъ совсѣмъ я ничего не понимаю.

— Да нечего тутъ и понимать...

Онъ хотѣлъ было начать мнѣ объяснять, въ чемъ тутъ все дѣло и въ чемъ вся суть, но я сказалъ, что это не по моей части и трудъ его будетъ совсѣмъ напрасный: вы вотъ скажите мнѣ лучше, что это за городъ Баку?

— Увидите, пріѣдете... Городъ, который живетъ и существуетъ благодаря нефти. А отведутъ отъ города нефть и города не будетъ.

— Одна гипотеза останется?

— Да, именно вотъ одна гипотеза останется.

Въ окно виднѣлась все та-же безконечная равнина камышей. Все тѣ же бѣлыя птицы откуда-то вылетали, неслись по воздуху нѣкорое время и опять исчезали. Было уже часа два. Жара становилась ужасной, просто дышать, съ непривычки, было нечѣмъ. Небо бѣлое, сухое, раскаленное. Изъ камышей несется цѣлая туча звуковъ—стрекочутъ кузнечики, стрекозы, какія-то большія, зеленыя, блестящія казявки, которыхъ двѣ штуки лежатъ у меня въ коробкѣ. Я взялъ ихъ на одной станціи, когда онѣ трещали, сидя у платформы на вѣткѣ, кажется, фисташковаго дерева.

— Сейчасъ будетъ станція Аджи-Кабулъ, проходя по вагону сказалъ оберъ-кондукторъ.

— Много здѣсь будемъ стоять?

— Двадцать пять минутъ. И обращаясь ко мнѣ добавилъ:—вотъ за этой станціей вскорѣ и пески начнутся. Если вы охотникъ—въ Аджи-Кабулѣ знаменитая охота; кабаны, фазаны,—все есть, чего хотите.

Аджи-Кабулъ небольшая сравнительно станція, какъ и всѣ почти постройки на закавказской ж. д. но очень веселенькая, такая уютная, чистенькая. На станціи маленькій буфетикъ, который мы всѣ атаковали, и все, что было въ немъ, съѣли и выпили. У одного столика лежали пачки только что полученныхъ газетъ и между прочимъ „Новое Время". Я посмотрѣлъ на число—десять дней назадъ. Экъ, куда я залетѣлъ! подумалъ я.

Дѣйствительно, съ слѣдующей-же, кажется, станціи—Алятъ—начались ужь, въ перемежку съ камышами, и пески. Чѣмъ дальше, камыши все рѣже и рѣже, песчанныя равнины шире, солончаковая земля совсѣмъ сѣрая, потрескавшаяся. Съ непривычки эти трещины просто поражаютъ—въ руку и больше трещины попадаются. Тутъ ужъ началась мягкая, бѣлая пыль. Я стоялъ и смотрѣлъ въ окно, обернулся какъ-то и вдругъ увидалъ, что все въ вагонѣ бѣлое стало—обивка, чемоданы, моя черная бурка—все бѣлое... Лицо, руки, все какъ то непріятно связало. Пыль лѣзетъ въ ротъ, въ носъ—дышать нельзя отъ нея. А песчанныя равнины все шире и шире. Наконецъ онѣ слились въ одну без-

конечную пустыню. Тамъ, вдали, налѣво, потянулись голые, песчанные бугры — совсѣмъ какъ у Данта въ описаніи ада, гдѣ мечется въ чистилищѣ смятенная, тоскующая, изнывающая душа... Тутъ ужъ буквально все замерло кругомъ. Даже звуковъ никакихъ. Что-то торжественное и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное. И по этой пустынѣ, какъ звѣрь, летитъ могучій локомотивъ, таща за собою громадный поѣздъ. Сознаніе его силы какъ-то невольно переходитъ отъ него и на человѣка, и это даетъ бодрость, умѣряетъ картину печальныхъ, мертвыхъ окрестностей.

Но вотъ направо что-то блеснуло—море.

— А вонъ видите, сказалъ подходя ко мнѣ Р—ъ, налѣво... вотъ сѣренькіе холмики...

— Что это?

— Это Балаханы, Сабунчи... Это вышки фонтановъ...

Издали они кажутся точно кучки, въ которыя ставятъ коноплю бабы, когда вынутъ ее изъ воды, послѣ, какъ намочили уже ее.

— А вонъ дальше чернѣется—это дымъ надъ „Чернымъ городомъ"—это ужъ Баку.

Черезъ полчаса поѣздъ остановился у высокаго, большого, чрезвычайно красивой и оригинальной архитектуры вокзала. На верху па немъ славянскими буквами надпись: Баку.

Мы пріѣхали.

II

Первые шаги и первыя впечатлѣнія

Поражаетъ въ Баку, прежде всего видъ домовъ. Когда я, со ступенекъ вокзала, первый разъ увидалъ городъ, мнѣ показалось, что тутъ былъ пожаръ и еще не успѣли отстроиться: всѣ дома безъ крышъ, въ нашемъ смыслѣ, какъ привыкъ нашъ глазъ къ этому; конечно, крыши есть, но онѣ невидны, потому что плоскія и даже нѣсколько углублены внутрь стѣнъ. Потомъ, эти безконечные каменные заборы—точно стѣны начатаго и недостроеннаго еще зданія. Камень — изъ кирпича въ Баку нѣтъ, кажется, ни одного дома — изъ котораго здѣсь построены всѣ дома, такого же точно цвѣта—грязно-желто-сѣраго какъ и пустынныя окрестности Баку, и пыль, покрывающая здѣсь рѣшительно все, начиная отъ васъ самихъ, все на улицѣ и все даже внутри запертой комнаты съ запертыми окнами. Такой всюду проникающей, дѣлающей почти невозможнымъ дыханіе, пыли кажется нигдѣ въ мірѣ нѣтъ. Вы чувствуете себя съ утра до ночи покрытымъ этой пылью: ею связаны у васъ руки, лицо, вы чувствуете ее на языкѣ даже. Во время вѣтра, а онъ дуетъ три дня въ недѣлю ужь обязательно, всѣ извозчики ѣздятъ не иначе, какъ съ завязанными ртами. Ее нѣтъ силы выносить и

не выносятъ ее даже туземцы, привыкшіе къ ней съ дѣтства.

— Что же это такое? почти испугался я, входя въ номеръ гостинницы, куда привезъ меня извозчикъ персіянинъ, завѣрявшій, что это лучшая во всемъ городѣ.

— Что такое? не менѣе удивленно посмотрѣлъ на меня хозяинъ, жирный армянинъ, какихъ сколько угодно въ персидскихъ магазинахъ у Казанскаго моста, на Невскомъ.

— А вотъ это...

Я показалъ на пыль, покрывавшую точно персидскимъ порошкомъ всѣ предметы въ комнатѣ.

Онъ широко осклабился и любовно потрепавъ меня по плечу сказалъ: ничего, это сейчасъ велю стереть. Она все равно, впрочемъ, сейчасъ же опять насядетъ...

Окна были закрыты и въ комнатѣ было душно. Кромѣ того пахло еще какой-то мазью—лекарство тутъ что-ли какое принималъ мой предшественникъ, или это изъ сосѣдняго номера, но только я этого запаха никакъ не могъ вынести и потомъ.

— Ну-съ, а что это удовольствіе стоитъ? оглядывая убогую обстановку номера, спросилъ я.

— Это недорогой номеръ. Этотъ всего только три рубля, снисходительно сказалъ онъ.

Я такъ и ахнулъ. Такіе „номера“ въ меблированныхъ комнатахъ въ Петербургѣ стоятъ рублей семь, восемь въ мѣсяцъ. Въ гостинницахъ такихъ „номеровъ“ я что-то не видывалъ.

— Позвольте, сказалъ я, сколько?

— Два съ полтиной.

И онъ сдѣлалъ невиннѣйшее и наивнѣйшее лицо.

— Хотите, можетъ другой, побольше?

— Не больше, а почище, по порядочнѣе.

— Да вотъ сейчасъ. У насъ много—Грандъ-отель, девяносто номеровъ, столъ, прислуга, постельное, умывальное бѣлье, кровати желѣзныя—клопъ, блоха, тараканъ,—ничто не заведется, болталъ онъ типичнымъ гортаннымъ голосомъ, идя впереди меня по корридору:

— Ну, вотъ...

И этотъ, и другой номеръ, который онъ мнѣ показалъ, были рѣшительно одинаковы, только побольше немного, и за это чуть не вдвое дороже. Мой первый номеръ мнѣ показался все-таки лучше, „дурной запахъ“ мазью я надѣялся вывести, и потому, нечего дѣлать, ѣхать было некуда, сказалъ, что остаюсь здѣсь.

— Грандъ-отель, самая лучшая и самая большая гостинница, лучше во всемъ городѣ нѣтъ. А теперь, если взять удобства: умывальникъ въ каждомъ номерѣ, вотъ и эта посуда, щеточки для зубовъ... мыло тридцать копѣекъ... два чистыхъ полотенца въ день, прислуга даромъ, все даромъ... Бани сейчасъ возлѣ, мраморныя, турецкія... чистый бѣлый мраморъ, баньщики на самаго капризнаго угодятъ...

— Хорошо-съ, хорошо-съ, хорошо. Я посмотрю. Только нельзя-ли умыться?

— Сейчасъ, сейчасъ. Иванэ! закричалъ хозяинъ, растопыривъ руки и переваливаясь выбѣжалъ въ корридоръ: Иванэ!.. Иванэ!..

Наконецъ на зовъ его явился малый лѣтъ шестнадцати, миловидной наружности, съ большими черными глазами, въ голубой кашемировой рубашкѣ и въ бѣлыхъ панталонахъ.

— Вотъ вы ему. Онъ у васъ будетъ... Вы ему и прикажете. Онъ хорошій малый, говорилъ хозяинъ.

— Что, баринъ, вы прикажете? Я все вамъ сейчасъ, баринъ, угодливо, заискивающе началъ онъ. Можетъ съ дороги въ баньку угодно? Тутъ не далече. Я васъ провожу, баринъ.

— Да вѣдь извозчики знаютъ?

— Знаютъ. Всѣ знаютъ!

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ въ баню поѣхать, это пожалуй лучше еще будетъ? Я чувствовалъ, что я весь въ пыли, что эта ужасная пыль облѣпила и обсыпала меня всего, что все тѣло въ ней и связано ею.

— Вотъ что, сказалъ я:—купи мнѣ мыла и кстати размѣняй 25 рублей.

— Сейчасъ, баринъ.

Я взялъ съ собою свое полотенце, простыню, это мыло, которое онъ мнѣ принесъ, а двадцать пять рублей, размѣнянные на мелкія бумажки, оставилъ на столикѣ у кровати. Заперъ номеръ, положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ.

— Въ бани! Въ самыя лучшія, какія только у васъ есть, сказалъ я извозчику.

Извозчикъ персъ — парная колясочка, — какъ сумасшедшій понесся по узенькимъ, извилистымъ, кривымъ улицамъ, какъ-то непостижимо минуя и разъѣзжаясь со встрѣчными, такими же какъ и онъ сумасшедшими извозчиками.

— Тише, тише, кричалъ я съ непривычки. Но „персюкъ“ оглядывался, широко улыбался и гналъ лошадей по прежнему. Передъ какимъ-то не то домомъ, не то заборомъ онъ остановился. На воротахъ надпись: „Европейскія бани“.

— Это самыя лучшія?

— Сама лучша.

Ни въ одномъ самомъ захолустномъ русскомъ городкѣ нѣтъ ничего подобнаго по грязи этимъ „Европейскимъ банямъ“. Я вошелъ и такъ и ахнулъ. Боже ты мой, что же это такое? И это въ столицѣ недавно цѣлаго ханства! Гдѣ же эта восточная, пресловутая банная роскошь и нѣга?.. Вонь потомъ, грязные прегрязные, съ крашеными руками, съ лиловыми носами персюки-банщики, съ которыхъ кажется чортъ знаетъ чего не возьмешь, чтобы дозволить ему коснуться до тѣла, невообразимая грязь и какая-то копоть въ номерахъ, по которымъ они меня водили, все увѣряя, что слѣдующій номеръ чище и лучше, и наконецъ цѣлая куча въ концѣ корридора полупьяныхъ, оборванныхъ, съ испитыми лицами женщинъ, закутанныхъ въ жалкія тряпки — и это называется Европейскими банями!..

— Куда ты меня привезъ! закричалъ я, выска-

кивая изъ этого омута, извозчику. Неужели у васъ нѣтъ лучше бань?

Онъ улыбался мнѣ съ козелъ и отрицательно покачивалъ головой.

— Эта самыя лучшія?

— Да... да...

Онъ еще болѣе осклабился и кивалъ головой утвердительно.

Жара уже замѣтно спала. Вѣтеръ утихъ почти. Вдали виднѣлось синее, блестящее подъ солнцемъ море.

Въ морѣ развѣ выкупаться? У васъ есть купальни?

— Есть! обрадовался точно онъ.

— Хорошія?

— Хорошія!..

— Вези меня въ самыя лучшія.

Онъ бѣшено понесся изъ улицы въ улицу, по какимъ-то переулкамъ, и наконецъ мы вдругъ вылетѣли на широкую, просторную набережную, прекрасно устроенную и содержимую. Море почти у самыхъ ногъ. Длинные, узкіе мостки ведутъ отъ берега къ купальнямъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, саженей ста.

По мосткамъ туда и назадъ валилъ народъ—барыни въ легкихъ, чуть не сквозныхъ платьяхъ, персюки въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, въ бекешахъ изъ такой же сквозной почти матеріи, съ крашеными въ желтую краску руками, въ неудобныхъ, жесткихъ, грубыхъ туфляхъ и въ фуражкахъ съ

кокардами. Я взглянулъ съ мостковъ на воду и невольно остановился. Море все было сплошь покрыто плавающей нефтью. Перламутровыя пятна ея, которыми я такъ любовался на Волгѣ, здѣсь сплотились въ одну сплошную, жирную, зловонную массу, которая плавала и колыхалась на волнахъ, отливая всевозможными цвѣтами радуги. Тутъ же плавало и безчисленное множество яичной скорлупы—точно кто-то перебилъ здѣсь для какой-то цѣли милліоны яицъ или разбило здѣсь барку съ ними. Недалеко отъ меня остановился и тоже смотрѣлъ въ воду какой-то молоденькій офицерикъ.

— Что это за яицы? Откуда это они? спросилъ я его.

— А головы моютъ... Оттуда изъ купаленъ... Здѣсь вѣдь мыломъ нельзя мыться. Здѣсь, вы видите, это вѣдь мажутъ (нефтяные остатки). Отъ него волосы на головѣ такъ у васъ слипнуться, что вы ихъ потомъ и не раздерете никакъ.

— Какъ же тогда купаются? Развѣ и тамъ—я показалъ дальше на море—тоже нефть?

— Все равно. Нордъ былъ—ее и нанесло съ моря страхъ что. Я хотѣлъ было пойти купаться, да ужь очень противно. Вонючая она отчего-то такая сегодня.

— Ну, бани у васъ. Хорошо и купаніе въ морѣ, сказалъ я Иванэ, когда вернулся домой.

— А что, баринъ? смотря съ недоумѣніемъ мнѣ въ глаза, спросилъ онъ.

— Чортъ знаетъ что. Дайте мнѣ умыться пожалуйста.

Я отперъ номеръ, взошелъ, сталъ раздѣваться, хотѣлъ положить часы на столикъ и вдругъ вспомнилъ о моихъ размѣненныхъ двадцатипяти рубляхъ, которые уѣзжая я оставилъ на немъ. Ихъ не было. Я посмотрѣлъ у себя въ карманѣ — не забылъ-ли, не положилъ-ли ихъ потомъ—нѣтъ.

— Иванэ, сказалъ я, въ номеръ сюда послѣ меня, вы не входили?

— Нѣтъ, баринъ. А что?

— И никто не входилъ?

— Нѣтъ баринъ. А что вы такъ спрашиваете? Развѣ потеряли что?

— Да, потерялъ. Вотъ тутъ двадцать пять рублей я оставилъ и ихъ нѣтъ. Вотъ тѣ, которые вы размѣняли, помните?

— Помню, баринъ. Какъ-же: вы мнѣ дали двадцати пяти рублевую бумажку и сказали еще: Иванэ, размѣняй мнѣ. Я ее вамъ и размѣнялъ. Какая досада. Гдѣ же вы потеряли? продолжалъ онъ тѣмъ же наивнымъ и удивленнымъ тономъ.

— Не потерялъ, а украли у меня, сказалъ я.

— Украли? Кто-же?

Въ корридорѣ громко звалъ кто то: Иванэ! Иванэ!..

Иванэ сказалъ мнѣ:—сейчасъ, баринъ, и побѣжалъ туда. Черезъ минуту я услыхалъ опять этотъ же голосъ:—Такъ нельзя! это чортъ знаетъ что. Я за полиціей пошлю. Изъ запертаго номера вытащили!..

Я вышелъ въ корридоръ.

— Помилуйте, обратился ко мнѣ высокій, сѣдой господинъ очень приличной наружности:

— Поѣхалъ я сейчасъ въ баню, выкупаться хотѣлъ съ дороги, оставилъ деньги здѣсь въ номерѣ, думалъ цѣлѣй будутъ, пріѣзжаю, а ихъ нѣтъ. И ключъ у меня былъ... Хозяина сюда!

Иванэ пожалъ плечами и побѣжазъ за хозяиномъ.

— Много у васъ вытащили? спросилъ я.

— Четыреста рублей.

— А кто у васъ служитъ? Онъ? спросилъ я про Иванэ.

— Онъ все приходитъ.

Явился хозяинъ. Старикъ накинулся на него съ разсказомъ о происшествіи въ своемъ номерѣ.

— Тс... тс... пожимая плечами, причмокивалъ хозяинъ. Эдакое несчастье! эдакое несчастье! Гдѣ же вы потеряли?

— Да что вы не понимаете-ли что-ли? Не потерялъ я, а украли у меня! кричалъ старикъ.

— Украли? Кто укралъ?

Старикъ злобно-судорожно сжалъ кулаки и поднося ихъ чуть не къ самому лицу армянина, не проговорилъ, а простоналъ на половину и на половину прошипѣлъ:—о-о-о... власть-бы моя...

Я ничего не сказалъ о происшествіи въ моемъ номерѣ. Я былъ очень доволенъ, что отдѣлался такъ дешево.

Были уже сумерки—онѣ здѣсь ужасно быстро наступаютъ—когда умывшись наконецъ и переодѣвшись съ дороги, я пошелъ бродить по городу. На

набережной, съ которой я сейчасъ только вернулся, такъ неудачно попытавшись выкупаться въ морѣ, теперь была толпа почти сплошная. Всѣ двигались въ одномъ куда-то направленіи. Въ магазинахъ, въ лавкахъ, на улицахъ зажигались безчисленные огни. Керосинъ здѣсь ни почемъ, чуть не даромъ— все равно его жечь—его и жгутъ въ невѣроятномъ количествѣ. Я вмѣшался въ толпу и пошелъ съ ней. Вечеръ начинался дивный. Жара совершенно спала, вѣтеръ утихъ, о пыли и помину нѣтъ. Вдругъ передъ самымъ почти губернаторскимъ домомъ съ моря потянулъ вѣтерокъ—и ужасающее зловоніе.

— Это что такое?

— А здѣсь вѣдь нечистоты въ море бросаютъ. Ну, какъ вѣтеръ, съ моря, ихъ опять назадъ сюда къ берегу и прибиваетъ вмѣстѣ съ нефтяными остатками, объяснилъ мнѣ шедшій рядомъ со мною бакинецъ, какой-то чиновникъ.

Мы прошли полосу зловонія и опять все прошло, опять чистый, свѣжій, безъ удушья вечерній воздухъ. Толпа съ набережной повернула направо черезъ улицу въ жиденькій, точно только что насаженный садикъ. У воротъ его стояло съ десятокъ колясокъ—кучера все персюки въ бараньихъ шапкахъ, въ чичунчевыхъ бекешахъ. Бѣлыя лошади, въ желтыхъ—шафраннаго цвѣта—пятнахъ, ноги и хвосты тоже выкрашенные. Взойдя въ садъ, толпа по асфальтовымъ дорожкамъ разбрелась во всѣ стороны. Я пошелъ дальше, все въ гору и на самомъ концѣ ея, на верху, увидалъ ярко освѣщенный про-

сторный павильонъ. Оттуда слышалась музыка, гулъ шаговъ и говоръ. Павильонъ очень миленькій, изящной постройки, чистенькій. Здѣсь передъ павильономъ опять толпа—всѣ проходятъ куда-то и опять возвращаются. Въ самомъ павильонѣ довольно пусто. Я прошелъ съ толпой нѣсколько разъ взадъ и впередъ и въ павильонъ. У одного изъ столиковъ я сѣлъ и велѣлъ подать себѣ чаю. Не прошло и десяти минутъ, какъ возлѣ меня кругомъ началъ ходить какой-то старикъ съ огромной сѣдой бородой, въ очкахъ и съ открытой огромной книгой въ рукахъ. Ходитъ и все на меня пучится. Наконецъ я не выдержалъ и спросилъ.

— Да записаться вамъ надо, сказалъ онъ.

— Куда записаться?

— Въ книгу. Вы на чье имя?

— Да это что-же такое? Клубъ развѣ?

— Клубъ, конечно.

Дежурный старшина, которому я послалъ свою визитную карточку, очень милый и любезный человѣкъ, записалъ меня и съ этого вечера сдѣлался моимъ постояннымъ собесѣдникомъ и покровителемъ. Онъ-же познакомилъ меня въ этотъ вечеръ, здѣсь-же, въ клубѣ, и со всѣми тѣми, къ кому у меня были письма и карточки отъ моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ. Я, такимъ образомъ, сразу сдѣлался въ Баку своимъ человѣкомъ.

— Ужасный городъ, говорили одни изъ моихъ новыхъ знакомыхъ. Вотъ вы недѣлю проживете и то увидите, что здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ ин-

тересовъ, кромѣ нефтяныхъ: керосинъ, мазутъ, нефть, нефтяные остатки, саларовое масло—вотъ все, чѣмъ люди заняты, что ихъ интересуетъ.

Изъ за нихъ они ссорятся, враждуютъ, готовы проглотить другъ друга.

Все человѣческое: дружба, совѣсть, вся умственная и нравственная сторона—все вытравлено у нихъ, выскреблено и вычищено. Вы вообразить даже не можете, до чего это здѣсь доходитъ...

— Городъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, говорили другіе. Десять, двѣнадцать лѣтъ назадъ вѣдь это и десятой доли не было того, что вы видите теперь. Персюки да казенные чиновники—вотъ и все. Да! Десятка два, впрочемъ офицеровъ еще было..

И все это нефть сдѣлала!.. Вы гдѣ остановились?

— Въ гостинницѣ какой-то—Грандъ-отель что-ли.

— А вы знаете въ этой гостинницѣ девяносто нумеровъ! Въ столицѣ и то мало такихъ...

Я улыбался и слушалъ. Я уже зналъ объ ея прелестяхъ. — Театръ, реальное училище, теперь женская гимназія еще. А каковы зданія-то? Домъ Лалаевыхъ, пассажъ Калентаровыхъ!.. Въ рѣдкомъ губернскомъ городѣ вы найдете такія. А набережная-то передъ губернаторскимъ домомъ?

Я все слушалъ.

— Реалисты! возражали противники Баку. Вотъ погодите-ка черезъ часъ сюда наберутся эти реалисты. Вамъ показать ихъ—такъ вы и не повѣ-

рите, что это ученики. Бородищи во какія, усищи, бакенбарды... Изъ двадцати человѣкъ одинъ развѣ кончитъ курсъ. А ведутъ себя какъ? Проходу отъ нихъ никому нѣтъ. Ходятъ стадами, шайками. Намедни что они у С—ча то сдѣлали. Почтенный старикъ, отставной морякъ, дочь у него ужь взрослая дѣвушка—да вонъ онъ ходитъ.—Начали они за горничной, которая живетъ у нихъ, ухаживать, проходу ей не давали, наконецъ, пришли чуть не ночью и начали вызывать ее, чтобъ она вышла къ нимъ. Она не вышла, такъ они всѣ окна въ квартирѣ перебили, насилу отбились отъ нихъ, полиція ужь отогнала ихъ... А если за барышней какой начнутъ они здѣсь въ саду ухаживать—берегись ужь она—такихъ ей чудесъ надѣлаютъ, что не будетъ знать, какъ и уйти ей отъ нихъ. Да чего лучше: надняхъ напали они на гимназистокъ, когда тѣ выходили изъ гимназіи, начали ловить ихъ. Онѣ назадъ, въ гимназію. Эти за ними. Насилу успѣли затворить двери, запереться. Такъ что же бы вы думали? Съ досады шестнадцать оконъ выбили въ женской гимназіи!.. Что-жь, неправда развѣ?

— Это-то такъ, соглашались защитники Баку. Ну, горничная-то сама, говорятъ, впрочемъ, виновата. То кокетничала съ ними, а то вдругъ они пришли, а она и испугалась, не вышла къ нимъ.

Къ намъ подошелъ С—вичъ, почтенный, весь бѣлый, какъ лунь, старикъ съ добродушной физіономіей. Меня представили ему. Немного погодя за нимъ пришла звать его куда-то молоденькая дѣ-

вушка, портретъ его — его дочь. Меня представили и ей.

— Сейчасъ, гулинька, сейчасъ иду. Я сейчасъ приду, говорилъ старикъ. Она ушла, а онъ продолжалъ:—Да, ну, что-жь дѣлать, молодежь, хотя дѣйствительно очень ужь иногда... того... шалятъ, говорилъ онъ и добродушно улыбаясь, посматривалъ на всѣхъ.

Внизу, у самаго павильона послышался крикъ. Кого-то ловили, били; они бѣжали и кричали. Вслѣдъ затѣмъ раздался все покрывающій голосъ:—Вотъ я васъ!

— Что это такое?

— Это Ефимова, помощника полиціймейстера голосъ, говорили въ толпѣ.

Мы пошли туда, гдѣ раздавались крики. Поспѣшая, туда же прошелъ мимо насъ губернаторъ, высокій, худой, какъ тѣнь, старикъ. Придерживая тесаки, пробѣжали два городовыхъ.

Стояла толпа человѣкъ въ двѣсти.

— Вотъ я васъ! говорилъ помощникъ полиціймейстера.

— Опять? Не пускать ихъ больше въ садъ! приказывалъ губернаторъ.

Какой-то господинъ среднихъ лѣтъ, солидной наружности, произносилъ что-то въ родѣ рѣчи, всѣ его слушали:

— ...Наука для всѣхъ одинакова... Наука всѣхъ объединяетъ... Какъ разные роды оружія въ одной и той же арміи...

— Въ чемъ дѣло? спросилъ я.

— Да вы видите, опять эти реалисты... Вы смотрите, молодцы-то какіе, все лѣтъ по двадцатипяти пяти, шести...

Дѣйствительно, говорившаго рѣчь обступила кучка человѣкъ въ пятьдесятъ очень почтенныхъ на видъ молодыхъ людей въ форменныхъ гимназическихъ фуражкахъ и въ форменныхъ лѣтнихъ холщевыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ лакированными поясами. Все молодецъ къ молодцу: съ баками и бородами расчесанными, какъ у Василія Ивановича Немировича-Данченко и съ такими же выразительными глазами и такой же молодцоватой осанкой.

— Что же они надѣлали?

— А вотъ видите въ чемъ дѣло. Они, наши, здѣшніе-то, реалисты, а изъ Тифлиса пріѣхали двое классиковъ-гимназистовъ. Эти проѣзжіе и поссорились съ реалистами. Ну, ихъ и побили, разумѣется. Вы слышали крики-то были—это классики кричали. Нашихъ-то много, а ихъ двое всего...

— Да неужели нельзя насадить въ нихъ правила приличія, нравственности, сказалъ я.

— Насадите! возражали мнѣ. Объ насажденіи и рѣчи нѣтъ. Унять-бы ихъ — и то спасибо. Вы знаете, вѣдь это все дѣти нефтепромышленниковъ. Вотъ что здѣсь нефтью, мазутомъ, керосиномъ, масломъ торгуютъ—самый грубый все народъ. Они дома къ этому еще развѣ привыкли?

— Да что-же, развѣ эта спеціальность огрубляетъ особенно ужь такъ? невольно удивился я.

— Да вѣдь, помилуйте, сегодня онъ нефтепро-

мышленникъ, когда нефть или керосинъ въ цѣнѣ, а завтра нефть или керосинъ упали—они кабатчики, растовщики, содержатели извозчиковъ. Да вотъ вы увидите — развѣ вы думаете это торговцы — заводчики—чортъ знаетъ это что—самоварники: поставилъ перегонный кубъ—вотъ и заводъ у него. Безграмотные, совсѣмъ безграмотные... Всѣ кабаки имъ принадлежатъ въ городѣ, всѣ ростовщичьи притоны.

— Покажите мнѣ хоть одного изъ нихъ. Они бываютъ здѣсь въ клубѣ?

— Въ клубѣ—нѣтъ, а внизу, въ саду—сколько угодно ихъ. Да вонъ они, двое на скамейкѣ-то сидятъ.

— Это персюки?

— Ну, да. Татары, персюки—кто же ихъ тамъ разберетъ... На дняхъ будетъ собраніе у нихъ, т. е. у нефтепромышленниковъ и заводчиковъ въ думѣ. Будутъ составлять прошеніе къ министру—тамъ вы ихъ всѣхъ увидите.

— Да я-то въ качествѣ чего туда попаду?

— Ну, такъ, посмотрѣть, послушать. Тамъ вѣдь рѣчи будутъ говорить—Рагозинъ, Нобель... Краснорѣчія этого вѣдь у насъ...

— Фонтаны цѣлые, подсказалъ я.

— Больше.. Рѣки цѣлыя словъ. Дѣло-то вотъ только ни съ мѣста...

Когда я уходилъ изъ сада и сталъ прощаться съ моими новыми знакомыми, двое или трое изъ нихъ предупредили меня:

— Вы сегодня сказали, что хотите пѣшкомъ до-

мой идти—вечеръ вамъ понравился—а оружіе съ вами есть какое нибудь?

— Нѣтъ.

— Ну такъ лучше берите коляску, извозчика.

— А что?

— Такъ. У насъ вѣдь на счетъ этого просто: пырнетъ такъ ни за что, ни про что персюкъ какой—и концы въ воду. То и дѣло слышишь: тамъ зарѣзали, того ранили—рѣзали, да не зарѣзали—и слѣдовъ никакихъ. Кажется, примѣра у насъ еще не было, чтобы поймали какого убійцу. Всѣ знаютъ кто убилъ, т. е. кто нанялъ и подослалъ убійцу, а доказательствъ и прямыхъ уликъ никакихъ. Что угодно сдѣлаютъ, а ужь своего не выдадутъ. Да что вамъ говорить, лучше всего прошлогодняя исторія съ полиціймейстеромъ. Два года рѣзали не зарѣзали, на третій наконецъ прикончили и среди бѣлаго дня, и онъ зналъ еще, что въ этотъ день на него будетъ покушеніе... И—никакихъ слѣдовъ, чисто!.. Да вѣдь здѣсь всѣ съ револьверами ходятъ, особенно ужь загородъ кто ѣдетъ...

— Да у васъ губернаторъ укротитель радопскихъ разбойниковъ, сказалъ я.

— Да! это когда было-то? А теперь онъ старичекъ у насъ. Тутъ и молодому-то въ пору справиться только. Вы видѣли—народъ все рѣшительный, отчаянный... Да и теперешнему помощнику полиціймейстера не сдобровать. Его ужь предупредили сами эти мерзавцы. Народъ, я вамъ скажу, здѣсь—воръ и разбойникъ.

Я называю имена, фамилію и событія такъ прямо потому, что все, что я разсказываю здѣсь, факты, слышанныя мною отъ десятковъ лицъ и провѣренные мною лично. На все у меня есть свидѣтели, которые никогда не откажутся подтвердить, какъ ни кажется все это маловѣроятнымъ...

Когда ужь поздно ночью я пріѣхалъ изъ клуба домой, въ корридорѣ гостинницы меня опять встрѣтилъ Иванэ.

— Ну, что, баринъ, не нашли?

— Я ему ничего не отвѣтилъ на это, а спросилъ, не нашелъ-ли свои деньги мой сосѣдъ.

— Нѣтъ, баринъ.

Въ номерѣ, уѣзжая, я нарочно оставилъ на столѣ у кровати двугривенный—исчезъ и онъ.

„Ну, значитъ, ничѣмъ здѣсь не пренебрегаютъ. Будемъ это знать“, подумалъ я.

Укладываясь спать, я заперъ номеръ на ключъ и кромѣ того, „на всякій случай“, заставилъ дверь диваномъ:—„въ случаѣ чего“все-таки, молъ,услышу...

Вѣтеръ (нордъ), дувшій три дня подъ рядъ, наконецъ стихъ. Тучи бѣлой пыли, которыя онъ поднималъ и гналъ по улицамъ, улеглись.

Громъ желѣза на крышахъ, вой, хлопанье дверей — прекратились. Море, которое я видѣлъ изъ моихъ оконъ, все время темносинимъ съ бѣлыми по немъ гребнями волнъ, успокоилось и опять стало свѣтлое, какъ зеркало, блѣдно-голубое.

— Василэ! позвалъ я корридорнаго (Иванэ отъ насъ наконецъ перевели въ другой корридоръ). Что, нордъ кончился? Совсѣмъ стало тихо?

— Совсѣмъ.

— Смотрите здѣсь, пожалуйста, вездѣ пыль, платье вычистите. Уберите все тутъ. Окна откройте.

Василэ открылъ окна, и чистый, свѣжій воздухъ ворвался въ комнату. Ахъ, какая прелесть! Я нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ, стараясь какъ можно больше захватить этого живого воздуха. Вдругъ стало такъ легко, кругомъ все такъ весело хорошо... Я три дня—все время пока дулъ нордъ—не выходилъ изъ гостинницы. Слушанье этого воя вѣтра, хлопанье дверей, грома желѣза на крышахъ—ужасное производитъ впечатлѣніе. Маломальски нервный человѣкъ не можетъ этого вынести. Является какая-то тоска, необъяснимая, гнетущая, доходящая до отчаянія. И нѣтъ при ней возможности ничѣмъ заниматься, ничего читать, ни о чемъ думать даже...

— А мы при этомъ что дѣлаемъ? — Въ карты играемъ, говорили мнѣ настоящіе бакинцы, ощущающіе — къ ней нельзя привыкнуть — эту же самую тоску.

— Но, я не играю, отвѣчалъ я.

Они, бакинцы, дѣйствительно, въ это время собираются другъ къ другу съ самаго утра и дуются безъ конца въ карты.

Вечеромъ, къ ночи, такъ къ часамъ къ одинад-

цати, когда нордъ все таки обыкновенно хоть немного стихаетъ, они переѣзжаютъ всѣ въ садъ, въ павильонъ, открытыя стороны котораго закрываются отъ вѣтра брезентами, и... опять дуются въ карты, тамъ ужь до утра.

— А то вотъ что: напиваться хорошо въ это время. Выпейте бутылокъ пять кахетинскаго, да потомъ семь-восемь рюмокъ бенидиктину — голову и затуманитъ.

И въ Баку играютъ и пьютъ такъ, какъ нигдѣ, ни въ одномъ уѣздномъ или губернскомъ городѣ. Бутылки, карты, шашлыкъ и осетинскій сыръ—это все, что вы видите, куда бы вы ни пошли, въ какой-бы часъ дня и ночи.

— Позвольте, ну что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, вы будете дѣлать здѣсь?.. Керосинъ, нефть, нефтяные остатки?—Но если они васъ не интересуютъ, не занимаетесь вы ими? Тогда что-же? Карты и вино—больше ничего не остается. Общества никакого-же. Вѣдь это развѣ общество? Какое-же это общество—сто, двѣсти человѣкъ? Это кружокъ. Всѣ другъ друга знаютъ и даже до тошноты знаютъ—знаютъ на столько, что знаютъ у кого сколько дѣтей, какъ ихъ зовутъ, который каждому изъ нихъ годъ пошелъ, даже все и это знаютъ.

Дѣйствительно бакинцы другъ про друга все знаютъ... Лучше ихъ самихъ знаютъ про нихъ развѣ только одни бакинскіе извозчики. Эти ужь дѣйствительно все знаютъ про всѣхъ бакинцевъ и про всѣхъ бакинокъ...

— Вы вотъ что, вскорѣ по моемъ пріѣздѣ говорилъ мнѣ одинъ мой новый пріятель—бакинецъ,—вы напрасно все разныхъ извозчиковъ берете. Надо вамъ одного держаться.

— Почему это?

— Такъ ужь онъ вамъ все будетъ дѣлать... Если послать его куда... Они вѣдь все знаютъ, всѣхъ... Отъ нихъ, ничего не скроешь... Думаешь, сдѣлать такъ, никто не узнаетъ, а они на другой день, глядишь, уже все знаютъ.

— И „это все", значитъ, тоже всѣ знаютъ?

— Да ужь тамъ, послѣ-то, узнавай неузнавай, все равно—дѣло уже сдѣлано...

Я знаю нѣсколько очень запутанныхъ и хитрыхъ интригъ, которыя, почти что, можно сказать, на моихъ глазахъ запутались, а потомъ разыгрались во время моего пребывьнія въ Баку. И все при помощи извозчиковъ-персюковъ. Вездѣ все мѣстныя особенности, нравы, пріемы, обычаи... Въ Баку, мнѣ говорили, любовныхъ записокъ, напримѣръ, никто не пишетъ, все на словахъ передаютъ извозчики-фаэтонщики, персюки, эти глупыя, бараньи—черныхъ барановъ—лица, ничего, кажется, непонимающіе, оказывается, напротивъ, необыкновенно понятливыми въ этихъ дѣлахъ.

— Ахметка, поѣзжай туда-то... знаешь?.. передай... въ такомъ-то часу...

Ахметка ѣдетъ и передаетъ. Ну, какъ, кажется, онъ сдѣлаетъ это? Нельзя же ему придти на квартиру и передавать при всѣхъ домашнихъ зачѣмъ

его прислали. А Ахметка ужь съумѣетъ, вывернется, ужь сдѣлаетъ, что ему приказали...

— Безъ нихъ просто намъ бы матъ былъ, говорили мнѣ холостые бакинцы.

Персюки—у тѣхъ вѣдь строго, чуть что замѣтятъ если, сейчасъ въ животъ пырнутъ; артистокъ, арфистокъ, хористокъ у насъ нѣтъ. Самому вести интригу—канитель, длинная исторія, да и гдѣ „съ ней“ укроешься-то? Все равно, отъ извозчиковъ не скроешь, ужъ они узнаютъ, еще хуже: „а, скажутъ, безъ насъ хочешь обойтись!..“ А тутъ ужъ покойное дѣло, онъ все сдѣлаетъ, все на его отвѣтственности онъ и переговоритъ, и у него же ужо вечеромъ фаэтонъ крытый къ услугамъ...

Впрочемъ, съ этой стороны мнѣ хвалили фаэтонщиковъ персюковъ и не одни только холостяки-бакинцы. Точно также отзывались объ нихъ и многіе изъ женатыхъ, особенно тѣ, жены которыхъ не при мужьяхъ, но живутъ „въ Россіи“.

Особенно я любилъ наблюдать эти маневры фаэтонщиковъ-благодѣтелей по вечерамъ на набережной около городского садика. Идете вы и видите стоитъ какая-то мужская или женская фигура или тихо двигается. Вдругъ, откуда ни возьмись, вылетаетъ изъ какой нибудь улицы закрытый фаэтонъ, подскакиваетъ къ фигурѣ сразу, лошади останавливаются—такъ уже пріучены—фигура ныряетъ въ фаэтонъ и онъ опять бѣшено куда-то уносится: — „Что тамъ былъ уже кто нибудь, дожидался ужъ въ фаэтонѣ, невольно думаете вы при этомъ, или

это персюкъ проѣзжалъ, чтобы взять и доставить по адресу, какъ было у него уже ранѣе условлено?..“ Въ началѣ меня это очень занимало и я чуть не каждый день ходилъ на набережную наблюдать эти маневры ихъ.

Нравы здѣсь во многомъ напоминаютъ Персію съ ея особенностями. Но объ этихъ особенностяхъ я умолчу. Когда я удивлялся тому, что въ русской провинціи персидскіе нравы такъ открыто практикуются, мнѣ возражали, что русскіе въ Баку представлены очень плохо.

— Вы вотъ поживете, увидите что это такое всѣ эти подрядчики, поставщики, ихъ агенты... Ими вѣдь теперь Баку биткомъ набитъ... Вы гдѣ стоите? Въ Грандъ-Отелѣ? При васъ „наши закаспійскіе“ еще не пріѣзжали ни разу?

— Нѣтъ. А что?

— Ну, вотъ вы увидите, какъ пріѣдутъ... да и не въ одномъ нравственномъ отношеніи мы имъ плохой здѣсь подаемъ примѣръ. Точно также мы не можемъ здѣсь похвастаться и удачными нашими усиліями оживить и вызвать къ дѣятельности здѣшніе производства и промысла. Рыболовство по Курѣ пало, производство марены прекратилось, ковровое производство и сравнивать нельзя съ тѣмъ, что было.

— Ну, объ маренѣ я слышалъ, сказалъ я.

— Что вы слышали?

— Она замѣнена теперь анелиновыми красками.

— Это вамъ долго очень разсказывать, какъ она

замѣнена анелиномъ и можно-ли ее замѣнить. Когда производство почти что погибло, теперь его опять хотятъ возстановить. Я вамъ, пожалуй, дамъ копію съ одного любопытнаго чиновничьяго документа по этому поводу. Производство марены погубили а потомъ, въ этомъ документѣ, пишутъ, кончается онъ этимъ: „надо надѣяться, что наука наконецъ обратитъ должное вниманіе на этотъ важный для края промыселъ и придетъ къ нему на помощь“... Наука придетъ, изволите видѣть. Чиновники на науку ссылаются. Остается только, чтобы они съ ней еще переписку завели... И заведутъ. А тамъ, глядишь, черезъ годъ, черезъ два пріѣдутъ чиновники и изъ Петербурга, привезутъ съ собой корешки какіе нибудь и будутъ учить насъ какъ сажать и ростить эту марену...

Я улыбнулся. Вѣдь та-же исторія...

— Ну, а ковровое производство почему-же упало?

— Все потому-же... Вы вотъ что, сказалъ онъ: пойдите въ темные ряды—вы не были еще тамъ?—пойдите туда и спросите старые ковры и нынѣшніе, новѣйшіе. Я ужь не говорю о текинскихъ—тѣ теперь такая мерзость, что и сравнивать ихъ нельзя съ тѣми, какіе дѣлались до насъ—вы на здѣшніе посмотрите только...

Всякій, кто бывалъ въ Баку и вообще на Кавказѣ, знаетъ, самъ видѣлъ тѣ и другіе ковры, т. е. и прежніе, еще недавніе, и теперешніе и знаетъ какая, дѣйствительно, огромная разница между

ними. Ничего общаго. Совершенно другой товаръ...

Но не всѣ въ Баку такъ мрачно смотрятъ, не всѣ ужь такіе пессимисты. Есть тамъ, и очень много, и славныхъ ребятъ изъ той новой породы молодцовъ, которые развелись у насъ за послѣднее время и которымъ всякое море по колѣно, о чемъ ни заговори—они все знаютъ и все сейчасъ могутъ поправить и поставить какъ слѣдуетъ. Эти добрые ребята даже преобладаютъ въ Баку. Я нигдѣ не видѣлъ такихъ открытыхъ физіономій, такихъ роскошныхъ бакенбардъ, такихъ чистыхъ, бѣлыхъ зубовъ—осклабится,—зубы совсѣмъ какъ у собаки—бѣлые, чистые, ровные... Но мнѣ больше еще нравилось ихъ душевное настроеніе:

— Нельзя, говорили они мнѣ.—Вы думаете, легко намъ было и это сдѣлать?

Я молчалъ и слушалъ.

— Теперь намъ до Индіи ужь одинъ шагъ. И нечего тутъ церемониться, мямлить...

Меня смущало только ихъ забвеніе пройденнаго, нежеланіе даже и слышать о томъ, что осталось позади ихъ...

Я слушалъ ихъ и все думалъ: „А ну, какъ они полетятъ, залетятъ, да и не воротятся къ намъ? Что мы тогда будемъ безъ нихъ дѣлать?“ Но тотчасъ же находилъ успокоеніе въ томъ, что ихъ у насъ много и они на глазахъ моихъ ростутъ изъ года въ годъ все больше и больше. Оскудѣнія у насъ въ этомъ смыслѣ у насъ не будетъ—это было для меня ясно.

Окончательно же укрѣпился я въ этой мысли, когда однажды, придя изъ сада ужь поздно вечеромъ, услышалъ въ гостинницѣ, очень тихой обыкновенно, голоса по крайней мѣрѣ человѣкъ двадцати, довольно ужь надсаженные, даже охриплые нѣсколько, но тѣмъ не менѣе достаточно еще сильные, чтобы пѣть „камаринскаго мужика“ и „барыню“. Оживленіе въ корридорахъ было тоже необыкновенное: разные Иванэ, Василэ бѣгали какъ угорѣлые. Вскакивали въ номера и моментально опять вылетали оттуда. Нѣсколько персюковъ — извозчиковъ тоже входили и выходили.

— Василэ, поймалъ я, наконецъ, корридорнаго, что это такое?

— Наши закаспійскіе пріѣхали, останавливаясь на бѣгу отвѣтилъ онъ мнѣ и опять пустился куда-то рысью.

— Вонъ оно что. Наконецъ-то! подумалъ я. Было уже часа два ночи.—Василэ! опять поймалъ я корридорнаго:—когда они пріѣхали?

— Часа три. Какъ пароходъ пришелъ.

— Это теперь на всю ночь?

— На всѣ три дня.

— А извозчики эти зачѣмъ тутъ?

— Посылать будутъ ихъ...

— Ахметка здѣсь? Султанка здѣсь? раздалось въ это время изъ одного номера. И вслѣдъ за тѣмъ въ дверяхъ показалась растегнутая фигура вся въ бѣломъ и высокихъ форменныхъ рабочихъ сапогахъ. Ахметка, Султанка и еще какіе-то кинулись впередъ.

Черезъ часъ всѣ пять номеровъ, занятыхъ подрядъ „нашими закаспійскими“, представляли нѣчто невиданное и неслыханное мною,—а ужь я ли, кажется, не видалъ кутежей, начиная отъ ремонтерскихъ и кончая концессіонерскими и подрядческими. Когда я отворилъ дверь моего номера—я было попытался лечь спать и выглянулъ въ корридоръ,—Ахметки и Султанки, извозчики, Василэ и Иванэ чуть не со всей гостинницы, женщины, наконецъ сами „закаспійцы“—все это толкалось, смѣшалось и двигалось по корридору. Я поспѣшилъ конечно затворить дверь. Проходя мимо моего номера, двое или трое толкнулись въ него. Минутъ черезъ десять въ гостинницѣ все стихло. Голоса теперь послышались на улицѣ. Я отворилъ опять дверь въ корридоръ.

— Василэ! Куда это они? Уѣхали совсѣмъ?

— Въ бани поѣхали...

— Значитъ теперь на нѣсколько часовъ будетъ все тихо—можно спать?

— Да какъ это, развѣ узнаешь это. Не понравится тамъ что нибудь имъ, возьмутъ да опять сюда вернутся, отвѣчалъ Василэ.

Въ Баку есть полиціймейстеръ г. Науменко, высокій, съ бакенбардами, мужчина лѣтъ пятидесяти пяти. Онъ тоже старожилъ и, такъ вообще, какъ человѣкъ наблюдательный и по должности имѣющій постоянное отношеніе къ населенію города, знаетъ, конечно, хорошо натуру этого населенія и вообще настроеніе умовъ и сердецъ въ немъ.

— Населеніе очень покойное, увѣрялъ онъ меня.

— А какъ-же вотъ эти случаи? возражалъ я ему.

— Навѣрно русскіе-же виноваты. Кротче этого населенія я не знаю. Вы попробуйте-ка позволить себѣ что либо подобное съ нѣмцами, французами или англичанами?..

— А то вотъ мнѣ все кажется, какъ бы они когда нибудь и того...

— Никогда... Самое, я вамъ говорю, смирное населеніе. Вы пойдите на базаръ. Видятъ русскій идетъ—сейчасъ: баринъ, баринъ!.. кухарка идетъ—барыня, барыня!.. два слова вѣдь только и знаютъ...

— Такъ что изъ терпѣнія ихъ ничѣмъ не выведешь?

— Ничѣмъ...

Этого-же самаго мнѣнія держатся и очень милые и любезные губернаторскіе чиновники особыхъ порученій. Они, безъ сомнѣнія, служа ужь по нѣскольку лѣтъ, хорошо ознакомились съ краемъ и его населеніемъ, и исполнены самыхъ покойныхъ взглядовъ на положеніе дѣлъ.

— Ну, вотъ такъ, напримѣръ, вы ѣдете по дѣлу или катаетесь, часто я вижу, верхомъ, если заѣдете нѣсколько далеко—ничего?

— Ничего.

— И не было никакихъ эдакихъ приключеній? Случаевъ, что называется?

— Никакихъ.

— Ну, а вотъ исполненіе эдакихъ игривыхъ иногда предпріятій?.. Ничего они?..

— Ну, да вѣдь это обставляется ужь всегда... Нѣтъ, ни разу ничего не было...

— Такъ это, значитъ, еще лѣтъ десять, двадцать и это будетъ такое-же точно мирное и спокойное населеніе, какъ и въ какой нибудь Тамбовской или Орловской губерніяхъ?

— Конечно.

— Ну, и есть у нихъ все-таки сознаніе, чувство благодарности?

— Грубы, невѣжественны они еще...

— Все-таки понимаютъ, по крайней мѣрѣ, что для нихъ дѣлается? Нѣтъ этой глухой, затаенной вражды противъ насажденія цивилизаціи?

— Видите, это довольно трудно сказать. Городское населеніе, конечно, скорѣй культивируется. Вы смотрите, деревенскіе жители вѣдь ни за что не станутъ пить вина—магометане—а городскіе ужь пьютъ... только пока еще тайкомъ.

Мы сидѣли и говорили это въ общемъ залѣ гостинницы. Пришли два перса, подозвали какого-то Василэ или Иванэ, поговорили что-то съ нимъ и онъ проводилъ ихъ въ отдѣльный кабинетъ. Вслѣдъ затѣмъ Василэ принесъ туда водку, закуску и проч.

— Ну, вотъ: видите, сказалъ мой собесѣдникъ, они ужь пьютъ. Тайкомъ, но все-таки пьютъ...

Мнѣ хотѣлось познакомиться и узнать взгляды на этотъ-же предметъ правителя канцеляріи губернатора, г. Казюлькина. Онъ давно уже занимаетъ это мѣсто и при томъ человѣкъ съ литературнымъ образованіемъ (онъ былъ одно время ре-

Библиотека

портеромъ въ одной изъ мѣстныхъ газетъ); но такъ какъ-то все выходило—то мнѣ некогда было, то его не было въ городѣ—я такъ и не познакомился и не узналъ его взглядовъ.

Слабѣе всего въ Баку, кажется, поставлена слѣдственная часть, по крайней мѣрѣ по открытію убійствъ. Говорятъ, будто за все время открыто одно убійство—именно, когда одинъ персъ отрѣзалъ голову своей невѣрной любовницѣ—и то это убійство открыто потому только будто-бы, что самъ этотъ персъ принесъ (онъ понесъ ее черезъ весь городъ) голову своей любовницы въ участокъ полицейскій и сказалъ, чтобы его арестовали... Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ пессимисты. Съ полиціймейстеромъ-же и чиновниками особыхъ порученій мнѣ объ этомъ случаѣ, какъ и вообще объ открытіи убійствъ, говорить не приходилось и потому высказаться опредѣленнѣе и утвердительнѣе я боюсь. Впрочемъ, вотъ довольно яркая иллюстрація къ этому положенію. Черезъ нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ весь городъ былъ въ страшномъ смущеніи,—пропала одна гречанка, красавица, говорятъ, собой. Всѣ знали ее, видали. Она жила съ сыномъ одного мѣстнаго богатаго торговца. Отецъ, не желая продолженія этой связи, женилъ сына, разсчитывая, что этимъ онъ наставитъ на путь истинный. Но это не помогло, тайкомъ сынъ все-таки продолжалъ съ нею связь. Тогда она вдругъ исчезла. Въ Баку знаютъ, что значатъ эдакія исчезновенія... Черезъ нѣсколько дней весь городъ

зналъ доподлинно кто ея убійца, т. е. кѣмъ онъ нанятъ, гдѣ и какъ ее убили и въ чью именно мазутную яму на заводахъ ее бросили. Тѣмъ не менѣе убійство это не было открыто вплоть до моего отъѣзда. При мнѣ въ Баку было и кромѣ этого еще нѣсколько убійствъ между Бѣлымъ городомъ и Чернымъ и ни одно изъ нихъ тоже не было открыто. А то все еще ничего.

— Самое лучшее, мы сдѣлаемъ такъ: завтра— вы рано встаете?—я заѣду къ вамъ въ восемъ часовъ и мы поѣдемъ въ Балаханы въ коляскѣ; въ девять мы будемъ уже тамъ, говорилъ одинъ мой знакомый, съ которымъ мы собирались ѣхать осматривать „промыслы“.

— А отчего-бы не раньше? Въ девять ужь начинается жара. Я не переношу ее. Эти ваши 40—45 градусовъ для меня ужасная вещь. Мнѣ въ голову бьетъ.

— Да что-же раньше-то тамъ дѣлать? Вѣдь раньше восьми тамъ никого и нѣтъ. Въ восемь часовъ только начинаются работы...

Было тихое, ясное утро, когда на другой день мы поѣхали въ Балаханы—мѣстность въ 14 верстахъ отъ Баку, гдѣ сосредоточены всѣ главнѣйшіе нефтяные промыслы. Жара еще не начиналась. На улицахъ было совершенно пусто. Всѣ магазины, лавки, гостинницы были заперты. Чьи-то два ослика стояли посреди улицы. Два-три керболая (носильщики) согнувшись, съ растегнутыми рубашками на груди, тутъ-же спали на тротуарѣ, подложивъ

подъ головы свои спинныя подушки, на которыя они взваливаютъ тяжести. Возлѣ нихъ, свернувшись въ клубки, нѣсколько черныхъ и рыжихъ персидскихъ борзыхъ спали такимъ-же безмятежнымъ сномъ. Мы проѣхали длинный рядъ пустынныхъ скучныхъ, узкихъ улицъ, и выѣхали на площадь передъ вокзаломъ желѣзной дороги. Прямо—вилась дорожка за городъ въ Балаханы, вправо въ Черный городъ, только что просыпавшійся и начинавшій дымить своимъ чернымъ, какъ уголь, нефтянымъ дымомъ. Туда-же, къ Черному городу тянулись, по бокамъ дороги, и ряды—цѣлый лѣсъ—телеграфныхъ и телефонныхъ столбовъ. Такіе-же ряды этихъ столбовъ дальше, впереди, тянулись и отъ Чернаго города къ Балаханамъ. Телефоны и телеграфы эти—частная собственность заводчиковъ и соединяютъ ихъ промыслы съ заводами и конторами ихъ въ Баку. Мы начали спускаться подъ горку, правильнѣе, что называется, подъ извилокъ въ широкую равнину, всю изрытую какими-то рвами, ямами оврагами, буераками и дорогами и дорожками съ выбитыми глубокими колеями. Мѣстами по этой долинѣ попадаются голые, обнаженные пласты бѣловатаго камня и потомъ опять сплошной сыпучій песокъ. Кое-гдѣ запыленные, низенькіе кустики колючки—единственная растительность въ это время года. Влѣво, впереди, тамъ, гдѣ долина поднимается опять въ гору, виднѣется рядъ холмовъ, такихъ-же песчаныхъ съ лысинами изъ такого-же голаго, грязно-бѣлаго камня. Дорога идетъ возлѣ

этихъ холмовъ, у самаго ихъ подножія и ее далеко видно—она бѣлая, потому что песокъ съ нея снесло и остался одинъ камень. За холмами дорога идетъ все выше, все въ гору. Тутъ ужь песку почти совсѣмъ нѣтъ, одинъ камень, рыхлый, ноздреватый, ни на что, повидимому, негодный. Это мѣсто самое высокое между Баку и Балаханами. Отсюда съ горы, если смотрѣть впередъ, видны вышки въ Балаханахъ, а обернуться назадъ — Баку съ нависшей надъ нимъ тучей чернаго дыма съ заводовъ. Мертвая, библейская мѣстность. Возлѣ дороги, саженяхъ въ двадцати отъ нея, нѣсколько загорѣлыхъ, почти черныхъ персіянъ или татаръ работали, что-то складывали изъ камня.

— Что это они дѣлаютъ? спросилъ я.

— Колодезь.

— Какъ? На эдакой высотѣ?

— Это ужь ихъ дѣло. Это они по обѣщанію. Они, какъ всѣ добрые мусульмане, должны были въ Мекку сходить, но почему нибудь не могли, не собрались и вотъ теперь дѣлаютъ доброе дѣло, взамѣнъ этого. Это доброе дѣло зачтется имъ потомъ...

Дальше, вправо отъ дороги, полуразрушенная стѣна какого-то строенія.

— Что это такое?

— Это тоже „доброе дѣло“. Это былъ когда-то домикъ, въ которомъ пріѣзжіе, если ихъ заставалъ вѣтеръ и гналъ на нихъ тучи песку, или зимой заставала метель—въ Баку бываютъ какія еще ме-

тели!—могли укрыться въ немъ. Онъ былъ построенъ тоже по обѣщанію.

Странны, съ непривычки, эти проявленія смятеннаго, алчущаго и жаждущаго успокоенія духа. По базару вдругъ вы видите бѣжитъ съ кувшиномъ въ рукахъ здоровый малый и предлагаетъ всѣмъ даромъ воду. Жара страшная, воду эту пьютъ у него—онъ дѣлаетъ „доброе дѣло". Стоитъ у дороги высокій, худой старикъ, воротъ рубашки растегнутъ и видна почти черная, загорѣлая грудь, сухія, жилистыя руки опущены, и висятъ какъ плети. Онъ видитъ вонъ, тамъ ѣдетъ тяжелый возъ, лошади трудно будетъ съ нимъ подняться въ гору, онъ ждетъ, когда она поравняется съ нимъ, чтобы помочь ей подняться въ гору—онъ готовится сдѣлать „доброе дѣло"...

Идетъ молчаливая, хотя и на глазахъ у всѣхъ работа успокоенія духа. Никто никогда не спрашиваетъ въ чемъ дѣло, по какому случаю данъ обѣтъ, всѣ понимаютъ, что это дѣло совѣсти и копаться въ ней никто не вправѣ: дѣлается „доброе дѣло",—чувствуетъ, значитъ, что ему надо дѣлать...

По ухабамъ, выбоинамъ, по камнямъ просто торчащимъ изъ земли мы начали спускаться въ другую опятъ долину, сильно забирая все влѣво. Впереди виднѣлась какая-то узкая, блестящая подъ солнцемъ полоска. Съ приближеніемъ къ ней она становилась все шире и шире и наконецъ разрослась въ широкую, десятинъ въ двадцать, снѣговую поляну.

— Что это такое?

— Соленое озеро.

— Да? И берутъ отсюда соль?—Я первый разъ видѣлъ соленое озеро.

— Нѣтъ, не стоитъ. Вѣдь это тоненькій претоненькій слой, не толще листа сахарной бумаги.

Мы вышли изъ коляски и пошли къ снѣговой полянѣ. Солнцѣ блеститъ ослѣпительно на ней. Я былъ въ высокихъ сапогахъ и пошелъ по мягкой, слегка влажной—мѣстами у берега бѣжали ручейки—по рыхлой почвѣ. Гдѣ ступитъ нога, тамъ желтый слѣдъ: соль прилипаетъ къ ногамъ и остается голый песокъ. Мы прошли въ гулбь шаговъ полтораста.

— И все его можно перейдти?—спросилъ я.

— Теперь—да. Весной оно довольно глубокое Но теперь вода вся испарилась.

Удивительно оригинальное впечатлѣніе производитъ эта какъ снѣгъ бѣлая поляна среди желтыхъ, мертвыхъ, песчаныхъ окрестностей. Снѣгъ въ знойной пустынѣ. Мы прошли еще дальше. Вдали, налѣво, виднѣлись какіе-то мостики.

— Это переходъ на случай половодья, дождей?—Это мостики?

— Гдѣ мостики? Ахъ, вотъ это! это развѣ мостики—это трубы нефтяныя—нефтепроводъ.

Начиная отъ самаго почти Баку дорогу намъ пересѣкали то и дѣло какія-то трубы чугунныя и другія, какъ будто свинцовыя. Онѣ то уходили въ землю, т. е. въ песокъ, то вновь оттуда выползали

и лежали на поверхности, точно гигантскія змѣи нѣжась и грѣясь на солнцѣ.

— Масса ихъ какая, сказалъ я, когда первый разъ увидалъ ихъ.

— Какъ-же.

— Ну, чьи вотъ эти, толстыя?

— Это Нобеля. Это первыя, которыя были проложены здѣсь. Теперь у него ихъ что-то, вмѣстѣ съ заводскими, нефтяныхъ и керосиновыхъ, верстъ полтораста, если не больше, лежитъ.

На Соленомъ озерѣ трубы лежатъ на козлахъ вышиною аршина на полтора отъ земли. Издали точно мостики для перехода съ одного берега на другой.

Мы походили еще сколько-то, вернулись къ коляскѣ, сѣли и поѣхали дальше. Начиналась жара. Съ жарой, точно дождавшись когда она наступитъ, началось и оживленіе на дорогѣ. Насъ обогнало и попалось на встрѣчу нѣсколько такихъ-же какъ наша колясокъ. Попалось нѣсколько арбъ—кое какъ сколоченные изъ досокъ ящики на двухъ колосальной величины колесахъ. Сухая персидская лошадка съ выточенной умной мордочкой на тоненькихъ „чистыхъ“ ножкахъ довольно легко тащитъ по невозможной дорогѣ этотъ невозможный повидимому экипажъ съ странно подвѣшенной подъ нимъ черной вонючей бочкой ведеръ въ тридцать—сорокъ. Въ ящикѣ сидитъ полуголый персюкъ съ повязанной платкомъ головой. Колеса немилосердно скрипятъ и шатаются во всѣ стороны.

— А это чрезвычайно удобный экипажъ, отвѣчалъ мнѣ на мое замѣчаніе о безобразіи арбы мой пріятель. Тяжесть подвѣшена внизу между колесами...

Колеса громадныя. Въ нашей обыкновенной телѣгѣ такая лошадка этой тяжести не свезла бы по такимъ дорогамъ.

— Да что они возятъ?

— Нефть.

— Съ промысловъ на заводы?

— Да. Прежде, до Нобеля, всѣ такъ возили. Вы знаете, съ проложеніемъ нефтепроводовъ двѣ тысячи человѣкъ извозчиковъ-персюковъ остались безъ работы. Это одна изъ причинъ ненависти здѣсь въ народѣ къ крупнымъ заводчикамъ. Это обыкновенная исторія что и съ проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ; но вотъ, что замѣчательно. Первое время по прокладкѣ дороги, особенно на большихъ торговыхъ трактахъ вездѣ и всегда почти были случаи порчи рельсовъ, шпалъ; тутъ-же ничего этого не было. Никто эти нефтепроводы никогда не охранялъ, испортить, просто пересѣчь, перепилить такую трубу, какъ вы видите, ничего не стоитъ, выпустить нефть и нанести этимъ какой угодно убытокъ, легче чего ужь я не знаю и ни одного случая порчи...

— Чѣмъ-же это вы объясняете?

— Мм... Много тутъ этому причинъ. Здѣсь жизнь — копѣйка, зарѣзать васъ ничего не стоитъ: по личной мести, по злобѣ, по найму, наконецъ васъ зарѣжутъ и охотниковъ найти на это можно сколько

хотите, А вотъ что касается до собственности — совсѣмъ другое дѣло. Вы знаете, до нашего сюда прихода никто не зналъ почти что такое замки. Никто на ночь не запиралъ ничего и все было цѣло. И теперь случаевъ мелкаго воровства между здѣшнимъ населеніемъ встрѣчается очень мало.

— А крупнаго? спросилъ я.

— Да крупнаго—это ужь „хищеніе", это ужь наше преимущество. Они, чтожъ, могутъ крупнаго-то украсть?..

Мой спутникъ былъ ужасный поклонникъ патріархальныхъ правилъ и еслибы ему повѣрить, то выходило такъ, что мы принеся съ собою сюда цивилизацію и насаждая ее, только и сдѣлали, что развратили это патріархальное населеніе.

Арбы съ подвѣшенными подъ ними бочками нефти тянулись намъ на встрѣчу почти сплошными обозами. Голые почти персюки, сожженые солнцемъ безсмысленно смотрѣли на насъ своими такими-же черными, какъ и всѣ они, лицами.

— Ну, вотъ, патріархальность-то ваша, развѣ лучше она? указалъ я головой моему пріятелю на безобразную колесницу и ея отупѣлаго хозяина.

— Да развѣ я объ этомъ? Развѣ я говорю, что нефть намъ и до сихъ поръ слѣдовало-бы возить на арбахъ? Это вѣдь ужь была-бы безсмыслица. Я про наши пріемы, про цивилизацію-то нашу.

На встрѣчу намъ летѣла коляска, поровнялась съ нами и сидѣвшіе въ ней двое какихъ-то чинов-

никовъ въ форменныхъ фуражкахъ съ кантиками и кокардами, раскланялись съ моимъ знакомымъ.

— Кто-это?

— Культуртрегеры, отвѣтилъ онъ.

— Здѣшніе или присланные сюда?

— Присланные, петербургскіе. Въ глаза не видали до этого своего пріѣзда сюда, какъ и тартаютъ нефть-то, а учатъ туда-же насъ.

— А можетъ въ Америкѣ они были?

— Въ третьемъ Парголовѣ они были...

Замѣчательно это ожесточеніе вездѣ противъ пріѣзжихъ чиновниковъ изъ Петербурга.

По правдѣ говоря, это большей частью все самый невинный народъ и если не дѣлаютъ они, являясь на мѣсто производства, никакой никому пользы, то и вреда вѣдь отъ нихъ никому нѣтъ. Но люди живого дѣла не такъ на нихъ смотрятъ. Они никакъ не могутъ помириться съ мыслью, что ихъ дѣло, вопервыхъ не единственное, которое требуетъ вниманія петербургскихъ чиновниковъ и потомъ какъ это такъ человѣкъ берется за дѣло берется судить объ немъ и даже предлагаетъ и приводитъ въ исполнеіе то или другое упорядоченіе, не смысля въ этомъ ничего ровно...

Отъ Соленаго озера недалеко ужъ и до Балахановъ—рукой, что называется, подать. Всѣ вышки и конторы ужъ на виду. Трубы нефтепроводовъ вылѣзли всѣ изъ-подъ земли и лежатъ на поверхности, направляясь каждая къ своему участку.

— Ни одного фонтана, экая досада сказалъ мой

спутникъ, оглядывая всю площадь, уставленную вышками.—А вѣдь вчера еще какой у Дебура былъ роскошный фонтанъ. Третьяго дня у Нобеля страхъ какой тоже былъ.

— Они не долго развѣ бьютъ?

— Нѣтъ. Теперешніе всѣ короткіе. День, два, много три и довольно. Прежде долгіе были. Прежде развѣ столько было нефти-то...

— Да какъ-же я вотъ все читаю, что никакого истощенія нѣтъ, сказалъ я.

— Это кто вамъ говорилъ?

— Да вотъ читаю. У Менделѣева... Она тамъ какъ-то, по его выходитъ, каждый день все новая и новая образуется, такъ что вотъ эта, которую вы сегодня черпаете, можетъ быть вчерашняго образованія, свѣжая...

— Да, свѣжія булки! Ну, это-то мы получше знаемъ, какъ она не убываетъ. Знаете пословицу? Жена мужу говорила: „Не вѣрь своимъ очамъ, а вѣрь моимъ рѣчамъ“.

— Ну, сказалъ я.

— Ну, и тотъ мужъ оказался дуракъ, который повѣрилъ ея рѣчамъ, а не своимъ очамъ. Такъ и тутъ, и въ этомъ дѣлѣ. И отъ насъ хотятъ, что бы мы повѣрили не своимъ очамъ, а чужимъ рѣчамъ...

— Я тутъ ничего не понимаю, сказалъ я.

— Знаю, да мы-то понимаемъ здѣсь, куда эта игра ведетъ, для чего она затѣяна...

Впереди, надъ одной изъ вышекъ показался ка-

кой-то желтый, бурый дымокъ. Потомъ сейчасъ опять исчезъ.

— Что это такое, спросилъ я, вонъ, надъ одной изъ этихъ вышекъ, показалось что-то желтое и опять пропало.

Въ это время желтый дымокъ опять показался.

— А-а! фонтанчикъ. Но это дрянь. Это такъ, маленькій какой-то. Развѣ это то, что называется фонтаномъ. То такая картина, что отъ нея не оторвешься просто. Кажется, все глядѣлъ-бы и глядѣлъ на нее. Величественное и вмѣстѣ страшное, необъяснимо что-то страшное въ ней... Эдакая досада, что сегодня нигдѣ на всей площади ни одного хоть обыкновеннаго нѣтъ.

Мы подъѣхали къ какой-то большой, просторной избѣ съ навѣсами, стоявшей ужъ у самыхъ почти вышекъ, оставили тамъ лошадей и пошли пѣшкомъ дальше. Вонь нефтью здѣсь ужъ нестерпимая съ непривычки. Подъ ногами вездѣ все лужи черной вонючей жидкости. Дерево на вышкахъ тоже все черное, точно обгорѣлое послѣ пожара, и блестящее, какъ отъ воды, которою поливали, когда гасили пожаръ. Но это все нефть.

По лужамъ нефти, по песку, обильно смоченному той-же нефтью и оттого темно-грязному, мы взошли въ довольно просторный сарай, съ вертикально стоящей посрединѣ его широкой, черной, грязной трубой. Въ этой трубѣ, внутри ея, ходитъ цилиндръ—ведро—изъ котораго, когда оно достигаетъ извѣст-

ной высоты, немного выше роста человѣка, выливается зачерпнутая въ глубинѣ земля, черная почти буро-зеленая густая масса—это и есть нефть. Верхъ вышки не обшитъ тесомъ и потому внутри сарая довольно свѣтло, такъ что я могъ свободно разсмотрѣть весь не сложный процессъ „тартанія", т. е. выкачиванія нефти. Цилиндръ внутри трубы приводится въ движеніе локомобилемъ, стоящимъ тутъ же въ сараѣ и отапливаемомъ, разумѣется, той-же нефтью. Грязный, весь вымазанный, смоченный нефтью, рабочій копошится у огня, дергаетъ за какую-то веревку, послѣ чего и льется нефть. Изъ цилиндра, обливая всю трубу,—всегда все это скверно у всѣхъ пригнано, неряшливо до невозможности—нефть льется въ деревянный желобокъ, такой ширины и емкости, какъ обыкновенныя корыта въ хлѣвахъ, гдѣ кормятъ, на купеческихъ свинарняхъ, для убоя на сало свиней. Изъ желобка нефть льется прямо ужъ на землю, т. е. на песокъ, и ручейками бѣжитъ, дѣлая довольно прихотливые изгибы, въ огромныя ямы, наполненныя такой-же нефтью. Общее впечатлѣніе — свинство. На козловскихъ бойняхъ, когда вы укажете на массу зря проподающей крови, на зря пропадающія копыта, рога, внутренности убитыхъ животныхъ, вамъ отвѣтятъ:—„Да что-жъ, это ничего не стоитъ, всего не соберешь". Въ Баку такое-же точно отношеніе къ нефти на промыслахъ. Бакинцы, впрочемъ, оправдываются и отвѣчаютъ на дѣлаемое имъ замѣчаніе нѣсколько иначе. Они го-

ворятъ:—„Да что-жъ, она вѣдь не пропадаетъ, въ землю же уходитъ. Оттуда ее опять вытащимъ.

— А трудъ?

Но о трудѣ у насъ кто-же еще думаетъ?

Изъ вышки, гдѣ нефть тартали, т. е. выкачивали цилиндрами—ведрами, мы перешли въ другую—тамъ она сама идетъ изъ трубы. Представьте себѣ горлышко громадной портерной бутылки зарытой въ землю, такъ что остается отъ этого горлышка не больше какъ аршинъ. Изъ горлышка—чудовища съ пѣной, выпирая ее, льется портеръ, только не благовонный „а-ла-кокъ", а вонючій буро-зеленый—это и будетъ то, что я тутъ увидалъ. Дальнѣйшая процедура путешествія нефти отъ трубы до ямы та же самая, т. е. сперва по свиному корыту, а потомъ ручьями по желобкамъ въ пескѣ и,—въ яму.

— Та-же исторія?

— Да. Эти вотъ фонтаны—это-то тоже фонтаны—самое выгодное, сказалъ мой чичероне. Вѣдь тотъ, поднебесный-то, хватитъ, такъ что съ нимъ возни хлопотъ всякій разъ, а толку иногда никакого, еще убытокъ пожалуй.

— Это какъ-же?

— А очень просто. Выбросить на чужой участокъ, если вѣтеръ, пудовъ эдакъ съ милліонъ песку, его и убирай потомъ или плати за это, а нефти, глядишь, или нѣтъ совсѣмъ, или тоже по вѣтру качаетъ въ чужія ямы.

— Это ужъ прощай, не отдаютъ?

— Это у насъ не принято... И вѣдь фонтаны

сейчасъ-же, какъ самъ говорилъ, черезъ день, недѣлю перестаютъ бить и приходится тартать, выкачивать вотъ какъ вы видѣли.

Выходя изъ этой вышки, замѣтилъ, что желтенькій дымокъ, который мы видѣли надъ одной изъ дальнихъ вышекъ, когда подъѣзжали къ Балаханамъ, теперь курился надъ ней гораздо выше чѣмъ прежде. Я замѣтилъ объ этомъ моему спутнику.

— Пойдемте, пойдемте и туда—продѣлали, надо ужъ все осмотрѣть. Досадно вотъ, что неувидите вы настоящаго-то фонтана, нѣтъ сегодня ни одного. А это такая картина, что для нее нарочно стоитъ проѣхать изъ Петербурга въ Баку.

Изъ распросовъ и по соображеніямъ моего пріятеля о мѣстности, вышка съ дымочками была тов. Нобель; но буровая эта была уже старая, существовала уже нѣсколько лѣтъ и за послѣднее время давала очень мало нефти. Теперь ее чистили, т. е. опускали въ нее инструментъ, которымъ производится эта операція, отчего ожидали, что количество получаемой изъ нее нефти все-же увеличится. Надо было намъ пройти порядочное таки пространство, чтобы добраться до нее — ходить здѣсь, между этими вышками и ямами съ нефтью, это цѣлое искусство, усвоить которое новому человѣку не такъ-то скоро дается. Дѣло въ томъ, что яма отъ ямы отдѣляется узенькой преузенькой песчаной тропинкой, которая постоянно обсыпается и вы то и дѣло рискуете сорваться и упасть въ яму чортъ ее знаетъ какой глубины,

наполненную нефтью. Ощупывая передъ собой палкой прочность тропинки, я медленно пробирался, балансируя, чтобы не свалиться. Мой товарищъ, какъ человѣкъ опытный, былъ уже далеко впереди меня и все торопилъ меня. Намъ оставалось до вышки съ бурымъ дымочкомъ, какъ я называлъ этотъ фонтанчикъ, едва возвышавшійся надъ вышкой, не болѣе ужъ двадцати-тридцати саженъ, какъ вдругъ я услыхалъ страшный ревъ и гулъ и почти моментально вслѣдъ за тѣмъ вся эта вышка съ страшнымъ трескомъ разлетѣлась въ разныя стороны и колоссальная бурая струя поднялась вверхъ саженей на пятьдесятъ или семьдесятъ. Вмѣстѣ съ струей вылетѣли вверхъ и какія-то палки, веревки. Изъ вышки и изъ другихъ, сосѣднихъ съ нею, съ крикомъ выскочили люди и бѣжали прямо на меня. Кое-какъ ужъ я справился, повернулся на моей узенькой тропинкѣ и побѣжалъ назадъ, то и дѣло оступаясь, скользя и чуть не падая. Саженяхъ въ ста отъ фонтана я и всѣ прочія, въ томъ числѣ и мой знакомый, весь обрызганный нефтью, остановились. Тутъ, внѣ опасности быть залитымъ нефтью или искалѣченнымъ, вылетавшими изъ фонтана камнями, я увидѣлъ его во всей его красотѣ. Гулъ и шумъ подъ землей все продолжался по прежнему. Представьте себѣ громадную, толстую, бураго цвѣта струю, бьющую вверхъ на страшную высоту. На концѣ струя переходитъ, видоизмѣняется въ клубы такого же бураго густого дыма; легкій вѣтеръ несетъ и

разметываетъ эти летящіе вверхъ бурые, гигантскіе клубы. Картина поразительная по своей силѣ, могучести и вмѣстѣ вселяющая дѣйствительно какой-то неопредѣленный, необъяснимый страхъ. Собравшіеся въ кучку люди молчали и какъ прикованные стояли на мѣстѣ, безсильные оторваться хоть на мгновеніе отъ страшной, но и величественной картины, такъ неожиданно поставленной передъ нами самой природой.

— Охъ, ужъ да бѣды. Провалятъ ужъ они когда нибудь съ этимъ своимъ фонтаномъ Баку, сказалъ кто-то въ толпѣ.

Какіе-то люди въ пиджакахъ заговорили что надо дать знать въ телефонъ въ контору, въ Черный городъ. За послѣднее время такого сильнаго фонтана не бывало еще. Если пойдетъ нефть, надо мѣры принимать, куда ее направлять.

Одинъ изъ говорившихъ пиджаковъ куда-то побѣжалъ. Другіе продолжали разсуждать, можно-ли будетъ на фонтанъ такой силы надѣть колпакъ.

— Да какъ къ нему подойти-то?

— Надо же, все равно. Нельзя же его такъ оставить. Ну, какъ нефть начнетъ бить...

Фонтанъ ревѣлъ все сильнѣе, клубы дыма и струя летѣла все выше. Вѣтеръ далеко разносилъ по сторонамъ роскошный, колоссальный хвостъ фонтана. Въ клубахъ дыма показались блестящія полосы.

— Нефть!

— Немного ея еще! Песокъ. Нефть еще не скоро—часа черезъ два пойдетъ.

На всѣхъ вышкахъ, гдѣ толпились для тартанія локомобили, огонь былъ немедленно прекращенъ. Только въ одной все еще продолжали работать, но и туда послали, чтобы сейчасъ-же прекратили.

— А что, развѣ опасно?

— И! Еще бы. Мы уже научены. Тогда, какъ въ 81 году Красильниковскій-то фонтанъ, горѣлъ, набрались, слава Богу, страха. Кажется вѣкъ не забудемъ.

Дѣйствительно, только видѣвши своими глазами подобный фонтанъ, а не изъ описаній, какъ бы они ни были хороши, можно составить себѣ понятіе, что такая должно быть за картина была, когда эдакій-же гигантъ горѣлъ...

— Съ моря за пятьдесятъ верстъ все было видно, говорили мнѣ стоявшіе тутъ очевидцы этого пожара.

— Вѣрю.

— Ну, вы счастливый человѣкъ, подходя ко мнѣ, сказалъ мой знакомый, все время какъ очарованный глядѣвшій на фонтанъ.—Пріѣхалъ такъ, на ура,—и вдругъ такая ему картина.

— А Дебуровскій такой-же былъ?

— Гдѣ же тутъ! Вамъ говорятъ, по силѣ давно ужъ не было такого.

Въ Балаханахъ почти всѣ фонтаны съ нумерами или съ именами. Я спросилъ какъ этотъ называется.

— Просто № 63.

Это было 28-го іюня, наканунѣ Петрова дня.

Мы постояли, потолковали, посматривая на фонтанъ, еще съ полчаса и надо же было, наконецъ, ѣхать.

— Погодите. Вѣдь можетъ быть въ жизни другой разъ не увидите ничего подобнаго, говорилъ мой спутникъ. — Неужели, восторженно говорилъ онъ:—на васъ это не производитъ впечатлѣнія?

Я улыбнулся;—Хорошо, очень, конечно, величественно, но все-таки надо же намъ ѣхать.

Отъ этого непривычнаго запаха нефтью или отъ жары, которая, наконецъ, становилась почти невыносимой, у меня начала голова болѣть.—Поѣдемте, сказалъ я: — лучше когда нибудь другой разъ пріѣдемъ.

Когда мы ѣхали назадъ, на половинѣ дороги намъ начали попадаться скакавшіе во всю прыть изъ города какія то верховые, дрожки, коляски.

— Вы изъ Балахановъ? спрашивали они. — Какой это фонтанъ?

— Шестьдесятъ третій! отвѣчали мы.

Чтобы показать, что за сила и что за высота, на которую билъ этотъ фонтанъ, достаточно сказать, что онъ былъ весь день отлично видѣнъ за четырнадцать верстъ изъ Баку, съ балконовъ домовъ, простымъ, невооруженнымъ глазомъ.

Возвратясь домой, въ гостинницу, я засталъ у себя въ номерѣ страшную вонь керосиномъ. Оказалось, что имъ полы мыли. Это чище.

Вечеромъ я былъ въ садикѣ. Разговоръ вертѣлся у всѣхъ, разумѣется, объ этомъ необыкновенномъ фонтанѣ.

Вся штука—удастся-ли съ нимъ совладѣть.

— А что, ужъ нефть показалась?

— Показалась.

Пріѣхалъ кто-то прямо изъ Балахановъ и сказалъ, что сейчасъ только совладѣли — надѣли колпачекъ.

— Да, вотъ когда все въ порядѣ, все подъ руками есть: и колпаки, и резервуары, и служащіе умѣлые, тогда все хорошо, все можно прибрать.

— Да какъ-же иначе-то? спросилъ я.

— Вона! У насъ здѣсь развѣ не Россія?.. У кого это здѣсь все въ порядкѣ-то — у двухъ, у трехъ можетъ.

Мы ужинали въ этотъ вечеръ человѣкъ десять вмѣстѣ. Кушанья, напитки въ клубѣ поразительно дешевы. Когда намъ подали счетъ, Дебуръ (одинъ изъ заводчиковъ) взялъ его и просматривая воскликнулъ:

— Ого! Однако, знаете, сколько мы всѣ проужинали? Полторы тысячи пудовъ керосину...

— Какъ такъ?

— Да какъ же: 15 рублей. Вѣдь это, по нынѣшнимъ временамъ, по копѣйки съ пуда барыша, сколько это будетъ, разочтите-ка...

— Вотъ вы фонтаны видѣли? Вѣдь удивительно? говорили мнѣ на другой день послѣ поѣздки моей въ Балаханы: — теперь вамъ надо еще съѣздить въ Сураханы посмотрѣть на подземные огни.

— Какіе?

— Подземные. Изъ подъ земли выходятъ у Кокорева на заводѣ.

— Да вы не слушайте его, ну, какіе-же это подземные? Просто газы выходятъ, а зажечь ихъ если,—конечно они горятъ.

— Ну, а это не все равно развѣ?

— Большая разница. Подземный огонь — это огонь, который...

Но я помирилъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, сказавъ имъ, что для меня рѣшительно все равно, безразлично—подземные, надземные огни—я хочу ихъ посмотрѣть и буду очень благодаренъ имъ, моимъ добрымъ знакомымъ, если они меня свезутъ туда и покажутъ еще и это чудо ихъ земли.

— О, непремѣнно. Хотя, по правдѣ вамъ сказать, теперь ужъ нѣтъ вѣдь того интереса, который былъ прежде. Заводъ работаетъ ужъ не на огняхъ этихъ, а прямо на нефти, на нефтяномъ отопленіи, какъ и у всѣхъ.

— Отчего-же это?

— Много причинъ. Газовъ уже тѣхъ нѣтъ. Нефть теперь гдѣ ужъ добывается-то, на какой глубинѣ? Развѣ это то, что прежде было. Какіе-жъ теперь газы отъ нея могутъ быть. Вотъ видите. Какъ-бы вамъ это объяснить?

— Пожалуйста не объясняйте. Я все равно ничего не пойму, поспѣшилъ я заявить.

— Да вѣдь это такъ просто.

— Вѣрю, да я-то все равно не пойму... Вы вотъ

что лучше мнѣ скажите: это тамъ вѣдь, въ Сураханахъ, огнепоклонники?

— Вона, чего спохватились! Ихъ ужь и въ заводѣ-то нѣтъ у насъ лѣтъ двадцать. Стоитъ тамъ ихъ мазанка—храмъ. Все это разрушено, заброшено.

— Да тамъ ничего и не было, перебиваетъ другой пріятель. Они, огнепоклонники-то, когда еще были? До Нобеля?

— Нѣтъ, еще до Кокорева.

— Нѣтъ, Кокоревъ еще засталъ ихъ.

— Кого онъ засталъ-то? Это развѣ огнепоклонникъ ужь былъ. Это ужь солдатъ былъ.

— Солдатъ три года назадъ былъ. Тогда еще были настоящіе огнепоклонники.

Но мой пріятель, который утверждалъ, что при водвореніи въ Баку Кокорева были еще настоящіе огнепоклонники, правъ, повидимому. По крайней мѣрѣ онъ разсказываетъ анекдотъ—не знаю вѣрный ужь онъ или невѣрный—который прямо показываетъ, что огнепоклонники тогда еще были настоящіе и противъ этого не возражалъ и другой мой пріятель, тоже слыхавшій этотъ анекдотъ. Когда явился въ Баку Кокоревъ и поѣхалъ строить заводъ въ Сураханы, онъ увидалъ тамъ храмъ огнепоклонниковъ, спросилъ что это такое и когда ему сказали и объяснили, онъ задумался и велѣлъ подъѣхать къ храму. — „И они думаютъ, что эти огоньки Богъ?“ спросилъ онъ переводчика. Тотъ передалъ этотъ вопросъ огнепоклоннику.—„Скажи

ему, отвѣчалъ огнепоклонникъ, что напрасно онъ думаетъ, что мы такъ глупы. Мы познаемъ чрезъ эти огни величіе Божіе, но самому огню не кланяемся"... Теперешніе нефтепромышленники и керосинные заводчики видятъ въ этомъ отвѣтѣ непонятое ими своевременное откровеніе или какъ-бы пророческое указаніе на настоящее ихъ положеніе. Мы сдѣлали себѣ изъ керосина, который есть только очищенная нефть, тельца златого и въ ослѣпленіи покланялись ему какъ Богу, говорятъ они, въ позднемъ раскаяніи, а должны-бы были видѣть лишь необъяснимое милосердіе Божеское, недопускавшее все время до насъ чиновниковъ съ упорядоченіемъ и чрезъ то слѣдовало-бы намъ познать и прославить и самое Божество...

— А какой же этотъ солдатъ, про котораго вы вотъ говорите? спросилъ я.

— А это, что вмѣсто огнепоклонниковъ, который ихъ мѣсто занялъ. Какъ его? Григорій Лукьяновъ.

— Ну и чтожь онъ дѣлалъ?

— А совсѣмъ все, какъ они. Служилъ по ихнему, огни зажигалъ...

— И ходили къ нему... прихожане-то?..

— Какъ же. Отлично было дѣло повелъ.

— Да вѣдь еще и до него, до Григорія Лукьянова-то тоже ужь не настоящіе были огнепоклонники. Тоже все больше изъ солдатъ, опять перебиваютъ разсказчика.

— Да. Двое было до него. Одного Васильемъ звали, другого не помню какъ.

— Да какъ же это такъ? все не понимаю я. Всѣ знали, что это не настоящій огнепоклонникъ и все-таки ходили къ нему?

— Ходили.

— И персы?

— И персы. Вѣдь онъ, говорятъ вамъ, тоже самое дѣлалъ, что и они. И переодѣвался въ ихнее платье, тоже самое все: зажжетъ огни и молится, сидитъ поджавши ноги—тоже самое...

Удивительная штука этотъ русскій солдатъ. На что онъ только не способенъ! Про Григорія Лукьянова разсказывали цѣлыя легенды. Былъ онъ гдѣ-то въ плѣну—въ Персіи, въ Индіи, въ Турціи—а по другимъ просто въ бѣгахъ. Выучился онъ всякимъ языкамъ и нарѣчіямъ, узналъ всѣ обычаи и вѣрованія. Но заѣла его тоска по родинѣ (онъ былъ изъ Нижняго родомъ, долго служилъ на Кавказѣ), и вотъ онъ является въ Баку подъ видомъ перса, такой же бритый, загорѣлый, руки и ноги желтыя, крашеныя (правовѣрные красятъ руки для того, чтобы здороваясь съ христіанами, не осквернять себя прикосновѣніемъ къ нимъ. Перчатокъ у нихъ нѣтъ, такъ вотъ они покрываютъ руки хоть краской—все же не голое тѣло). Пріѣхалъ, пробрался на родину, побывалъ тамъ, никого ужь не нашелъ въ живыхъ и вернулся опять въ Баку. Въ это время исчезъ куда-то изъ храма и послѣдній огнепоклонникъ (а по другимъ тоже солдатъ), Григорій Лукьяновъ и занялъ его мѣсто.

— И доходъ у него большой былъ. Въ то время

въ Баку много наѣзжало народу, все это удивлялось и огнямъ и нефти. Путешественниковъ тогда тоже много было. И всѣ къ нему:—а гдѣ, говорятъ, у васъ здѣсь огнепоклонники? Ну, извозчики, въ гостинницахъ номерные всѣ ужь знали и сейчасъ ему знать давали, если хорошіе гости собирались—англичане богатые, французы, инженеры—заводчики... Ну, а онъ, Григорій Лукьяновъ-то, человѣкъ былъ обходительный, зналъ всякое обращеніе. Пріѣдутъ къ нему, онъ сейчасъ все имъ и покажетъ и разскажетъ. Разсказывать такой ужь былъ мастеръ, что и не надивимся бывало на него. Начнетъ какъ про Персію, про шаха, про женъ его разсказывать, или теперь опять про Индію, про этихъ баядерокъ... Да вѣдь и то сказать, все вѣдь это онъ видѣлъ, своими глазами видѣлъ — можетъ онъ и не вралъ даже ничего, намъ только это такъ казалось, сами мы то вѣдь тамъ не были.

Григорій Лукьяновъ составилъ этимъ, говорятъ, хорошее состояніе и неизвѣстно куда опять исчезъ. Есть впрочемъ предположеніе и указаніе на это было, что его въ одну темную ночь зарѣзали разбойники-персюки или татары и чтобы скрыть всякое подозрѣніе увезли съ собою въ пески.

Послѣ Григорія Лукьянова ужъ огнепоклонниковъ не было больше.

Къ досадѣ моей, однакожъ, я не попалъ въ Сураханы: собирался, собирался, да такъ и не собрался. То нордъ, то жара, а тамъ заболѣлъ и управляющій кокоревскими заводами, у котораго

мы предполагали ночевать, чтобы видѣть огни ночью, когда они только и интересны, какъ оригинальныя въ своемъ родѣ декораціи. Говорятъ, бываетъ очень эффектно, когда зажгутъ эти огни по окрестнымъ холмамъ—точно огромный лагерь, станъ безчисленнаго войска.

Однажды гуляя въ садикѣ и любуясь съ терасы садоваго павильона видомъ на море, на прямой контрастъ его—на песчаные пустынные его берега, я спросилъ, что это такое, вонъ, какъ будто торчитъ что-то изъ воды у берега.

— А это старый городъ, отвѣчали мнѣ.

— Какъ городъ? Развѣ онъ тамъ прежде былъ? Море развѣ затопило его?

— Часть. Нѣсколько зданій и до сихъ поръ видны въ водѣ. Въ тихую погоду отлично видно. Вода здѣсь прозрачная—все какъ есть видно.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней, когда опять не было вѣтра и я опять обѣдалъ въ садикѣ, я вспомнилъ про затопленный городъ и спросилъ, какъ бы это съѣздить туда, посмотрѣть.

— А очень просто: сейчасъ лодочку возьмемъ и поѣдемъ. Теперь къ вечеру, подъ солнце его отлично будетъ видно.

Мой пріятель досталъ лодку, двухъ персюковъ гребцовъ и мы поѣхали. Вода стояла какъ зеркало, солнце было ужъ на склонѣ, жара спала, дивный былъ вечеръ. Отсюда, съ моря, Баку представлялся еще оригинальнѣе, чѣмъ подъѣзжая къ нему съ сухого пути. Громадный амфитеатръ, низъ кото-

раго, долина, занятъ городомъ—этими сѣрыми, одноцвѣтными, съ безконечными глухими глиняными (и камень такого же цвѣта какъ глина) стѣнами, безъ оконъ, безъ дверей. А тамъ, дальше, выше,—горы, мертвыя, безжизненныя. Вправо — черная туча, низко нависшая надъ постройками съ высокими черными трубами заводовъ и бѣлыми колоссальными чанами — баками съ готовымъ керосиномъ—это Черный городъ. Впереди всего, почти у самой воды, у моря, какъ разъ въ срединѣ всего амфитеатра выступаетъ высокая, огромная, странной архитектуры башня. По преданію, эта башня построена ханомъ бакинскимъ для красавицы своей дочери, на которой онъ хотѣлъ жениться. Долго противилась она этой его дикой фантазіи, наконецъ, видя свою неминуемую участь, она сказала ему, что согласна; но чтобъ только онъ построилъ ей на самомъ берегу моря такую высокую башню, съ которой она могла бы видѣть всѣ звѣзды на небѣ. Отецъ-ханъ согласился и построилъ башню:—Ну, я буду три дня молиться, замаливать свой грѣхъ, сказала она и ко мнѣ никто чтобы не входилъ въ это время. А ночью, когда трое сутокъ моей молитвы исполнится, ты приходи: Когда ханъ-отецъ пришелъ, она встрѣтила его и сказала: подойди сюда къ балкону, посмотри-ка какой видъ отсюда на море. А мѣсяцъ, а звѣзды. Ночь-то какая! И съ этими словами закинула руки за голову и бросилась въ море. Башня эта называется „Дѣвичьей“ и, по преданію, въ то время стояла у са-

маго моря, такъ что волны набѣгали на нее и пѣнились у ея подножія. Теперь на ней, на самомъ верху ея надстроена какая-то вышка и тамъ горитъ огромнымъ желтымъ глазомъ колоссальный керосиновый фонарь.

Башня отстоитъ теперь отъ моря по крайней мѣрѣ саженей на сто, а то и полтораста. Между нею и моремъ теперь рядъ домовъ и широкая преширокая набережная.

Мы ѣхали, забирая все вправо. По берегу, на холмахъ виднѣются кладбища—наше, православное, другое, такое-же; выше — магометанское. Непривычный глазъ ищетъ все зелени, деревьевъ, тутъ какъ-то странно: кладбище и не единаго кустика, ни одной вѣточки—только бѣлые камни на немъ.

— А вотъ ужъ и городъ, вдругъ смотря въ воду, сказалъ мой спутникъ. Вонъ видите... стѣна какая-то...

Подъ хрустальной, поразительной чистой сквозной водой, дѣйствительно, на днѣ, виднѣлить полуразрушенныя какія-то постройки, неправильно тянувшіяся рядами параллельно берегу. Большею частью всѣ онѣ совсѣмъ разрушены, размыты приливами и отливами, но есть нѣсколько строеній сохранившіяся еще очень хорошо. Такъ, одинъ домикъ съ довольно обширнымъ дворомъ могъ бы быть превосходно реставрированъ, еслибы вода опять отхлынула когда нибудь отъ берега. Постройки — изъ глины и камня—разумѣется такого же точно характера, какъ и стоящія до сихъ поръ

по окраинамъ въ Баку. Мы поплавали съ полчаса надъ этимъ стариннымъ городомъ съ такой странной судьбой и отправились назадъ.

— Позвольте, но вотъ чего я не понимаю, спросилъ я. Въ одномъ мѣстѣ, въ четверть версты, ну въ полверстѣ отсюда, отъ Дѣвичьей башни вода отхлынула отъ берега, а здѣсь залила его и вонъ на сколько.

— А вотъ это съ легендой о башнѣ тоже въ связи. Вода, какъ и огонь, у мусульманъ считаются чистыми стихіями, очищающими все, и вода, понятно, не могла оставаться тамъ, у мѣста совершенія такого страшнаго преступленія. Она отхлынула въ ужасѣ и заняла другое мѣсто, вотъ это... Въ самомъ-же дѣлѣ, конечно, просто осѣла почва — ну, и залила ее водой. Вѣдь мѣсто это все вулканическое. Вы не были на вулканахъ нашихъ — у самаго города вѣдь почти.

— Смотрите, такъ когда нибудь и всю вашу Баку зальетъ водой.

— И совсѣмъ провалимся. Нефть всю выкачаютъ, образуется тамъ пустота между слоями, они осядутъ — и мы провалимся. По грѣхамъ-то намъ ужъ давно-бы слѣдовало провалиться, острилъ мой спутникъ, тоже нефтяной заводчикъ.

Въ этомъ же все садикѣ, гдѣ клубъ и ежедневно собирается весь Баку, на третій или на четвертый день, какъ я пріѣхалъ, кто то познакомилъ меня съ однимъ молодымъ человѣкомъ, сразу показавшимся мнѣ какимъ-то не похожимъ на всѣхъ

остальныхъ. Тихій, задумчивый, изнѣженный, вялый. Заговорятъ о керосинѣ, нефти—онъ уходитъ. Въ карты не играетъ.

— Кто это? спросилъ я.

— То-есть чѣмъ онъ занимается, хотите вы знать?

— Да.

— Тоже заводчикъ.

Странно что-то. Заводчикъ, а не только не интересуется своимъ дѣломъ, но видимо чувствуетъ къ нему какое-то отвращеніе. Въ разговорѣ со мною онъ нѣсколько разъ прямо выразился: вѣдь у нихъ у всѣхъ здѣсь никакихъ другихъ интересовъ нѣтъ, кромѣ вотъ этихъ мазутныхъ и керосиновыхъ.

— Да, сказалъ я, живутъ всѣ одной жизнью, это именно.

— Задохнуться здѣсь можно. Кому дѣла нѣтъ ни до этой нефти, ни до этого керосина ихъ — съ ума можетъ сойти...

И вдругъ мнѣ сказали, что онъ самъ заводчикъ.

— Но позвольте, какъ-же это такъ? Онъ вотъ что мнѣ говорилъ.

— Да. Совершенно вѣрно: грузинъ. Вѣдь все это здѣсь армяне, персюки, ну, русскіе, европейцы — нѣмцы, шведы, французы. Грузинъ ни одного нѣтъ.

— Почему?

— Такъ. Говорятъ, что они не могутъ видѣть

этихъ мертвыхъ окрестностей. Имъ горы, рѣчки горныя нужны. Безъ этого они жить не могутъ.

— Зачѣмъ-же онъ тогда занимается этимъ дѣломъ?

— Да вѣдь этотъ заводъ не его. Это отцовскій. Ну, отецъ и заставляетъ его сидѣть тутъ. И къ отцу-то заводъ попалъ случайно.

Мои друзья практики и дѣльцы нефтяного и керосиноваго дѣла отзывались объ немъ, какъ о человѣкѣ очень хорошемъ быть можетъ, добромъ, но не заслуживающемъ по ихъ мнѣнію никакого вниманія. Керосиномъ и нефтью не интересуется — что-жь въ немъ тогда? Но меня онъ заинтересовалъ. Одновременно съ нимъ меня заинтересовалъ и другой еще — тоже молодой человѣкъ и тоже какъ-то странно высказавшійся о дѣлѣ, которымъ всѣ дышутъ и живутъ. И тоже и этотъ меня удивилъ. Оказалось, что онъ химикъ и управляетъ заводомъ. Чортъ знаетъ что такое!

— И этотъ грузинъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, этотъ армянинъ.

— Чьимъ же онъ заводомъ управляетъ?

— А вотъ этого, вашего пріятеля. Два сапога— пара.

Понятно интересъ мой еще болѣе возросъ отъ этого. Надо ихъ наблюдать. Исключеніе какое-то изъ всѣхъ.

Вскорѣ какъ-то они оба начали меня звать къ себѣ.

Вотъ вы ѣздите по заводамъ, въ этотъ вонючій

городъ, въ эти вонючіе Балаханы—пріѣзжайте какъ нибудь къ намъ.

— Очень благодаренъ. Непремѣнно, конечно буду, отвѣчалъ я.

— Да нѣтъ, вы ночью къ намъ пріѣзжайте.

— Ночью? удивился я.

— Да. Мы возьмемъ баркасъ желѣзный и поѣдемъ по морю. Зажжемъ огни морскіе. Что это за картина! Ахъ! какая это очаровательная, дивная картина.

— А это не далеко развѣ отъ васъ — морскіе огни-то гдѣ зажигаютъ?

— У насъ. Это наши владѣнія и есть.

Я посмотрѣлъ на нихъ: ужъ не отъ огней ли этихъ они такіе?

— Когда тихая погода... луна взойдетъ надъ моремъ... Эта даль безконечная... Знаете, иной разъ, когда скучно бываетъ, такъ иногда... Что-жъ все этотъ клубъ да клубъ, сидятъ въ карты играютъ... А тутъ сядешь на балконъ—я на нижнемъ, онъ на верхнемъ—мы вѣдь въ одномъ домѣ съ нимъ живемъ—начнешь смотрѣть въ эту безпредѣльную даль, засмотришься, да такъ и не замѣтишь, какъ утро наступитъ, разсвѣтать начнетъ.

— На заводъ-то и не хочется ужъ идти?

— Богъ съ нимъ совсѣмъ, съ заводомъ... Вы никогда не видали морскихъ огней?

— Да помилуйте, гдѣ же это я могъ видѣть.

— Да, это дѣйствительно только у насъ у однихъ и есть... И знаете, вотъ смѣются, разумѣет-

ся, имъ все смѣшно, но я понимаю огнепоклонниковъ, обожаніе ими огня... Это какія-то чары и подъ вліяніемъ ихъ вы такъ настраиваетесь, вы себѣ объяснить не можете, растолковывалъ мнѣ молодой человѣкъ.

— Въ чемъ же оно выражается? спросилъ я, чтобы только что-нибудь сказать.

— А вотъ напримѣръ, въ это время человѣкъ ужъ ни на что дурное—ни на какую злобу, ненависть, зависть—ни на что это онъ не способенъ ужъ бываетъ. Чище онъ дѣлается. Точно...

Онъ запнулся, остановился и не договорилъ.

— То есть что: точно? спросилъ я.

— Точно онъ огнемъ этимъ—смѣшно, конечно, это—точно онъ очищается имъ... Не надо понимать это такъ грубо, какъ понимаютъ у насъ, что огонь очищаетъ. Но онъ производитъ впечатлѣніе очищающее...

Дня черезъ три послѣ этого разговора, когда тоже не было норда и погода стояла совершенно тихая, я собрался къ нимъ поѣхать вечеромъ. Сказалъ объ этомъ кому-то, тотъ—другому, третьему и со мной назвалось ѣхать человѣкъ пятнадцать.

— Мы сейчасъ дадимъ знать туда, говорили мои пріятели:—чтобы они тамъ все приготовили, они такъ рады будутъ, когда мы пріѣдемъ. Вѣдь они славные ребята, вотъ только не дѣловые...

Прелесть одинокой моей бесѣды съ этими новыми бакинскими огнепоклонниками для меня пропала такимъ образомъ. Выходилъ обыкновенный

пикникъ съ очень, конечно, оригинальной картиной морскихъ огней — горящаго моря. Но дѣлать на этотъ разъ было ужъ нечего. Сейчасъ послали кого-то доставить желѣзный баркасъ, на которомъ можно бы было ѣздить по пламени, по горящимъ водамъ, послали извѣстить другихъ знакомыхъ. И непремѣнно, чтобы съ дамами пріѣзжали—съ женами, съ сестрами: съ дамами, знаете, веселѣе. Какъ стемнѣло и пора было ѣхать, народу набралось столько, что всѣмъ и мѣста не оказалось на баркасѣ, пришлось многимъ ѣхать въ экипажахъ.

— Мы, знаете, что, сказалъ мнѣ молодой человѣкъ, владѣлецъ огней:—мы съ вами лучше туда не на баркасѣ поѣдемъ, а въ коляскѣ.

— А что? спросилъ я.

— Да такъ... все покойнѣе... Море... вдругъ оно можетъ сдѣлаться бурнымъ, поднимется вѣтеръ. Какъ-то я не могу привыкнуть къ мысли умереть въ водѣ. Богъ знаетъ, что тамъ, въ ней.

Я улыбнулся.

— Нѣтъ, серьезно.

— Да вѣдь вода тоже очищаетъ. Она тоже вѣдь чистый элементъ.

— Да, но все-таки...

— Такъ, чтобы, напримѣръ, какъ бы скорѣй согласились умереть: отъ воды или отъ огня? спросилъ я.

— Конечно, отъ огня, горячо сказалъ онъ.

— Лучше сгорѣть, чѣмъ утонуть?

— Разумѣется...

Дорога (я поѣхалъ съ нимъ въ коляскѣ) идетъ надъ самымъ обрывомъ къ морю. Была уже осень, т. е. было уже совсѣмъ темно. Мѣсяцъ только что выходилъ изъ-за моря, красный, раскаленный, слегка задернутый туманомъ.

— Дорога эта также очень хороша, т. е., она мнѣ нравится, сказалъ мой спутникъ.

— Чѣмъ же, помилуйте—буераки, камни какіе-то. Обрывъ этотъ къ морю ни чѣмъ не огороженъ. Лошади чего-нибудь испугаются еще и упадемъ туда съ этакой высоты.

— Нѣтъ, такъ, видъ на море отсюда очень хорошъ. Вы посмотрите-ка...

Мы были на страшной кручѣ, на скалѣ, надъ моремъ, которое было у насъ подъ ногами почти и все это на высотѣ по крайней мѣрѣ полуверсты.

— Ну, знаете, сказалъ я, здѣсь опаснѣе, чѣмъ на баркасѣ ѣхать. И все равно вѣдь въ море свалишься.

— А нѣтъ, живо отвѣчалъ онъ. Я ужь смотрѣлъ. Полосочка вонъ видите какая отъ обрыва до берега. Вѣдь это отсюда она кажется такая узенькая, а тамъ, внизу она саженей въ десять. Если упасть отсюда—упадешь все-таки на землю, на берегъ, а не въ воду. Да, потомъ все равно, ужь мертвый въ воду упадешь,—разобьешься раньше...

Вдругъ передъ самыми нашими лошадьми кто-то вышелъ изъ-за камня и сталъ у дороги. Лошади немного было рванулись въ сторону, къ кручѣ. Я приподнялся въ коляскѣ, заглядывая впередъ.

— Нечего, это таможенный патруль, сказалъ меланхолически спокойно мой спутникъ.

— Вправо, по скату горъ, расположены, сейчасъ же, за грудой камней, кладбища, которыя я каждый день видѣлъ съ терассы изъ садика. Солдатъ пропустилъ насъ молча и пошелъ опять сѣсть за какой-то камень. Но вотъ кручь кончилась, дорога пошла книзу извилинами по буеракамъ, ухабамъ. Впереди, вдали показались огни.

— Это гдѣ? спросилъ я.

— У Тагіева на заводѣ.

— А вашъ скоро?

— Вотъ сейчасъ за этимъ. Ну вѣдь заводъ вы не станете, конечно, осматривать — что въ немъ интереснаго? Какъ нефть тартаютъ—то же нечего смотрѣть.

— Это ужь я все видѣлъ.

Мы выѣхали на какую-то поляну. Впереди домъ. Направо постройки, вышки. Въ темнотѣ все это кажется грандіознѣе, выше, больше. По полянѣ ходили какіе-то люди. Коляска наша остановилась и мы вышли.

— Ну, вотъ и они пріѣхали, говорилъ мой спутникъ, — мы шли на встрѣчу группѣ людей. — Ни сколько на баркасѣ не скорѣй. Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ на встрѣчу къ этимъ въ потьмахъ черныхъ совершенно фигурамъ и я увидѣлъ, что мы опять стоимъ надъ самой кручью къ морю.

— Когда мѣсяцъ, какъ слѣдуетъ взойдетъ, ахъ, какой отсюда видъ! Но вонъ оттуда, изъ дома, съ

верхняго балкона еще лучше, говорилъ мой пріятель.

У дома, между тѣмъ, передъ самымъ его фасадомъ, обращеннымъ къ морю; накрывали на столъ и устанавливали его закусками, бутылками съ кахетинскимъ.

— Ну, какъ же, спрашивалъ всѣхъ хозяинъ, сперва поужинаемъ, а потомъ поѣдемъ огни зажигать, или теперь, пока готовятъ ужинъ?

— Теперь, сейчасъ, конечно. Зажжемъ огни, они и будутъ все время горѣть, отвѣчали ему.

Баркасъ набрался биткомъ полный.

— Этого вѣдь нигдѣ не увидите. Это вѣдь только здѣсь, всѣ увѣряли меня.

Баркасъ отошелъ отъ берега сажень полтораста и взялъ нѣсколько вправо.

— Ну, вотъ сейчасъ и газы, всматриваясь въ воду, говорили опытные, ужь бывалые гости. Вотъ пузыри-то видите—это и есть пары, газы, которые выходятъ изъ земли—она вѣдь вся подъ водой насыщена нефтью. При ханахъ здѣсь вѣдь только и добывали нефть, да вотъ въ Сураханахъ еще, гдѣ огнепоклонники-то жили. Вотъ это все мѣсто были колодцы нефтяные, а теперь ихъ залило море. Тутъ вѣдь прежде берегъ былъ. Вонъ видите эти полуразрушенныя вышки у берега, эти еще недавно стояли на берегу. Это первыя вышки, которыя были построены въ Баку.

На носу баркаса стоялъ человѣкъ съ пучкомъ пакли, смоченной керосиномъ, въ рукахъ, кто-то

зажигалъ спичку. Вдругъ пакля вспыхнула и когда ее бросили въ воду—моментально вокругъ баркаса вспыхнуло и море. Это до того поразительно, неожиданно и какъ-то и удивительно, и странно, что первое время невольно все оглядываешься:—такъ-ли это и всегда бываетъ, не особенно-ли ужь, какъ это теперь случилось?..

— Вы смотрите-ка, смотрите въ воду—точно вѣдь вода горитъ. Неправда-ли, удивительный обманъ, говорили вокругъ меня.

Пузыри, такого же цвѣта, какъ вода, поднимались — теперь при освѣщеніи это отлично было видно—со дна и тамъ гдѣ они вырывались на поверхность воды, она точно кипѣла, такъ и пузырилась, какъ въ самоварѣ. Пожирая эти пузыри, огонь носился вокругъ насъ по морю, налеталъ на баркасъ, мы со всѣхъ сторонъ на нѣкоторое время были въ огнѣ, потомъ легкій, едва ощущаемый вѣтерокъ отгонялъ его и онъ несся дальше, чтобы потомъ сейчасъ же опять налетѣть на насъ и охватить насъ со всѣхъ сторонъ. Мы стояли на самомъ удобномъ мѣстѣ, какъ разъ въ самой серединѣ той мѣстности, гдѣ больше всего выходитъ изъ подъ воды газовъ.

— Хорошо? подходя ко мнѣ, спросилъ мой пріятель. Лицо восторженное. Глаза горятъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ я.

— Но тутъ огонь близко... очень рѣзко... Нельзя глядя на него, (на огонь) думать... а если вонъ оттуда... съ берегу... сѣсть тамъ и смотрѣть на него, что можно передумать!.. сказалъ онъ.

Мы возвратились на берегъ, съѣли обильный ужинъ, запили его кахетинскимъ и кажется ужь передъ самымъ разсвѣтомъ тронулись въ обратный путь.

— А мы съ вами поѣдемте-ка лучше опять въ коляскѣ, сказалъ мой пріятель. Я вѣдь тоже въ городъ—у меня и тамъ квартира.

— А вы? сказалъ я другому молодому человѣку, управляющему заводомъ.

— Я тутъ останусь. Сяду вонъ тамъ на балкончикѣ, велю туда подать бутылку кахетинскаго и такъ и досижу съ ней до свѣту.

Начинался вѣтерокъ. Огонь на морѣ то задувало, то онъ опять разгорался съ новой силой, и носился изъ стороны въ сторону.

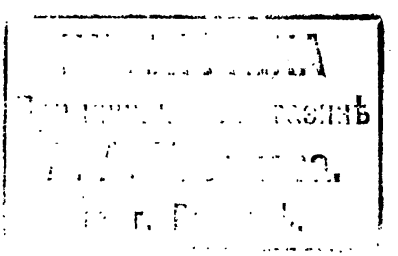
— Вы вотъ смотрите, когда онъ набѣжитъ на эту свѣтлую полосу отъ мѣсяца, говорили они оба, — и хозяинъ, и другой молодой человѣкъ, завѣдующій заводомъ: — Огонь на серебрѣ!.. Удивительно это хорошо?

— Да, хорошо, соглашался съ ними и я.

— Нѣтъ, вамъ не нравится, кажется. Вы какъ-то равнодушно относитесь къ огню. На васъ онъ не производитъ того... впечатлѣнія... Или это первый разъ—оттого, говорилъ мнѣ дорогой мой пріятель.

Я посмотрѣлъ на него сбоку: что-жъ это, тоже что-ль огнепоклонникъ?..

ДОРОЖНЫЕ ОЧЕРКИ



ДОРОЖНЫЕ ОЧЕРКИ.

СЪ ДОРОГИ.

Въ „вагонѣ-салонѣ“ (вагонъ, въ которомъ разставлены вмѣсто скамеекъ кресла) перваго класса необыкновенное оживленіе. Всѣ, какъ оказывается, знакомы другъ съ другомъ и ѣдутъ всѣ въ Рязань.

Прямо противъ меня сидятъ двѣ очень ужъ подержанныя дамы и ведутъ разговоръ о губернаторахъ — бывшихъ, о тѣхъ, которые уже были у нихъ въ Рязани и о будущемъ, ожидаемомъ, который долженъ на-дняхъ туда пріѣхать. Настоящаго у нихъ нѣтъ. Въ настоящее время у нихъ въ нѣкоторомъ родѣ междуцарствіе.

— Будетъ такой-то, такой-то, перечисляетъ дама фамиліи губернаторовъ, имѣющихъ пріѣхать нынче лѣтомъ въ Рязань, гдѣ всѣ они нѣкогда сидѣли на губернаторскихъ мѣстахъ, и насчитываетъ ихъ семь.

— У нихъ вѣдь у всѣхъ имѣнія въ Рязани, замѣчаетъ ея собесѣдница.

— Только у Ивана Васильевича нѣтъ.

— У Ивана Васильевича нѣтъ.

— Но онъ, я слышала, покупаетъ.

— М-м... не думаю. Откуда-же у него деньги?

— А за женой.

Дама дѣлаетъ гримасу.

— Нѣтъ, у нея вѣдь что-то такое есть.

— Пятнадцать тысячъ, которыя они уже давно прожили. Онъ всего пятнадцать тысячъ и получилъ за ней.

Обсудивъ и разцѣнивъ губернаторовъ прошедшаго, онѣ перешли къ разбору свѣдѣній и слуховъ о губернаторѣ будущаго—который, какъ оказывалось, уже выѣхалъ къ нимъ изъ Ниццы, гдѣ онъ до сихъ поръ все время проживалъ, пока не получилъ извѣстія о своемъ назначеніи.

Я невольно вспомнилъ, слушая ихъ, о трудности губернаторскаго званія.

Вдругъ я услыхалъ оттуда, съ того конца вагона долетало до меня — имена Ломоносова и Бѣлинскаго, и долетали они до меня въ какомъ-то странномъ сопоставленіи — будто они были современниками и еще кромѣ того были во враждебныхъ другъ къ другу отношеніяхъ.

— Не защищайте вы мнѣ пожалуйста Ломоносова. Я знаю его. И очень хорошо знаю. Трактиръ вѣдь онъ содержитъ.

— Ну, содержитъ.

— А трактиръ и кабакъ—не все равно?

— Т. е. какъ вамъ сказать?.. запинается слушатель, защитникъ Ломоносова.

— И ничего не „то есть“ — кабакъ, кабакъ и есть, какъ ни назовите его. Ну, трактиръ. Мы

вѣдь знаемъ, что такое въ деревнѣ трактиръ — кабакъ. Вся разница только въ томъ, что этотъ съ закуской. Яичницу на сковородѣ подаютъ...

— Да, это-то конечно.

— Ну, такъ что-же? И по вашему прилично мировому судьѣ рядомъ со своей камерой кабакъ содержать?

— Я не говорю...

— Такъ объ чемъ-же вы спорите?

— А я объ томъ спорю, что Бѣлинскій неправъ тоже. Осуждая Ломоносова, обвиняя, такъ сказать, въ неправильной торговлѣ, онъ долженъ былъ доказать это, поддержать свое обвиненіе, подкрѣпить его фактами.

— Да какіе факты? О какихъ фактахъ вы говорите? Какіе факты могутъ быть у него противъ Ломоносова?

— Протоколы.

— Ха, ха, ха. Кто-же ихъ будетъ составлять? Что-жъ вы въ самомъ дѣлѣ, ребенокъ что-ли, не знаете, что никто не посмѣетъ составить ихъ у него.

— Но вотъ посмѣлъ-же—въ глаза вѣдь Бѣлинскій-то ему тогда у Неклюдова сказалъ: вамъ, говоритъ, г. Ломоносовъ неприлично рядомъ съ своей камерой кабакъ содержать, да еще мало того нарушать чуть не каждый день питейные права.

— А кончилось чѣмъ?..

— Ну, это-то ужь...

— Про то-то я и говорю-съ. А вы спорите.

Со стороны, отъ окна, какой-то необыкновенно сдержанный господинъ, все время молчавшій и такъ-же, какъ и я, вслушивавшійся въ ихъ разговоръ, перебиваетъ ихъ.

— Ломоносовъ—вѣдь это мировой судья?

— Да-съ—Елатомскаго уѣзда.

— А Бѣлинскій—это исправникъ?

— Исправникъ.

— А кто такой г. Неклюдовъ?

— Неклюдовъ—нашъ уѣздный предводитель.

— Господи, Боже ты мой, пожимая плечами, произноситъ сдержанный господинъ и съ презрительной усмѣшкой смотритъ на спорившихъ.

Одинъ изъ нихъ подходитъ къ нему и начинаетъ объяснять прелюбопытную и характерную исторію о томъ, какъ по жалобѣ г. Ломоносова другой мировой судья, его товарищъ, присудилъ исправника Бѣлинскаго къ двухмѣсячному аресту за клевету, за то, чтобы онъ не лжесвидѣтельствовалъ противъ мирового судьи, что у него въ питейномъ заведеніи безпорядокъ, когда у него тамъ порядокъ...

Разговоръ ихъ привлекаетъ общее вниманіе и дѣлается общимъ.

— Нѣтъ, позвольте, самое интересное здѣсь что какъ могъ онъ посадить подъ арестъ исправника? Исправникъ кто такой?

— Исправникомъ у насъ Бѣлинскій, недогадливо спѣшитъ пояснить разскащикъ.

— Исправникъ кто? не обращая на него внима-

нія и относясь повидимому ко всѣмъ, повторяетъ сдержанный господинъ, и ждетъ отвѣта.

Всѣ молчатъ.

— Правительственная онъ власть или нѣтъ? Вы, господа, обращается онъ къ намъ и желая насъ всѣхъ вызвать на отвѣтъ и отдаваясь въ то же время какъ бы на нашъ судъ,—вы, господа, какъ думаете?

— Правительственная.

— Чиновникъ полиціи.

— Начальникъ уѣзда, слышится со всѣхъ сторонъ.

— Хорошо-съ. Это все равно, какъ его не называть, но дѣло въ томъ, что исправникъ власть отъ правительства, правительственная...

Въ это время къ дамамъ, моимъ визави, подходятъ ихъ мужья и предупреждаютъ ихъ, что теперь ужъ скоро Рязань и надо выходить, чтобы не забыли чего. А тамъ, вдали, въ разговоръ о власти исправника или, правильнѣе, о томъ—какая онъ, исправникъ, власть, вмѣшивается сидѣвшій до того мирно и читавшій все время газету молодой генералъ въ очкахъ, изъ типа ученыхъ генераловъ — блѣдный, малокровный, съ усталымъ, пожелтѣвшимъ отъ ночныхъ и вообще книжныхъ занятій лицомъ, гладко причесаными жиденькими бѣлокурыми волосами, въ просторномъ, но хорошаго портного сюртукѣ, и поразительной бѣлизны бѣльѣ.

— Это два понятія, слышу я его рѣзкій, но надорванный голосъ:—надо всегда, мнѣ кажется, я

позволю это себѣ замѣтить, строго различать: правительственная власть и власть, утвержденная правительствомъ... Если мы дадимъ себѣ вопросъ: что такое правительство? и постараемся себѣ отвѣтить на него во всей его полнотѣ, во всей многосторонности... во всей—генералъ подбиралъ слова, выраженія и воспособлялъ себѣ при этомъ жестикулированіемъ—во всей его многообразности...

Разговоръ обѣщалъ быть для меня очень интереснымъ, генералъ былъ типомъ, за которымъ я ужъ давно слѣжу и изучаю его, но въ это время раздался продолжительный и оглушительный свистокъ и вслѣдъ затѣмъ въ нашъ вагонъ вошелъ оберъ-кондукторъ и объявилъ намъ, что мы сейчасъ „придемъ“ въ Рязань, гдѣ поѣздъ стоитъ полчаса.

Неожиданно прерванный „на самомъ интересномъ мѣстѣ“ свисткомъ и потомъ появленіемъ кондуктора съ извѣстіемъ о Рязани, нѣсколько всѣмъ этимъ недовольный и какъ-бы даже обиженный за такое неделикатное отношеніе къ своему достоинству, генералъ незамѣтно оглянулъ насъ всѣхъ и почему-то счелъ нужнымъ переспросить кондуктора:

— Ровно полчаса?

— Точно такъ, ваше п—во.

Весь вагонъ въ полномъ своемъ составѣ сталъ готовиться выходить—всѣ взялись за ручки своихъ саковъ, зонтиковъ и ремней, которыми перевязываются пледы и прочій маленькій багажъ.

Поѣздъ медленно подходилъ къ огромной, широкой платформѣ и, наконецъ, остановился противъ такъ хорошо и давно мнѣ знакомой станціи „Рязань“. Но въ городѣ Рязани я ужъ давно, лѣтъ двадцать не былъ. Каковъ-то онъ теперь?

Проѣзжая со станціи въ гостинницу, дорогой я уже замѣтилъ, что городъ Рязань выросъ за эти послѣднія 15—20 лѣтъ изумительно. Тротуары на главной улицѣ—я не знаю, какъ она называется—асфальтовые, дома все особняки, каменные, съ прекрасными позади ихъ садами, съ зеркальными окнами, съ блестящими мѣдными на нихъ наугольниками и шпингалетами, дубовыми рѣзными дверями въ подъѣздахъ. Порядокъ на улицахъ удивительный. Городовые всѣ въ новенькихъ мундирчикахъ, бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ, которыя они и оправляютъ, весело и съ довѣріемъ посматривая на проходящихъ, и проѣзжающихъ обывателей, отдавая нѣкоторымъ изъ нихъ, не только военнымъ, но и многимъ изъ гражданскихъ, честь. И хотя я догадывался, конечно, что эти статскіе почетнѣйшія лица города, но обычай этотъ во всякомъ случаѣ мнѣ понравился: въ немъ есть что-то теплое, что-то такое, что указываетъ на то, что это одна семья, нѣтъ этого оскорбительнаго для насъ, статскихъ, предпочтенія передъ военными. Достоинъ чести и—на, получай ее, все равно: будь ты въ военномъ платьѣ или въ статскомъ...

Гостинница, въ которой я остановился,—прежняя „Варваринская“, нынѣ Шперта—была неузна-

ваема: чистота, порядокъ, строгость и опять таки и тутъ та же симпатичная черта—душевность. Лакей Федоръ, котораго я видѣлъ въ первый разъ въ моей жизни, встрѣтилъ меня, какъ послѣ долгой разлуки.

— Ну, какъ изволили доѣхать? любовно спрашивалъ онъ меня и смотрѣлъ въ глаза такъ ласково, хорошо.

— Ничего, доѣхалъ. Вотъ умыться нельзя-ли?

— Сейчасъ, пожалуйте сюда, вотъ умывальничекъ.

И всѣ слова у него съ уменьшительнымъ, не презрительнымъ, а ласковымъ окончаніемъ: водица, мыльце и проч.

— Вотъ что, Федоръ, а чаю можно?

— Чайку? Сейчасъ-съ. Чаекъ, сахарокъ свой у васъ и прикажете все подать? Сейчасъ сударь, неизвольте безпокоиться. Сливочекъ и сухариковъ тоже прикажете подать? Сейчасъ, не извольте безпокоиться, все успокоивалъ онъ меня, хотя я и ни о чемъ не безпокоился.

Я умылся, одѣлся, напился „чайку“ со „сливочками“ и „сухариками“ и поѣхалъ, куда мнѣ было нужно.

Рязанскую губернію я зналъ когда-то хорошо, т. е. хорошо я зналъ деревенскій Рязанской губерніи бытъ, который меня всегда интересовалъ, интересуетъ и будетъ интересовать, потому что, по крайнему и слабому разумѣнію моему, онъ и есть то единственное, чѣмъ слѣдуетъ интересовать-

ся, что все опредѣляетъ и отъ чего все въ концѣ концовъ зависитъ, и почему обо всемъ прочемъ судить слѣдуетъ; но послѣднее время я нѣсколько поотсталъ (относительно Рязанской собственно губерніи) и мнѣ, очень понятно, особенно въ виду нѣкоторыхъ работъ, которыя я готовлю, хотѣлось поскорѣе окунуться въ источникъ познанія всѣхъ радостей и бѣдъ этого быта—въ отчеты земства и въ отчеты мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ—казеннаго и земскаго. Въ Рязани эти два комитета самостоятельной жизнью не живутъ—они слиты въ одинъ и оттого матеріальное ихъ положеніе вдвое лучше, а отъ этого послѣдняго обстоятельства несравненно лучше и качество собираемыхъ комитетами свѣдѣній. Кромѣ того, въ Рязани дѣло это находится въ исключительно хорошихъ условіяхъ, потому что во главѣ его стоитъ человѣкъ не только вполнѣ добросовѣстный и труженникъ но и любитель его, прекрасно къ нему подготовленный мѣстный археографъ, знатокъ губерніи и ея положенія, какихъ мало у насъ, А. В. Селивановъ. Онъ много работаетъ и много печатаетъ. Его труды извѣстны. Они всѣ очень почтенны.

Къ нему первому я, разумѣется, и поѣхалъ. Я не имѣлъ удовольствія ранѣе этого быть съ нимъ знакомымъ, но онъ встрѣтилъ меня съ такою готовностью познакомить меня со всѣми цифрами и вопросами, которые меня интересуютъ, что для провинціи, гдѣ всѣ всего почему-то боятся и хотятъ

отъ всѣхъ все для чего-то скрыть — это положительно находка, золотой человѣкъ.

— Такъ себѣ, живутъ... плохо, говорилъ онъ мнѣ, когда мы усѣлись съ нимъ въ его „кабинетикѣ“ и я опять принялся за „чаекъ“.

— Вотъ видите, мнѣ вѣдь некогда читать всѣ отчеты и ваши, статистическіе, и отчеты земства по всѣмъ вопросамъ, да, признаться, это и совершенно праздный, по моему, трудъ, а меня интересуютъ только нѣкоторыя цифры и движеніе ихъ изъ года въ годъ.

— Какія-же именно?

— Лошадиныя.

Онъ улыбнулся и посмотрѣлъ на меня.

— Заводовъ у насъ вѣдь мало въ губерніи.

— Нѣтъ-съ, не заводскія цифры лошадей — это пустяки, этому цѣна грошъ, — а вотъ нѣтъ-ли у васъ цифръ мужицкихъ лошадей и ихъ распредѣленія по дворамъ, по скольку на дворъ приходится лошадей и есть-ли уже у васъ, вотъ какъ завелось это и въ другихъ губерніяхъ послѣднее время, совсѣмъ безлошадные дворы.

— Есть-съ. Какъ-же. Все у насъ есть. Мы очень подробныя имѣемъ обо всемъ свѣдѣнія и группируемъ ихъ во множество рубрикъ. Потому, изволите видѣть, у одного одинъ методъ изученія, у другого другой методъ. Одному одно нужно, другому другое. У васъ методъ...

— Лошадиный, подсказалъ я. Въ черноземной полосѣ, гдѣ мужикъ безъ лошади, все равно, что

гусаръ на войнѣ безъ лошади — „лошадиный“ методъ самый лучшій, потому что самый вѣрный. Это все равно, какъ если-бы какого корпуснаго командира спросили: а сколько у васъ въ корпусѣ кавалеристовъ, которые, вмѣсто лошадей, на палочкахъ скачутъ?

— О, да, конечно, согласился онъ. Есть, есть эти цифры. И мы ихъ сейчасъ отыщемъ. Вѣдь по всѣмъ уѣздамъ губерніи?

— Если можно.

— Можно, отчего-же нельзя, конечно можно. Вѣдь это-же все напечатано... Но вотъ бѣда только въ томъ, что я не всѣхъ уѣздовъ цифры могу вамъ дать, потому что не всѣ, не всѣхъ уѣздовъ, свѣдѣнія у насъ уже разобраны. Есть вотъ только половины губерніи, пять уѣздовъ только.

— Ну, давайте хоть пять, что-жъ дѣлать.

Онъ началъ копаться и рыться въ кипахъ отчетовъ и свѣдѣній.

— Ну вотъ-съ: уѣздъ Зарайскій, проговорилъ онъ.

— Сколько дворовъ? спросилъ я.

— 20,000.

— А сколько изъ нихъ безлошадныхъ?

— 9,000.

— Хорошо-съ. Эти, т. е. значитъ ни одной лошади во дворѣ?

— Ни одной.

— И на чемъ они пашутъ, возятъ, ѣздятъ—неизвѣстно?

Онъ покачалъ головой.

— Не на волахъ, конечно, потому что у васъ воловъ нѣтъ.

— Нѣтъ, воловъ нѣтъ. Это въ Малороссіи.

— Ну-съ, а во скольких дворахъ нѣтъ ни лошадей, ни коровъ?

Онъ порылся и сказалъ.

— Въ 5,000 дворахъ, т. е. это въ одномъ Зарайскомъ уѣздѣ.

Такимъ образомъ мы пересмотрѣли съ нимъ всѣ „готовые“ уѣзды, т. е. свѣдѣнія, о которыхъ были уже разобраны, готовы.

— Печальное положеніе, сказалъ я.

Онъ сжалъ и оттопырилъ губы и поднялъ плечи.

— Вы еще пробудете здѣсь? спросилъ онъ.

— А что?

— Я бы вамъ показалъ нашъ статистическій комитетъ, т. е. собственно его помѣщеніе. Какихъ трудовъ, хлопотъ это стоило.

— Т. е. собственно устройство всего этого?

— Да. Кому вѣдь это собственно нужно? И въ литературѣ-то кого это интересуетъ? Всѣмъ, чѣмъ угодно, какимъ угодно вздоромъ интересуются, а этимъ...

Онъ не договорилъ и горько улыбнулся.

— Я-бы вамъ показалъ нашъ археологическій музей. Тоже удалось устроить всѣми правдами и неправдами. Есть рѣдкія вещи. Вѣдь вы знаете у насъ издается нѣчто въ родѣ журнала археологическаго. Какъ-же-съ.

Я собралъ отъ него еще кой-какія интересныя для меня свѣдѣнія, обѣщалъ пріѣхать и въ музей и въ его комитетъ и мы съ нимъ дружески разстались.

— А вѣдь вы знаете, я также еще секретарь и дѣлопроизводитель нашего здѣшняго дамскаго благотворительнаго комитета.

— Вотъ какъ, удивился я.

— Какъ-же-съ. Это тоже очень интересно. Вамъ слѣдуетъ и съ этимъ ознакомиться. У насъ теперь ужъ и членовъ достаточно. Членскій взносъ по пяти рублей у насъ. Больше всего идетъ на воспитаніе гимназистокъ... Можно просто записываться. Вы внесете пять рублей и вы считаетесь уже членомъ... Завтра у насъ будетъ гулянье въ саду, лотерея аллегри. Все съ этой же цѣлью. Комитетъ нашъ устраиваетъ.

Онъ былъ такъ любезенъ, принялъ отъ меня положенный у нихъ взносъ и обѣщалъ прислать за него сегодня же билетъ, такъ какъ для этого необходимо еще согласіе и подпись предсѣдательницы комитета г-жи Муромцевой, супруги губернскаго предводителя дворянства.

Въ тотъ же день, вечеромъ, возвратясь къ себѣ въ гостинницу, я столкнулся на лѣстницѣ съ однимъ моимъ старымъ знакомымъ, рязанскимъ помѣщикомъ Б.

— А мы тутъ хлопочемъ, съ ногъ всѣ сбились.

— Что такое у васъ?

— Вечеръ благотворительный. Завтра вѣдь гу-

лянье у насъ устраивается. Сегодня новый губернаторъ пріѣзжаетъ. Завтра онъ вѣроятно на этомъ гуляньи съ обществомъ знакомиться будетъ.

Я попалъ, оказывается, въ самую „центру". Онъ сказалъ мнѣ, что жена его одна изъ главныхъ дѣятельницъ въ комитетѣ и я непремѣнно долженъ пойдти къ нему и онъ меня ей представитъ.

— Вамъ письмо, подавая пакетъ, сказалъ мнѣ швейцаръ. Безъ васъ тутъ былъ г. Селивановъ и приказалъ вамъ передать.

Я распечаталъ—билетъ и записочка: „Вы, конечно, сдѣлаете визитъ нашей многоуважаемой предсѣдательницѣ, г-жѣ Муромцевой".

— Вотъ изволите видѣть, сказалъ я моему пріятелю, каковъ я. Только что пріѣхалъ и уже...

Онъ посмотрѣлъ на билетъ, на записку и только руками развелъ.

— Вотъ это хорошо. Это дѣло. Это такъ и слѣдовало вамъ. А то у насъ что дѣлаютъ писатели? Пріѣдетъ если какой — все одни темныя стороны отыскиваетъ. А отраднаго ничего. Точно все однѣ только темныя стороны, свѣтлыхъ нѣтъ. Есть и свѣтлыя. Надо только безъ предвзятой мысли быть...

Черезъ часъ я уже сидѣлъ въ гостинной у его жены и въ обществѣ другихъ дамъ-благотворительницъ, моихъ новыхъ знакомыхъ сочленшъ, завертывалъ въ какія-то тряпочки и бумажки грецкіе орѣхи—выигрыши завтрашней аллегри на завтрашнемъ гуляньѣ.

— Вы не можете представить себѣ *ихъ* радости,

ихъ благодарности... Вѣдь это все почти дѣвочки безъ всякихъ средствъ, большей частью сироты...

Я конечно соглашался со всѣмъ этимъ и говорилъ, что говорятъ всегда въ подобныхъ случаяхъ.

— И вѣдь объ этомъ никто ничего не знаетъ, никто вѣдь объ этомъ ничего не напишетъ...

— А вашъ секретарь?

— Онъ только и знаетъ, что свою статистику— коровъ, лошадей, избъ...

— Вѣдь это тоже дѣло, попробовалъ я заступиться за А. В.

— Ну, помилуйте, кого это можетъ интересовать? Это сухой ученый и больше ничего. Я убѣжденъ, что трудовъ этихъ его никто и не читаетъ... Вы напишите?.. Не объ насъ, о нѣтъ — намъ ничего не нужно,—но объ этомъ добромъ нашемъ дѣлѣ?

Я, конечно, обѣщалъ написать.

— На это въ литературѣ смотрятъ какъ-то странно, легко къ этому относятся. Но, я васъ спрашиваю, кому это мѣшаетъ? Кто что можетъ. Всѣхъ нельзя сдѣлать счастливыми, но если можно сдѣлать пять, шесть дѣвочекъ счастливыми — отчего этого не сдѣлать? Я васъ спрашиваю, что-жъ тутъ дурного?

— Ничего, конечно.

— Что-жъ въ этомъ находятъ смѣшного?

Я, конечно, постарался успокоить ее и сказалъ, что это изъ зависти они смѣются надъ этимъ...

Въ это время пріѣхала помочь намъ еще одна дама благотворительница и вмѣстѣ привезла извѣ-

стіе, что сейчасъ, и она сама видѣла, пріѣхалъ новый губернаторъ.

— Пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но было ужъ настолько поздно и темно, что ни лица его, ни фигуры она разобрать не могла. Она удостовѣрилась только, что это проѣхалъ не кто-либо другой, а именно онъ, новый губернаторъ, и поспѣшила къ намъ, помочь намъ въ этой скучной благотворительной работѣ—завертываньи орѣшковъ.

Когда я снова прослушалъ подобныя же, какъ утромъ въ вагонѣ разсужденія и соображенія о губернаторѣ, она какъ-бы спохватившись, вдругъ объявила намъ другую новость: на небѣ собираются тучи и ужъ начинаетъ накрапывать дождикъ. Это обстоятельство, съ которымъ были въ такой связи не только успѣхъ гулянья, но и фактъ самаго гулянья и завтрашняго знакомства на немъ съ губернаторомъ, повергъ всѣхъ насъ благотворителей въ неописанное почти смятеніе. Мы сейчасъ кинулись къ окнамъ, отворили ихъ, заглядывали вверхъ на небо, высовывали насколько можно болѣе руки въ окна—не накрапываетъ-ли дождикъ, послали горничную, лакея на улицу посмотрѣть, что тамъ дѣлается, не видно-ли оттуда, что тучи сходятся и расходятся?..

Я просидѣлъ съ ними до 11 часовъ и ушелъ домой, сославшись на усталость съ дороги и неотложную надобность написать въ тотъ же день къ кому-то какія-то письма. Я съ часъ не могъ уснуть.

Передъ глазами все орѣхи въ пестрыхъ тряпочкахъ, въ головѣ обрывки какихъ-то мыслей, фразъ, тоже не дороже этихъ тряпочекъ...

На другой день, когда я проснулся, утро было очаровательное—солнце, голубое небо, ни одного облачка на немъ. Наши опасенія были, значитъ, напрасны совсѣмъ.

— Такъ, сударь, легенькій былъ ночью дождичекъ, это ничего-съ, не извольте безпокоиться, успокоивалъ меня Федоръ. Грязцы никакой и ножки не запачкаете. Чайку прикажете принести? Со сливочками? И сухариковъ?..

Я никогда не пробовалъ себя въ описательномъ жанрѣ, никогда не описывалъ никакихъ гуляній, встрѣчъ и тому подобнаго и потому теперь затрудняюсь нѣсколько описать картину того, что предстало моимъ глазамъ въ этотъ день, въ шесть часовъ вечера. Все, начиная отъ городовыхъ, у входа въ садъ и національныхъ флаговъ, развѣшанныхъ вдоль по садовой оградѣ, блестѣло своей новизной и свѣжестью. Все было съ иголочки и все точно улыбалось и говорило: вы объ насъ не подумайте, что мы какіе нибудь. Мы вотъ какіе. У самаго входа въ садъ, за столикомъ сидѣлъ уже мой другъ Александръ Васильевичъ и продавалъ билеты.

— Тамъ ужъ всѣ? спросилъ я его, указывая въ глубь сада.

— Тамъ, отвѣчалъ онъ. А вы были съ визитомъ?

— Былъ, былъ. Какъ же. Я вѣдь самъ тутъ съ вами, вашъ членъ.

— Ну и застали, не опоздали?

— Нѣтъ, все какъ слѣдуетъ.

— Во фракѣ были?

— Во фракѣ.

Дамы благотворительницы были всѣ уже на мѣстахъ. Какая продавала апельсины, какая чай, какая сельтерскую воду. Не забыли устроить даже павильонъ съ квасомъ—этимъ „истинно русскимъ нашимъ напиткомъ". Я со всѣми поздоровался, раскланялся и остановился у дамы съ орѣхами.

— У своихъ трудовъ стоите. Вы мнѣ будете помогать.

Мы начали приставать къ знакомымъ съ орѣхами.

— А *его* все еще нѣтъ, какъ нѣтъ, замѣтила мнѣ моя дама.

— Пріѣдетъ, пріѣдетъ, успокоивалъ я.

— Вы почемъ знаете? Вы познакомились съ нимъ? Были у него? живо спросила она.

— Нѣтъ, не былъ. Но... Такъ. Какъ же ему не быть. Вѣдь онъ же знаетъ, что гулянье сегодня?

— Я думаю...

— Ну такъ какъ же ему упустить такой случай разомъ увидать все общество и со всѣми познакомиться?

Въ этотъ моментъ вдали показался *онъ*.

Но тутъ ужъ я рѣшительно не могу описать, что тутъ произошло. Ура не кричали, восторговъ не было, но такого полнаго поглощенія всѣхъ и всего окружающаго однимъ человѣкомъ я не ви-

дывалъ. Было буквально моими благотворительницами все забыто: и нашъ, истинно русскій напитокъ квасъ, и апельсины, и орѣшки, и даже, кажется, самое существованіе „этого истинно добраго и хорошаго нашего дѣла“, за которымъ мы собрались сюда и взялись торговать всей этой дрянью. Все было позабыто...

Онъ переходилъ отъ одной группы благотворителей и благотворительницъ къ другой и знакомился со всѣми, у всѣхъ все покупалъ. Онъ подошелъ даже къ колесу съ предсказаніями и испытывая свою судьбу прочиталъ нѣсколько билетиковъ.

— Что ему досталось? Что досталось? подходили потомъ другія дамы благотворительницы къ дамѣ благотворительницѣ, продававшей судьбу.

— Вздоръ какой-то... о какой-то брюнеткѣ... чепуха какая-то...

Онъ пробылъ на гуляньѣ съ часъ и уѣхалъ.

— Однако становится свѣжо, сказалъ мнѣ г. Муромцевъ, съ которымъ я познакомился утромъ во время визита у его супруги, нашей предсѣдательницы.

— Холодно. Домой пора, согласился я.

Г. Муромцевъ очень крупный землевладѣлецъ въ Рязанской губерніи и имѣніе его, говорятъ, замѣчательно по устройству. Мнѣ очень жаль, что обстоятельства моей поѣздки такъ сложились, что мнѣ неудалось побывать въ немъ у него, воспользоваться его разумнымъ предложеніемъ. Онъ несомнѣнный знатокъ мѣстныхъ порядковъ, хотя мнѣ

кажется, онъ смотритъ на интересовавшій меня вопросъ о мужицкомъ обнищаніи слишкомъ покойно. Онъ исходитъ изъ той точки, что минимума, которымъ мужикъ можетъ удовлетворяться въ своей жизни, отыскать невозможно—это безконечно малая величина. А впрочемъ можетъ онъ и правъ...

II.

Счастливая „губернія“ *), увидавшая, наконецъ, вчера своего губернатора, спала еще безмятежнымъ сномъ, когда раннимъ утромъ на другой день я выѣзжалъ изъ нея. Солнце только что вставало еще. Былъ дождикъ, должно быть, ночью. На улицахъ было сыро. Начинался чудесный лѣтній день.

— Не извольте, сударь, безпокоиться—успѣете. Тутъ вѣдь всего-то какихъ нибудь полчаса ѣзды до пристани, говорилъ номерной Федоръ, провожая и усаживая меня на извозчика.—Если дорожка хорошая, духомъ доѣдете.

— А хорошая она теперь-то?

— Ухабчики есть... Да это ничего-съ, не извольте безпокоиться, вѣдь это не весной и не осенью.

Извозчикъ бойко и съ прибаутками (онъ тоже былъ въ счастливомъ настроеніи) погналъ лошадь

---

*) Мужики, да и вообще простой народъ «губерніей» называетъ и губернскій городъ:—«Гдѣ былъ?»—«Въ губерніи». «Наѣхали чиновники изъ губерніи» и пр.

по соннымъ улицамъ, мимо знакомыхъ домовъ, мимо сада, гдѣ я вчера такъ весело провелъ время, продавая благотворительные орѣхи. Отъ бывшаго ночью дождя флаги вдоль садовой рѣшетки висѣли теперь мокрые, какъ тряпки, прилипнувъ къ оградѣ и къ своимъ флагштокамъ. У садовыхъ воротъ и на землѣ масса изорванныхъ входныхъ билетиковъ.

— А сколько-то собрали мы вчера „на доброе дѣло?“, думалось, глядя на нихъ.

Но вотъ мы выѣхали наконецъ изъ города. Выѣхали и началось... У самого выѣзда какой-то мостикъ. На мосту стоитъ городское стадо. Стоитъ и ни взадъ ни впередъ. Ни пастуховъ, никого, къ кому-бы обратиться, чтобы перегнать въ ту или другую сторону коровъ. А такъ, прямо на нихъ ѣхать, мѣста онѣ не даютъ. Уставились, смотрятъ на насъ, жуютъ и ни съ мѣста. Нельзя взять и въ сторону, въ объѣздъ, потому что по обѣ стороны мостика грязь невылазная.

— Надо прогнать ихъ — такъ нельзя, сказалъ извозчикъ.—И народъ какой—ни души. Вотъ ужь истинно-то—„кособрюхіе“ *).

Онъ слѣзъ и пошелъ сгонять съ мѣста коровъ, а я взялъ возжи.

— Ну, ты, кособрюхій что уставился-то? Ну... кричалъ онъ издали на быка и трусилъ его.

— Да ты его хворостиной, совѣтовалъ я съ дрожекъ.

---

*) Рязанцевъ дразнятъ «кособрюхіе».

— А какъ онъ мнѣ брюхо пропоретъ? Ишь рожа-то какая. Но, ты!.. Но!..

Эти пререканія ихъ въ виду упорства быка съ одной стороны и, въ самомъ дѣлѣ, благоразумной осторожности извозчика съ другой (быкъ былъ дѣйствительно колоссальный и смотрѣлъ крайне неблагонамѣренно), грозили затянуться надолго. Но вотъ явился какой-то мальчишка-пастушенокъ съ невѣроятной длины кнутомъ и съ страшными ругательствами заставилъ немедленно и быка и коровъ очистить занимаемую ими противъ насъ позицію. Мы тронулись дальше. Теперь я попрошу читателя представить себѣ пространство въ три или четыре версты, покрытое лѣтомъ совершенно такими-же ухабами, какъ зимой. Я отъ роду невидывалъ ничего подобнаго. Бываетъ грязь невылазная, бываютъ колеи, бываютъ трясины—это все у насъ по дорогамъ въ порядкѣ вещей, ничего для насъ особеннаго не представляютъ и жаловаться на это никому и въ голову конечно не придетъ, но лѣтніе ухабы—это что-то новое, еще никѣмъ невиданное. Мы ѣхали эти три версты безъ малаго два часа. Я вступилъ на пароходъ, когда раздался третій, послѣдній звонокъ.

— Ну, дорога у васъ къ пристани, говорилъ я капитану, любезно насъ встрѣчавшему на пароходѣ.

— А что? Это еще ничего. Вотъ весной или осенью... А теперь это еще что... Это милосердіе Божіе.

— Да зачѣмъ вы пристань-то отнесли отъ города на три версты?

— Ахъ-съ, это длинная исторія, если вамъ все разсказывать это—онъ съ отчаяніемъ махнулъ рукой—этого и въ три дня не разскажешь.

Впослѣдствіи, познакомившись воочію съ этимъ удивительнымъ у насъ вопросомъ—о пристаняхъ,—я буду имѣть случай поговорить объ немъ въ своемъ мѣстѣ—заразъ ужъ обо всѣхъ пристаняхъ.

На эти вопросы—въ родѣ вотъ, какъ о пристаняхъ, у насъ смотрятъ обыкновенно какъ на сухіе, спеціальные, техническіе, ни для кого не интересные, кромѣ развѣ какъ для администраціи и подрядчиковъ. Жестокая ошибка. Изъ этихъ „сухихъ" вопросовъ нажимается каждый годъ много соку и сопровождается это всегда прелюбопытными исторіями. Но объ этомъ послѣ.

По Окѣ ходятъ пароходы двухъ пассажирскихъ обществъ. Было, говорятъ, еще третье—г-на Мека, но оно просуществовало что-то около полугода и закрыло свои дѣйствія. Объ немъ сохранилось на Окѣ только одно преданіе, а именно, какъ проѣхался по Окѣ, открывая движеніе своихъ пароходовъ самъ г. Мекъ съ „артистками".

— Какія же это артистки были? спрашивалъ я, слушая разсказъ объ удивительномъ путешествіи.

— Не могу вамъ сказать какія, отвѣчалъ капитанъ, но катались онѣ весело...

Прокатился г. Мекъ и больше ужъ ничего отъ своего предпріятія не требовалъ и не получалъ...

Я ѣхалъ на лучшемъ пароходѣ на Окѣ. Это вообще пароходики маленькіе, такіе, какіе ходятъ въ Петербургѣ отъ пристани у Лѣтняго сада въ Шлиссельбургъ, только почище и поуютнѣе.

Было часовъ шесть утра, когда мы начали, наконецъ, отваливать. У самой почти пристани мостъ. Этотъ мостъ надо намъ „приходить". Но онъ еще не разведенъ.

— Что онѣ, подлыя, его не разводятъ до сихъ поръ, говорилъ капитанскій помощникъ, смотря на двѣ кучи бабъ, стоявшихъ на мосту.

— Да кто его будетъ разводить-то? Бабы развѣ? спросилъ я.

— Бабы. Здѣсь всегда бабы разводятъ.

Наконецъ мостъ развели. Вѣроятно беря примѣръ съ мужиковъ, бабы начали отчаяннымъ образомъ ругаться. Ругались онѣ черезъ разведенный пролетъ—одна группа бабъ ругалась съ другой. Въ это время подъ акомпаниментъ этихъ ихъ ругательствъ мы и „прошли" „черезъ мостъ" полнымъ ходомъ.

— Эхъ вы, безпорточная команда, кричали имъ наши съ парохода.

Бабы отвѣчали ругательствами совсѣмъ ужъ не печатными и показали намъ жесты удивительные и весьма въ то же время понятные.

— Это что-жъ, всегда такъ?

— Всегда, смѣялись на пароходѣ. Чтожъ, извѣстно, баба—и ничего больше. Развѣ она какое обращеніе понимаетъ?

На верхней палубѣ устроено что-то въ родѣ спуска въ каюты перваго класса. Этотъ спускъ родъ стеклянной, очень миленькой, бесѣдки съ зелеными бархатными скамейками по стѣнамъ и большимъ круглымъ столомъ по срединѣ. Я ужъ ранѣе видѣлъ, что въ бесѣдкѣ кто-то засѣдаетъ, но что они тамъ дѣлаютъ я не полюбопытствовалъ заглянуть,—теперь же, войдя къ нимъ, я увидѣлъ цѣлое общество, человѣкъ десять играющихъ за отдѣльными столиками, тутъ же поставленными, въ карты. Были въ томъ числѣ и дамы.

— Ну, знаете, а я и спать хочу. Это невозможно, оглядываясь на меня, вошедшаго въ бесѣдку, проговорилъ какой-то полный, съ блѣднымъ отъ безсонной ночи лицомъ, господинъ. Дама, его визави, тоже подняла на меня глаза,—я просто обрадовался ей какъ родственницѣ—это была одна изъ моихъ вчерашнихъ знакомыхъ, сочленша—благотворительница, такъ мило продававшая квасъ на гуляньѣ.

— Здравствуйте! Ахъ, за какимъ вы меня занятіемъ застаете, притворно конфузясь, говорила она.

— Послѣ трудовъ нуженъ и отдыхъ.

— Да вы знаете, мы не отдыхали вовсе. Прямо изъ сада на пароходъ. Гулянье кончилось въ два часа, когда же тутъ отдыхать? Пароходъ отходитъ въ шесть. Стоитъ-ли ложиться?

— Выспитесь, успѣете. Рѣчной воздухъ, пріятная легкая качка... говорилъ, утѣшая ее, мѣстный рязанскій левъ, тоже бывшій вчера на благотворительномъ гуляньѣ.

— Вы не знакомы? Такой-то, такой-то, говорила она, представляя меня.

Я сѣлъ къ круглому столу и спросилъ себѣ чаю. Игроки кончили скоро игру и начали считаться.

— Ахъ, какое дивное утро. И мнѣ чаю дайте, я тоже хочу. Поскорѣй только, говорила дама. Встала, выпрямилась и, улыбаясь, смотрѣла на меня.—Что вы объ насъ подумаете? говорила она.

Она была бы очень хороша, если бы только не эти ломанья. Стройная, нѣсколько утомленная безсонною ночью, съ ласковыми глазами и полными, красными, какъ кровь губами. Я невольно вспомнилъ въ Петербургѣ моего друга NN. Онъ любитъ какъ разъ такихъ. Это его идеалъ и въ описаніяхъ у него всѣ женщины именно такого типа...

— А вотъ, сказалъ подсаживаясь ко мнѣ одинъ изъ новыхъ моихъ знакомыхъ, только-что оставившій игру,—вотъ вамъ развѣ разсказать про одного нашего здѣшняго мирового судью. Это, я вамъ скажу, типикъ: старъ ужъ онъ до того, что ничего не помнитъ и не понимаетъ. За него все его секретарь дѣлаетъ. И рѣшенія пишетъ и статьи подбираетъ. Онъ судитъ, а секретарь приговариваетъ къ чему тамъ слѣдуетъ. Вотъ-съ надняхъ и была съ нимъ такая исторія. Судитъ онъ какого-то одного воришку, разобралъ дѣло и говоритъ ему: — Ну, братъ, жалко мнѣ тебя, а нечего дѣлать, три мѣсяца посидѣть тебѣ придется, да, придется, нечего дѣлать... Въ это время ему секретарь подаетъ рѣшеніе, читаетъ онъ его и глядь, всего на два дня

къ аресту.—Вона, а я думалъ на три мѣсяца тебя. Ну, твое, братъ, счастье... Это онъ подсудимому говоритъ.

— Ну, Павелъ Ивановичъ, позвольте, развѣ это возможно, вступается дама.

Съ другого столика, за которымъ еще продолжали играть, тоже дѣлаютъ возраженія.

— Ей-Богу-же. Ну, что-жъ, врать я что-ли стану? Ну спросите Петра Васильевича — онъ тоже это знаетъ.

— Да кто это слышалъ?

— Всѣ слышали. Всѣ говорятъ. Кого хотите спросите, оправдывался разсказчикъ.

— Вы про всѣхъ такъ. Вы во всѣхъ только однѣ темныя стороны видите. Сергѣй Сергѣевичъ дѣйствительно старъ ужъ, но чтобы до этого дойдти— ну кто же этому повѣритъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Павелъ Ивановичъ сталъ разсказывать совсѣмъ ужъ какой-то невозможный анекдотъ изъ исторіи мѣстнаго сословія судей и адвокатовъ, какъ они, желая попасть въ гласные и вообще прибрать къ своимъ рукамъ думу и все городское хозяйство, а также и земство въ губерніи, накупили себѣ для ценза какихъ-то болотъ, гдѣ ничего кромѣ бекасовъ и дупелей нѣтъ и заставили себя выбрать...

Это очень пикантная, во всѣхъ смыслахъ исторія и я объ ней много слышалъ еще въ Тамбовѣ, и одно время объ ней много говорили и въ Петербургѣ. Но я не знаю хорошо всѣхъ ея подробно-

стей, а главное, плохо понимаю ея подкладку... Одна сторона въ свое оправданіе приводитъ одни мотивы и выходитъ, что она права, другая сторона приводитъ другіе мотивы и выходитъ тоже права. Разобрать очень трудно. Несомнѣнно одно, что лучше-бы, если-бы ея не было вовсе.

— Нѣтъ, вотъ что у насъ въ земствѣ дѣлается, раздается со столика, за которымъ продолжается еще игра, это, я вамъ скажу, такъ-такъ. Вотъ если вамъ про наши земства разсказать...

Но я ужъ столько наслушался этихъ разсказовъ и самъ насмотрѣлся столько на эти удивительные случаи, бывающіе „только у насъ", что мнѣ не было уже никакой охоты слушать эти повѣтствованія дальше.

— Ну, однако, господа, вы тутъ разсуждайте, разсказывайте, сказала дама—патронесса вчерашнихъ бѣдныхъ, а я пойду къ себѣ въ каюту спать. Лиза, ты скоро кончишь? Приходи, обратилась она къ другой дамѣ, продолжавшей еще играть. Приходи, уснуть необходимо.

Она ушла внизъ въ каюту, а я, сказавъ, что никогда не видалъ еще Оки, плыву по ней первый разъ, пошелъ на верхъ на открытую палубу.

Утро было очаровательное, тихое, жары еще небыло—было часовъ десять. Я стоялъ на плоской бѣлой крышѣ парохода или верхней палубѣ—я не знаю, какъ это называется. Лѣвый берегъ, плоскій, зеленый, съ разбросанными по немъ вдали селами,—правый обрывистый, желтый, крутой, голый, только

мѣстами кое-гдѣ поросшій густымъ дубовымъ лѣсомъ — правильнѣе дубовыми кустами, очевидно остатками когда-то бывшаго здѣсь лѣса. Пароходъ рѣжетъ мутныя желтыя волны рѣки и покойно, едва покачиваясь, бѣжитъ полнымъ ходомъ. На мостикѣ, передъ трубой, у руля сидитъ капитанъ. Двое рабочихъ стоятъ по обѣ стороны его и держатся за ручки у руля.

— Хотите сюда, милости просимъ, приглашаетъ онъ меня. Отсюда еще виднѣе.

Я вошелъ къ нему и мы усѣлись.

— А хорошъ берегъ у Оки, любовался я.

— Ну, что-жъ тутъ хорошаго? На Волгѣ лучше. И служба на Волгѣ лучше. Тамъ развѣ наше жалованье? Какъ же можно. Волгу и сравнить никакъ нельзя. Здѣсь что? Пристани, дрянь. Города—хуже; ушелъ-бы, да некуда. Публика когда у насъ бываетъ? Вотъ только теперь, когда помѣщики изъ столицы въ имѣнія къ себѣ ѣдутъ. Да осенью, когда изъ имѣній опять въ Петербургъ поѣдутъ. А все лѣто—никого. Только одинъ простой народъ, чернорабочій. Съ Волгой и сравненія нѣтъ никакого.

Чѣмъ дальше отъ Рязани, Ока все шире, лѣвый берегъ разстилается все дальше, правый все круче, начинаютъ попадаться по серединѣ рѣки песчаныя острова и отмели. Масса чаекъ кружится надъ ними и летитъ за пароходомъ, когда онъ проходитъ мимо ихъ. Тысячами онѣ поднимаются съ песчаныхъ отмелей, сплошь усыпанныхъ ихъ перья-

ми. Тутъ кладутъ онѣ и яица, прямо на песокъ, не устраивая никакихъ въ немъ гнѣздъ. Одинокіе кулики тоже поднимаются съ ними и летятъ черезъ рѣку. Богъ знаетъ зачѣмъ вообразивши, что ихъ кто-то хочетъ спугнуть отсюда.

— Весной много утокъ, гусей дикихъ здѣсь бываетъ. Попадаются иногда и лебеди, говорилъ мнѣ капитанъ.—Только годъ отъ году все меньше ихъ становится.

— Тѣснѣе?

— Да-съ. И людямъ тѣснѣе жить становится, и имъ тоже.

У берега, въ верстѣ отъ села, бродитъ куча мальчишекъ по колѣно въ водѣ. Все красныя, синія, розовыя рубашенки.

— Что это они дѣлаютъ? Ищутъ что-то въ водѣ?

— Раковъ ловятъ. Раки здѣсь отличные въ рѣкѣ. Осенью такихъ раковъ поискать, какъ здѣшніе. А вотъ рыба—та у насъ здѣсь ужъ на убыль пошла. Не то ужъ, что прежде. Я помню, на моей ужъ памяти, десять лѣтъ назадъ, не то совсѣмъ было. Далеко не то. А старики, какъ послушаешь ихъ, и сравненья, говорятъ, противъ прежняго никакого.

— Пароходы что-ли?

— Да нѣтъ-съ, тоже все... не то ужъ...

— Тѣснота? Ока вѣдь такая-же, не мелѣетъ.

— Не мелѣетъ, а все не то. Прежде одинъ человѣкъ, положимъ, ловилъ, а теперь ихъ десять человѣкъ ловитъ. Ну, такъ какъ же ей не убавляться?

— Особенно какая порода рыбы уменьшилась?

— Да какая особенно? Стерляди уменьшились особенно. Теперь, въ это время, хорошенькая стерлядка за рѣдкость, можно сказать. Вотъ эдакая— онъ показалъ разстояніе въ аршинъ—теперь что за нее надо отдать? Цѣлковый, а то и полтора пожалуй.

— А вы знаете, что такая въ Петербургѣ стоитъ? спросилъ я.—У Палкина такая, да и вездѣ тоже, рублей двадцать пять.

Онъ улыбнулся, недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня и кивнулъ головой.

— Не понимаю, что въ ней находятъ.

Мы подъѣхали къ пристани близь Спасска. Вдали виднѣлась роскошная барская усадьба, съ церковью, садомъ, павильономъ въ саду, какими-то бѣлыми постройками въ видѣ тріумфальныхъ арокъ, со всѣми затѣями старой барской роскоши. Я спросилъ, чья это усадьба.

— Стерликова.

— Оскудѣваетъ? сараи-то, вонъ видите, раскрытые стоятъ. Или можетъ не живетъ никто въ ней, въ усадьбѣ-то?

— Нѣтъ-съ, живутъ.

На пристани никого не было видно изъ желающихъ сѣсть на пароходъ. Но мы все-таки подходили къ ней. На пароходѣ оказался одинъ желающій „слѣсть"—членъ суда, ѣхавшій по какому-то дѣлу, какъ разъ въ красивую усадьбу. Это былъ очень полный господинъ, котораго я видѣлъ вчера на благотворительномъ гуляньѣ въ Рязани, и съ

которымъ сегодня утромъ познакомила меня ѣдущая съ нами красивая дама благотворительница.

— Счастливой дороги, проговорилъ онъ, проходя мимо меня. Если опять будете въ Рязани, милости просимъ, я вамъ еще не то разскажу про наши порядки—страхъ что у насъ дѣлается, но... Уныніе—избави Боже. Унывать—никогда!..

— Periat mundus, fiat justicia?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, не такъ вы меня поняли!.. Не то совсѣмъ, какая ужъ тутъ юстиція!..

Пароходъ, ссадивъ его, отвалилъ отъ пристани, выбрался на середину рѣки и опять пошелъ полнымъ ходомъ.

Правый берегъ потянулся гористый, высокій, густо покрытый мелкимъ лѣсомъ. Села попадались все большія—такъ, должно быть, тысячи по три душъ. Видны были бѣлыя колокольни церквей въ нихъ. Въ нѣкоторыхъ по двѣ и по три церкви. Я спрашивалъ названія селъ, мнѣ говорили.

— И богато живутъ?

— Жили.

— А теперь что-жъ?

Я зналъ какъ живутъ мужики въ Рязанской губерніи. Цифры и выписки изъ земскихъ и статистическихъ отчетовъ, добытыя мною, лежали у меня въ моемъ дорожномъ портфелѣ,—мнѣ хотѣлось слышать объясненія факта отъ мѣстныхъ людей—чѣмъ они это объясняютъ.

— Начальства ужъ очень много. Вѣдь на каж-

даго мужика болѣе тридцати начальниковъ приходится. Вы посчитайте-ка только.

— Все-таки много тридцати человѣкъ.

— Не много. Вы посчитайте-ка.

— Да что же считать. И считать не стоитъ, наивничалъ я. Откуда же вы ихъ тридцать насчитали?

— Откуда-съ? А вотъ извольте... Вы, впрочемъ, здѣшній будете? вдругъ остановился мой собесѣдникъ, черноволосый, съ умнымъ лицомъ, повидимому, помѣщикъ изъ нынѣшнихъ, т. е. „опростившихся", въ синей купеческой поддевкѣ, въ высокихъ сапогахъ, съ толстой съ золотой цѣпочкой, въ картузѣ и съ сигарой въ зубахъ.

— Нѣтъ-съ, я не здѣшній, сказалъ я, но кое-что знаю и понимаю въ этихъ дѣлахъ.

— Ну, это все равно. Это и не у насъ однихъ— это вездѣ теперь тоже самое. Для васъ староста кто?

— Т. е. какъ кто?

— Ну, что онъ для васъ начальникъ или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А для мужика онъ начальство. Старшина для васъ кто? Начальство? Нѣтъ, вѣдь. А для мужика онъ начальство. Волостной писарь для васъ кто? Не начальство? А для мужика онъ начальство. Волостной сходъ для васъ кто? Не начальство? А для мужика онъ начальство. Ну-съ, а теперь извольте считать всѣхъ тѣхъ, передъ кѣмъ мужикъ стоитъ безъ шапки. Урядника, станового, его письмоводителя, исправника, его помощника, ихъ письмоводи-

телей—вы гдѣ принимаете? Дальше кабинета ни-ни. Въ гостинную вы ихъ вѣдь не поведете? Мировой судья, непремѣнный членъ, предсѣдатель управы, и т. д., и т. д. вѣдь они всѣ съ вами равные, сидятъ съ вами, чай пьютъ, о политикѣ толкуютъ. А для мужика они кто? Онъ передъ ними-то какъ стоитъ? Безъ шапки. Я васъ спрашиваю они для него кто? Ну-съ, отвѣчайте-ка. Какъ же это я тридцати-то человѣкъ не насчитаю? Да вотъ-съ извольте считать.

Онъ началъ считать, а я загибать пальцы. Дошло до предводителя.

— Сколько?

— Двадцать семь, сказалъ я.

— Господи, кого же это я пропустилъ? Намедни считалъ—выходило тридцать ровно.

Раздался кругомъ насъ хохотъ!—А меня-то забыли? сказалъ худощавый господинъ въ очкахъ, съ жиденькой бѣлокурой бородкой.

— Да вотъ еще: и въ самомъ дѣлѣ забыли, воскликнулъ мой собесѣдникъ,—земскій врачъ! Мы съ вами ему и кошекъ-то не дадимъ нашихъ лечить, фамильярно кивая на господина въ очкахъ, продолжалъ онъ, а онъ народъ лечитъ, хочешь не хочешь, а лечись у него, и кромѣ того, тоже вѣдь начальство. Мало онъ развѣ можетъ надурить въ деревнѣ, въ какую онъ пріѣдетъ. Да что хочетъ можетъ въ ней дѣлать.

Но тутъ разговоръ, по провинціальному обычаю, сразу принялъ шутовской характеръ, начались анек-

доты, шутки, остроты съ намеками на мѣстныхъ дѣятелей.

— Ну, что говорить-то объ этомъ, что объ этомъ толковать? Вѣдь отъ насъ это не зависитъ. Вѣдь насъ не будутъ спрашивать какъ это сдѣлать, да какъ это устроить. Такъ только одно переливаніе изъ пустого въ порожнее. И терпѣть я этого не могу, говорилъ несомнѣнно бывшій военный и тоже здѣшняго края помѣщикъ, средняго роста, весь заросшій бакенбардами. Изъ ушей, изъ ноздрей тоже у него торчали все волосы.

— Не понимаю, твердилъ онъ. Ну, что тутъ толковать. Ну, я васъ спрашиваю, что тутъ толковать?

— Да развѣ это запрещено? попытался отвѣтить ему „опростившійся" помѣщикъ въ синей чуйкѣ.

— Не запрещено, а какой толкъ изъ этого. Не запрещено говорить, чтобы я сдѣлалъ, еслибы выигралъ двѣсти тысячъ, а что же объ этомъ толковать?.. Ну, я васъ спрашиваю, какъ бы посмотрѣли на человѣка, который бы сталъ объ этомъ разсуждать?.. А что, господа, посмотрѣвъ на часы, вдругъ обратился онъ ко всѣмъ къ намъ, вѣдь адмиральскій часъ уже. Не заказать ли намъ братской, вмѣстѣ всѣмъ, ушки изъ стерлядокъ? Господинъ капитанъ, крикнулъ онъ туда, вверхъ, на мостикъ, къ капитану:—есть на пароходѣ живыя стерляди?

— Есть, есть. Только погодите лучше, вотъ сейчасъ пристань будетъ, дровами накладываться будемъ. Тамъ у берега всегда лодки съ рыбой стоятъ,

свѣженькую самую выберемъ. Здѣсь стерляди первый сортъ считаются.

— Ну, вотъ это дѣло. Это умно. Такъ, господа, какъ же? Братскую?

— Братскую, конечно.

— И вы тоже? обратился онъ ко мнѣ. Вы какой будете—здѣшней или другой какой губерніи?

— Тамбовской, сказалъ я.

— Тамбовской, обрадовался онъ. Ну и отлично. У меня тамъ въ Липецкомъ уѣздѣ дочь за однимъ тамошнимъ помѣщикомъ... И потомъ, какъ бы вдругъ вспоминая:—икорки бы теперь къ водочкѣ? Господинъ капитанъ, а икорка у васъ свѣжая есть? Теперь вѣдь икра должна быть первый сортъ. А затѣмъ опять ко мнѣ:—да-съ, и жили они первые три года хорошо. На четвертый выбрали его въ члены управы, онъ и завелъ себѣ... Сегодня въ городъ ему нужно по дѣлу, завтра по дѣлу, а дочь-то все одна, да одна. А тамъ и оказалось, какое у него дѣло-то въ городѣ...

— Скажите, какой шалунъ.

— Не шалунъ, а говорите просто ужъ—негодяй. Вы дочери моей не видѣли. Еслибъ вы видѣли, вы прямо бы ему въ глаза сказали: негодяй! И что-же-съ? Вѣдь это ужъ не мужики. Обращается она къ предводителю. Такъ и такъ, говоритъ, обращаюсь я, говоритъ, къ вамъ, какъ къ главѣ дворянства, вы должны принять въ этомъ участіе. И я же ее и научилъ этому. Я помню, какъ у насъ это прежде было, какъ въ наше время поступали въ этихъ слу-

чаяхъ предводители... А этотъ: не мое, сударыня, дѣло. Семейный очагъ—это священное мѣсто... Священное, когда онъ опоганилъ-то его!.. Вы вотъ на что лучше обратите ваше вниманіе. Кого мы ныньче въ предводители-то выбираемъ? А то все мужики да мужики. Мужики сами за себя постоятъ, когда имъ будетъ нужно. За насъ-то кто вотъ заступится? Этакій предводитель! А?..

Пароходъ тихо, медленно подходилъ къ пристани. Заросшій весь волосами, несчастный отецъ дочери, тамбовской помѣщицы, забылъ вдругъ и предводителя и опозоренный домашній очагъ своего зятя,— вглядывался въ берегъ, вытягивалъ шею.

— Вотъ эта лодка-то, кажется, и есть съ рыбой? Эта самая. Господа, что же, поѣдетъ кто нибудь со мною выбирать стерлядку-то?.. А бабъ-то, бабъ сколько! Это все вѣдь будутъ дрова на пароходъ таскать.

Бабы стояли съ носилками и ждали, когда пароходъ причалитъ, чтобы начать свою работу. Тутъже, отдѣльно отъ нихъ, въ сторонѣ, стояли крючники съ мѣшками за спинами и съ огромными крючками на веревкахъ въ рукахъ.

Всѣ ушли, я остался одинъ на пароходѣ, на верху, и смотрѣлъ на работу нагрузки и разгрузки парохода. Началась страшная толкотня. Крючники съ кулями и бабы съ дровами на носилкахъ рысью бѣгали по сходнямъ парохода, ловко минуя другъ друга, не сталкиваясь и нисколько не мѣшая одни другимъ. Картина была оживленная. Пассажиры

почти всѣ сошли на берегъ и смѣшались съ мѣстнымъ населеніемъ—пришедшими изъ деревни бабами и мальчишками продавать молоко, на сковородкахъ жареную рыбу, куръ, бараньи головы, печенку и тому подобную дрянь. Пассажиры нижней палубы покупали у нихъ и въ рукахъ несли эту рыбу, жареныя бараньи головы и проч. У самаго берега, вокругъ лодокъ, собралась цѣлая толпа. Мужикъ съ сѣткой на длинномъ шестѣ въ рукахъ черпалъ изъ середины лодки и вытаскивалъ оттуда разную рыбу—лещей, окуней, стерлядей. „Несчастный отецъ“ орудовалъ впереди всѣхъ.

— Да ты зачерпни хорошенько вотъ тутъ. Я ее самъ сейчасъ видѣлъ. Это не та. У той брюхо совсѣмъ желтое, доносилось до меня.

— Знаю, что желтая. Да никакъ ее не ухватишь.

— Дай-ка я ухвачу. Ты не умѣешь.

Сѣтка перешла къ несчастному отцу. Онъ черпалъ, черпалъ ею, все ничего не выходило—рыба не давалась и ему. Наконецъ рыбакъ опять взялъ у него сѣтку и началъ самъ опять ею черпать.

Вдругъ точно побѣдный крикъ раздался: А! Вотъ она. Наконецъ-то попалась...

Огромная стерлядь желтаго почти цвѣта кольцомъ лежала въ сѣткѣ и блестѣла на солнцѣ.

— Попалась, попалась! кричалъ несчастный отецъ.—Небось не хочешь, знаешь!..

Онъ ловко зацѣпилъ ее обѣими руками подъ жабры и, высоко поднимая ее передъ собой, потащилъ на пароходъ.

— Пузо-то, пузо-то у нея какое! Вы смотрите, кричалъ онъ мнѣ на верхъ. Желтое! Вѣдь это все икра! Закуска-то у насъ сейчасъ къ водочкѣ какая будетъ! Архіереямъ впору!

— Баринъ, баринъ, а ты не мѣшай, закричала ему баба пробѣгая мимо него съ носилками, а то еще какъ нибудь зашибешь неравно. Обижаться потомъ будешь...

III.

За Муромомъ вскорѣ начало смеркаться. Лѣвый, низменный берегъ Оки стало затягивать туманомъ. Бѣлый, клубами онъ подымался надъ прибрежной равниной и скоро скрылъ ее всю изъ глазъ—вода рѣки съ этой стороны точно своимъ берегомъ имѣла упавшее небо съ облаками.

— Вотъ туманъ-то! невольно проговорилъ я. Это хоть бы въ Петербургѣ.

— Завтра отличный день зато будетъ, въ отвѣтъ мнѣ говоритъ одинъ изъ пассажировъ, тоже, подобно мнѣ, отъ нечего дѣлать, сидящій на верхней палубѣ и созерцающій картину вечера на привольной рѣкѣ.

— А вы почемъ знаете? вмѣшивается блѣдный молодой человѣкъ—мы всѣ знаемъ, что онъ ѣдетъ въ Самару на кумысъ—это развѣ признакъ?

— Признакъ.

Молодой человѣкъ смотритъ на туманъ, потомъ поворачивается и смотритъ на правый, нагорный,

чистый берегъ Оки и по нѣкоторомъ времени говоритъ:

— А что, отъ этихъ муромскихъ знаменитыхъ лѣсовъ ничего не осталось?

— Осталось, какъ бы въ отвѣтъ ему, но нехотя отвѣчаетъ пассажиръ неизвѣстнаго званія, котораго повидимому и опредѣлить нельзя, кто онъ такой:— Осталось, какже—городъ Муромъ и господинъ предводитель Муромцевъ.

Молодой человѣкъ кисло улыбается и продолжаетъ:

— А вѣдь это когда-то знаменитые лѣса были. Въ нихъ разбойники жили. Есть даже романъ, я помню... Или это пѣсня разбойничья:

„Ѣдутъ съ товарами въ путь изъ Касимова
„Муромскимъ лѣсомъ купцы...“

— Да, вотъ тутъ они должно быть и ѣхали, съ ироніей въ голосѣ говоритъ пассажиръ. Теперь это все вырублено. Лѣсъ вывели, а вотъ разбойниковъ-то вывести никакъ не могутъ...

— А что, шалятъ развѣ? оживляясь спрашиваетъ молодой человѣкъ.

— Страхъ какъ шалятъ...

— Да гдѣ-же здѣсь имъ?

— А вонъ, въ любомъ селѣ... Есть села, которыя они совсѣмъ уже зашалили...

Странный пассажиръ говоритъ загадочно, очевидно какими-то намеками. Блѣдный молодой человѣкъ, я и другіе пассажиры, бывшіе тутъ-же, съ любопытствомъ посматриваютъ на него, ожидая

разгадки. Прошло съ минуту, но онъ упорно молчалъ. Только переложилъ ногу на ногу и плотнѣе, отъ проникавшей его сырости, закутался въ драповую, толстую накидку. На всѣхъ скамейкахъ вокругъ тоже всѣ молчали и посматривали то на него, то другъ на друга:—дескать, что же это? Скоро это онъ намъ объяснитъ? Объ чемъ это, объ комъ это онъ?..

— Вы про кого это? прервалъ молчаніе молодой человѣкъ. О какихъ т. е. собственно вы разбойникахъ?

— Которые народъ грабятъ. Объ настоящихъ, спокойно отвѣчалъ странный пассажиръ и посмотрѣлъ на насъ, обводя по очереди всѣхъ насъ глазами.

Мы опять всѣ переглянулись.

— Да помилуйте, гдѣ же они тутъ? вмѣшивается въ разговоръ еще кто-то. Я здѣшній и знаю, никакихъ тутъ разбойниковъ нѣтъ.

— Нѣтъ? усмѣхается странный пассажиръ. Нѣтъ? Вы не слыхали, ничего объ нихъ не знаете? А вотъ что село Павлово разграбили? Никто не знаете? Не слыхали?

— Когда же это? Это вотъ это Павлово, куда ѣдемъ?

— Это самое. Павлово тутъ одно. Его вся Россія знаетъ. Знаетъ, что и разграблено оно и никто помочь ему не хочетъ. Одинъ добрый человѣкъ нашелся, г. губернаторъ Барановъ, Николай Михайловичъ, — да одинъ онъ что же подѣлаешь? Побился, побился, да и отступился...

— Вы очевидно на что-то намекаете. Вы прямѣе скажите, проговорилъ кто-то. А то мы вотъ все слушаемъ и ничего не понимаемъ.

Онъ разсмѣялся и нервно поводя плечами сказалъ:—И я не понимаю... И самъ я ничего не понимаю... Однако больше говорить объ этомъ не буду. И онъ странно какъ-то, подозрительно и многозначительно посмотрѣлъ на насъ;—Говорю я вамъ, что село Павлово, да и не одно Павлово—много у насъ здѣсь селъ—разграблено разбойниками—и больше ничего я вамъ не скажу. Пріѣдемъ вотъ теперь скоро къ пристани, павловцевъ много тамъ высыпаетъ съ соловьями, съ канарейками, съ замочками, съ ножичками — вы ихъ и спросите... Спросите: за что, скажите, васъ прозвали „Павлы безхватые"? Вотъ что они вамъ отвѣтятъ. Вы ихъ и разспросите хорошенько, тогда вы поймете... Вотъ про что я вамъ говорю-то подтвердилъ онъ.

Всталъ, поежился еще отъ сырости, запахнулся и ушелъ внизъ, въ общую каюту со словами:—Да, шалятъ, разбойники, шалятъ...

На верхней палубѣ дѣйствительно становилось сыро. Туманъ расплылся почти по всей рѣкѣ—она точно дымилась. Вода гладкая, какъ зеркало — ни ряби, ни струйки. Пароходъ бѣжитъ, точно скользитъ по ней.

Проходя внизъ, всѣ остановились въ стеклянной бесѣдкѣ, устроенной надъ спускомъ въ каюты. Въ бесѣдкѣ за столомъ сидѣлъ капитанъ и съ кѣмъ-то изъ пассажировъ пилъ чай.

— Здѣсь теперь ужь недалеко до пристани? спросилъ я его.

— Нѣтъ, верстъ десять еще.

— А село Павлово далеко отъ пристани?

— Рукой подать. Вамъ что—ножичковъ, замочковъ хотите купить? Смотрите только канареекъ у нихъ не покупайте. Такіе мошенники—страхъ. Во всемъ свѣтѣ такихъ мошенниковъ нѣтъ, отвѣтилъ капитанъ.

Я улыбнулся и поискалъ глазами загадочнаго пассажира; но его ужь не было, онъ ушелъ, спустился внизъ, въ каюты.

— Вы, что-жъ, внизъ? На верху сыро? Укладываться хотите? разспрашивалъ насъ словоохотливый капитанъ, еще довольно молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, красивый, съ умнымъ лицомъ, загорѣлый, стройный—„молодецъ мужчина“:—А мнѣ вотъ всю ночь тамъ придется стоять. Какъ вотъ эту пристань пройдемъ, смѣняться надо. Помощникъ пойдетъ спать, а я—на верхъ... Погодите до Павлова-то. Любопытно вѣдь, въ самомъ дѣлѣ. Ихъ тутъ что соберется на пароходъ-то. Ахъ, мошенники...

— Такъ зачѣмъ-же вы ихъ пускаете на пароходъ? замѣтилъ кто-то.

— Да нѣтъ-съ, не въ томъ смыслѣ, что бы они крали что. Этого нѣтъ. А такъ, ужъ какъ начнутъ приставать—купите то-то да это у нихъ—вотъ я про что. А чтобы воровать — нѣтъ, про нихъ этого нельзя сказать. Пристаютъ вотъ только, надоѣдятъ. Бѣднота, ѣсть вѣдь нечего. И чѣмъ только они живутъ—задача для меня...

Пассажиръ, съ которымъ онъ сидѣлъ, человѣкъ очевидно бывалый, знаетъ порядки хорошо. Только головой покачивалъ все, — дескать задача и для меня.

— Да вотъ-съ, если полчасика посидите, мы къ пристани подойдемъ, вы сами увидите. Прелюбопытно. Ей-Богу. Ножичекъ перочинный продастъ вамъ всего за десять копѣекъ. Вѣдь его сдѣлать надо, какой онъ тамъ ни на есть, и вѣдь за нимъ надо повозиться. И къ тому же вѣдь и матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, тоже чего нибудь стоитъ.

Раздался свистокъ на верху. Капитанъ быстро вынулъ и посмотрѣлъ на часы:

— Вона, подходимъ ужъ. Время-то я и невидалъ какъ прошло.

Онъ поблагодарилъ угощавшаго его пассажира за чай, всталъ и началъ застегиваться, готовясь уходить отъ насъ:

— Вотъ сейчасъ и начнется. Посмотрите-ка, что ихъ на пароходъ навалитъ. Только канареекъ у нихъ не покупайте. Будутъ увѣрять, что поютъ, а ни одна не поетъ. Надуютъ навѣрно.

Онъ ушелъ изъ бесѣдки, а мы всѣ, человѣкъ шесть, усѣлись на диванчики, ждать павловцевъ съ ножичками, замочками и канарейками. Оставшійся съ нами пассажиръ, знакомый капитана, сталъ разсказывать о Павловѣ.

Вѣдь вотъ-съ, кажется слава Богу, ѣзжу я не первый годъ по Россіи и всю ее, можно сказать,

и вдоль и поперекъ знаю, а такой бѣдноты не видывалъ.

Кто-то замѣтилъ:—Да вѣдь они ремесленники.

— Такъ что-жъ что ремесленники? А живутъ все-таки хуже простыхъ мужиковъ. Докладываю вамъ, что такой бѣдноты и горя я не видывалъ нигдѣ. Разорены въ лоскъ, что называется. И выходу имъ, спасенья имъ никакого нѣтъ... Вотъ въ позапрошломъ году генералъ Барановъ... И тоже ничего не вышло... Бѣднота такая, что и вообразить нельзя. Ни у одной почти избы ни кола, ни двора. Такъ только срубъ одинъ стоитъ и больше ничего. Потому имъ дворы эти ни къ чему. Ни лошадей, ни скотины, ни птицы домашней какой—ничего у нихъ нѣтъ. Только на привязи, на веревкѣ поросенокъ одинъ, вотъ все равно какъ у насъ собакъ привязываютъ. И чѣмъ живъ этотъ поросенокъ—одна задача. Разсказывать кому—такъ не повѣрятъ...

Пассажиръ нагнулся къ своему сосѣду и что-то пошепталъ ему на ухо.

— Ей Богу. Этимъ только и кормятся. Потому ему ни корочки какой, никакого объѣдка не перепадаетъ.

Онъ даже сплюнулъ въ сторону.

— Ахъ, говорю, поганые вы какіе. Какъ же это вамъ, говорю, не скверно его потомъ будетъ ѣсть?

— А они что-жъ? спрашиваетъ его кто-то изъ пассажировъ.

— Да что-жъ они. Чѣмъ же, говорятъ, мы его

кормить будемъ, когда намъ и самимъ ѣсть нечего? Это, говорятъ ничего. Въ немъ это переваривается... Очистится... Мало ли что... Отъ этого они изъ всей скотины только одну свинью держатъ, потому ее кормить нечего, гадость всякую ѣстъ...

— Да неужели такъ-таки ничего—ни коровъ, ни овецъ?

— Какія коровы, овцы—докладываю я вамъ, курицы ни у кого не найдете... Да что вамъ ужь и говорить, вотъ генералъ Барановъ...

Раздался продолжительный, рѣзкій свистокъ и вслѣдъ затѣмъ пароходъ, видимо уменьшивъ ходъ, подходилъ къ пристани.

— А что такое генералъ Барановъ?

— Хотѣлъ и принялъ въ нихъ даже участіе.

— Ну и что-жь?

— Ничего не вышло. Докладываю вамъ, только хуже имъ теперь отъ этого стало... Онъ имъ выхлопоталъ шесть тысячъ на кассу... чтобъ имъ понимаете, отъ этихъ ихнихъ кулаковъ-то, изъ лапъ-то ихнихъ имъ высвободится... Ну, а тутъ такая исторія вышла... Этотъ, кто нанятъ былъ завѣдовать-то складомъ, попался, арестовали его, жену его тоже. Нашли у нихъ какіе-то тамъ бумаги, книжки... Я этого ничего не знаю,—поспѣшно отговорился пассажиръ,—только знаю, что кассу эту закрыли сейчасъ... И теперь, какой свой товаръ въ складъ отдавали, были, значитъ, какъ-бы противъ кулаковъ... Приходятъ если теперь къ нимъ, такъ тѣ ихъ за это и на глаза къ себѣ не пускаютъ.

Вы, говорятъ, противъ насъ хотѣли идти, сами хотѣли, помимо насъ, торговать, ну такъ и торгуйте. А гдѣ-жъ имъ торговать, когда у нихъ и на хлѣбъ-то на насущный нѣтъ. Всего и товару-то у него, что сдѣлалъ, весь онъ при немъ—три, четыре замка, да дюжина ножичковъ, или тамъ пустяки, дрянь какая—щипчеки, ножницы, машинки орѣхи колоть... Да-съ, большое количество народа такъ живетъ. Въ одномъ этомъ Павловѣ четыре тысячи душъ.

— А всего вообще?

— Всего вообще тысячъ десять народу тамъ живетъ. Кулаки, свои-же односельчане, и разорили ихъ. Эдакихъ разбойниковъ я и не видывалъ. Да и нигдѣ нѣтъ такихъ кулаковъ. Это просто изобразить ихъ въ словахъ невозможно. Видѣть надо, только тогда поймешь...

Пароходъ наконецъ присталъ и остановился. Черезъ минуту въ запотѣвшія стекла бесѣдки стали смотрѣться какія-то лица—одно, два, много ихъ...

— Вонъ они. Тутъ ужъ,—проговорилъ разсказчикъ. Ну, ужъ идите, идите,—крикнулъ онъ, махая имъ рукой, показывая имъ, чтобъ они вошли.

Дверь осторожно отворилась и человѣкъ шесть и больше, всѣ въ угольной копоти, какъ кузнецы, вошли къ намъ. Всѣ они были съ какими-то сверточками въ рукахъ, кромѣ того, у нѣкоторыхъ черезъ плечо висѣли холщевые мѣшечки. Бывалые, привычные къ пассажирамъ люди, они сейчасъ-же начали развертывать изъ бумажекъ и показывать намъ свой товаръ.

— А канареекъ нѣтъ?

— Нѣтъ,—смѣясь, отвѣчали они. Этимъ мы не занимаемся. Это ужь что...

— Не занимаемся,—передразнивалъ ихъ бывалый пассажиръ. Да ты же никакъ намедни, недѣли двѣ, я тутъ ѣхалъ, продалъ мнѣ.

Веселый малый, съ вымазанной рожей, съ черными исцарапанными руками, съ обломанными на пальцахъ ногтями, ухмылялся, ширико осклабясь:

— У меня и канареекъ-то въ заводѣ никогда не было,—оправдывался онъ.

— А поросенокъ есть?

— Поросенокъ есть.

— Слышите, слышите,—ссылаясь на него въ свое оправданіе бывалый пассажиръ:—А чѣмъ ты его кормишь?

— Чѣмъ? Чѣмъ придется. Самъ достаетъ—смѣялся малый.

— У, бестыдники! И какъ вамъ не стыдно, погань такую потомъ ѣдите. Что вы некрещенные чтоль. Креста у васъ нѣтъ?..

— А и то правда, пожалуй,—отозвался малый. Крестъ-то съ насъ давно ужъ со всѣхъ сняли...

Передъ нами на столѣ лежало нѣсколько дюжинъ перочинныхъ ножичковъ, нѣсколько дюжинъ замковъ и замочковъ, все „съ секретами", нѣсколько паръ ножницъ, кухонные и хлѣборѣзные ножи... И все это, что ни спроси, 10, 15, 20 коп. Я отобралъ себѣ дюжины двѣ ножичковъ, дюжину замочковъ.

— Ну, что хочешь за все?

— А погоди, надо сосчитать.

Бывалый пассажиръ посовѣтовалъ мнѣ торговаться:—Они вѣдь страсть дерутъ тутъ. Съ ними надо торговаться да торговаться. Вы посмотрите-ка еще, клейменные ли они?

— Да что въ нихъ въ клеймахъ-то. Ну, вотъ онъ и съ клеймомъ, что-жь онъ лучше чтоль?—оправдывался мастеръ. Я же его дѣлалъ.

— Не лучше, знаю я, да тебѣ-то онъ дешевле стоитъ,—возражалъ бывалый пассажиръ. Вы знаете въ чемъ тутъ дѣло-то?—обратился онъ ко мнѣ.—Если они не клейменые, они (ножички) на 20 коп. дюжина дешевле. У самихъ у нихъ ни клеймъ, ни орловъ нѣтъ, такъ они носятъ ихъ клеймить къ извѣстнымъ скупщикамъ, у котораго клейма и орлы есть.

— А развѣ это не фабриканты? съ орлами-то? съ клеймами-то?—съ удивленьемъ спросилъ я.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ. Просто скупщики. Они или покупаютъ у нихъ, или ставятъ имъ на ихъ ножичкахъ свои клейма и за это берутъ по двугривенному съ дюжины. По двугривенному платите?

— По двугривенному,—отвѣчалъ малый.

— А эти вотъ Завьяловы, Вырыпаевы?

Бывалый пассажиръ только рукой махнулъ.

— Я вамъ говорю, стоитъ туда съѣздить нарочно, чтобъ только посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Уму непостижимо!..

Я заплатилъ что-то рубля три или въ родѣ этого и у меня былъ цѣлый ворохъ ножичковъ, замоч-

ковъ съ секретами, щипчиковъ и проч. Такіе ножички, за которые мы платимъ въ Петербургѣ въ Гостиномъ дворѣ по 70, 80 к. и дороже, я платилъ здѣсь, на мѣстѣ, по 15 и 20 к., и говорили что я еще переплачиваю, не торгуюсь, что если торговаться, можно купить еще дешевле. Очень порядочныя ножницы—20, 25 к. Щипчики колоть сахаръ, такія, какія подаются въ средней руки трактирахъ—тоже 20, 25 к. Щипчики колоть орѣхи—10, 15 к. Замочки съ секретами, т. е. съ секретами, какъ ихъ отпирать (и очень притомъ замысловатыми), отъ 25 к.

— Ну, сколько же ты ихъ—я показывалъ на ножички—сдѣлаешь въ день?—спрашивалъ я мастера-торговца.

— Да сколько?—штукъ шесть, семь можно сдѣлать.

— А сколько отъ нихъ останется тебѣ въ день?—т. е. чистаго барыша? Матеріалъ же вѣдь стоитъ тебѣ?

— А то какъ-же. Нешто намъ его, матеріалъ-то, даромъ даютъ?.. Копѣекъ двадцать въ день отъ нихъ выработаешь... подумавъ отвѣтилъ мастеръ.

Двадцать копѣекъ, въ глухую пору, получаетъ въ рабочій день и мужикъ, т. е. работникъ—поденщикъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ губерніяхъ, напримѣръ, Тамбовской, Орловской, Воронежской. Но у того все-таки домъ есть, онъ житель, что называется, т. е. у него все-таки найдется кое-что свое, домашнее, чѣмъ онъ можетъ закусить, не по-

купное, однимъ словомъ. А вѣдь эти, Павлы безхватые, голы какъ соколы. Они все покупаютъ, и хлѣбъ, и молоко, и яица и капусту, и картофель, все рѣшительно.

По разсказамъ, кто былъ тамъ у нихъ, и потому что они сами тутъ намъ про себя разсказывали—это удивительный должно быть уголокъ... Такъ на видъ и по разговорамъ они вовсе не отупѣлые какіе—они только какъ будто огалтѣли, что называется, имъ все—все равно. Притупились, свыклись ужь со своимъ положеніемъ, не стыдятся ни своихъ лохмотьевъ, ни своей нищеты:—„Павлы безхватые“, говорятъ имъ и они смѣются, отвѣчаютъ:—и впрямъ безхватые.

— Какой безхватые, скоро дойдемъ, что совсѣмъ безъ рубашекъ будемъ ходить.

— То-есть тонкость у насъ такая заведена!..

И все это со смѣхомъ и даже ужь не съ горькимъ смѣхомъ, а съ какимъ-то отчаяннымъ упорствомъ, безстыдствомъ, если можно такъ выразиться.

— Такъ чтожь тутъ, ребята, смѣшного, замѣтилъ имъ кто-то изъ пассажировъ. Вчужѣ за васъ страхъ беретъ, а вы смѣетесь.

— А что ужь ты подѣлаешь на нашемъ мѣстѣ?

— Ну какъ что?.. Ну, сплотитесь, порѣшите не продавать кулакамъ, сами продавайте...

Мужикъ усмѣхнулся.—Ну чтожь толку-то будетъ? Хлопотъ только себѣ больше наживешь, пожалуй еще исторія тебѣ за это такая выйдетъ. Да вотъ и

сами продаемъ теперь, ну, не все-ли едино: и кулакъ дастъ за ножичекъ 11 копѣекъ и ты столько же даешь... Вѣдь самъ знаешь, продолжалъ мужикъ, замѣтивъ смущеніе, въ которое онъ поставилъ пассажира этимъ отвѣтомъ, что онъ дороже стоитъ, а не прибавишь. Такъ точно и кулакъ...А все это отчего? Оттого, милый человѣкъ, что и мнѣ нужно продать и ему—онъ указалъ на стоящаго рядомъ съ нимъ товарища—потому намъ обоимъ, и ему и мнѣ кушать хочется и жены и дѣти дома тоже кушать хотятъ...

— Ну-съ, что-же, поняли теперь мои загадки, вдругъ раздался позади насъ голосъ загадочнаго господина, о которомъ я упоминалъ въ началѣ моего письма. Онъ пришелъ снизу, изъ каюты и торжествовалъ среди насъ, точно мы были противниками его и онъ теперь насъ побѣдилъ.—Поняли, о какихъ разбойникахъ я говорилъ, слышали про нихъ, что они дѣлаютъ. Тѣхъ вотъ, о которыхъ въ романсахъ-то поется, ловили, казнили, а вѣдь этихъ-то и судить нельзя: все по праву, на законномъ основаніи. Любого изъ нихъ, какого ни возьми, все преданные, благонамѣренные; въ углахъ иконы въ ризахъ, лампадки; съ начальствомъ въ дружбѣ, уважаютъ, пріѣдетъ если кто изъ начальства, незнаютъ какъ его и принять, угостить чѣмъ...

Черезъ два дня, въ Нижнемъ, я сидѣлъ у моего стараго, добраго знакомаго, теперешняго нижегородскаго губернатора генерала Баранова и мы вспоминали съ нимъ прожитое прошедшее и недавно прошедшее.

Я вертѣлъ въ рукахъ лежавшій у него на столѣ перочинный ножичекъ и вдругъ вспомнилъ о „Павлахъ безхватыхъ“.

— Да, сказалъ я, что это такое у васъ эти Павловцы? Это ужасъ какой-то.

— Вы были тамъ?

— Нѣтъ, самъ я тамъ не былъ, но мнѣ всю дорогу почти объ нихъ разсказывали, и потомъ я видѣлъ ихъ на пристани говорилъ съ ними, разспрашивалъ ихъ.

— Мѣстечко любопытное, отвѣчалъ Барановъ. Такого, я вамъ скажу, поискать еще другого въ Россіи.

— Неужели ничего нельзя подѣлать?

— Ничего. Я, по крайней мѣрѣ, моей властью.

— Но кто-же можетъ?

— Кто?.. Деньги одни могутъ ихъ выручить... У кого есть деньги, тотъ ихъ можетъ выручить, а больше никто. А такъ какъ у насъ съ вами, мой другъ, ихъ нѣтъ, то мы и нечего не можемъ сдѣлать...

— Вы, говорятъ, имъ что то выхлопотали было?

— Да, но это очень печально кончилось. Вы знаете, слышали объ этомъ?

— Слышалъ, сказалъ я...

— Я дѣлаю еще попытку. Можетъ удастся что, не знаю... И вѣдь какіе мастера, если бы вы видѣли. Саблю они мнѣ какую сдѣлали,—никакому дамаску не уступитъ. И вѣдь все молоточкомъ, да подпилочкомъ—все вѣдь ручная работа, никакихъ приспособленій, усовершенствованій...

— Хоть-бы какой нибудь имъ оплотъ противъ кулаковъ-скупщиковъ. Я знаю, что никакими законными мѣрами ничего съ кулаками не сдѣлаешь...

— Ничего...

— Вѣдь это ужасъ какая разница — у нихъ, у рабочихъ, въ первыхъ рукахъ, и въ продажѣ потомъ.

Онъ порылся въ бумагахъ и вытащилъ толстую тетрадь, какой-то докладъ: — Вотъ цѣна у кустарей, сказалъ онъ, и потомъ въ продажѣ у перекупщиковъ: кухонные ножи, пара, у кустарей 36 коп. — у перекупщиковъ въ продажѣ въ Москвѣ 2 р. 30 к., дюжина висячихъ замковъ: у кустарей 1 р. 30 к. — въ продажѣ въ Москвѣ 9 р. 40 к... Ну и такъ дальше...

— Вы мнѣ позволите выписать эти цѣны, напечатать ихъ и сослаться на васъ? спросилъ я.

— Сдѣлайте одолженіе. Секрета тутъ никакого. Я очень радъ еще буду.

Мнѣ очень грустно, конечно, что неудалось ни въ этотъ разъ, ни потомъ, на обратномъ пути, самому побывать въ Павловѣ, видѣть своими глазами все это. Описаніе вышло бы, конечно, картиннѣе, эффектнѣе; но я полагаю достаточно и того, что я слышалъ изъ разсказовъ и что мнѣ вполнѣ подтвердилъ и ихъ губернаторъ.

Неужели общественная иниціатива такъ ничтожна у насъ, въ самомъ дѣлѣ, что даже и въ такомъ нерискованномъ ужь нисколько вмѣшательствѣ не можетъ принять участія? А впрочемъ, го-

ворятъ, что кустарная промышленность не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ экономической науки и рано или поздно должна пасть. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же пользоваться ею и давать эксплоатировать ее кулакамъ, а кустарей, производителей, хотя и неудовлетворяющихъ требованіямъ науки, заставлять голодать?..

IV.

Не помню на какой-то пристани, но ужъ не далеко отъ Нижняго, ночью, къ намъ, въ общую каюту перваго класса, вышли два купца съ огромными дорожными мѣшками-чемоданами, съ подушками въ красныхъ наволочкахъ подъ мышками и хотя старались никого не тревожить, говорили тихо, но начали укладываться, разбираться, кашлять, уронили что-то и кончили тѣмъ, что всѣхъ перебудили.

Сонныя, досадныя лица со злобой оборачивались въ ихъ сторону и глядѣли: — „когда, дескать, кончится это все, уложитесь вы и заснете, дадите и другимъ спать?“.

Но купцы были не изъ такихъ, чтобы могло на нихъ дѣйствовать подобнаго рода проявленіе общественнаго мнѣнія. Они были, что называется, „изъ русскихъ“, т. е. въ картузахъ, въ чуйкахъ и, хотя и не въ высокихъ сапогахъ, а въ обыкновенныхъ и даже въ калошахъ, и сюртукахъ; но заплативши за билеты перваго класса, чувствовали

себя „во всемъ своемъ полномъ правѣ“ и ни малѣйше не были расположены стѣснять себя, хотя почему-то, стуча и кашляя во все горло, говорили тихо, ниже чѣмъ въ полголоса, почти шепотомъ.

— Василій Ивановичъ, ты ложись сюда вотъ, голова съ головой со мною. Вотъ сюда подушку-то клади, вотъ такъ. Протянуться-то тебѣ есть гдѣ? Чудесно будетъ. Барина не зацѣпишь—ему мѣста довольно...

Василій Ивановичъ молчалъ и повиновался, клалъ подушку, куда ему тотъ показывалъ, вытягивалъ ноги, пробуя не зацѣпитъ-ли онъ „барина“, какого-то господина, спавшаго въ углу, и во все время проронилъ одно или два слова изъ коротенькихъ:— хорошо... ничего...

Черезъ полчаса или больше они наконецъ угомонились, т. е. улеглись и замолчали. Наступила тишина, прерываемая только сапомъ и храпомъ. Прошло минутъ десять. Вдругъ опять:

— Василій Ивановичъ, ты спишь?

— М-м-м?..

— Думаю я, братецъ ты мой, какъ-же это мы теперь проѣдемъ въ Нижній и что-же, такъ-таки и ничего... насчетъ баржей-то нашихъ?

— Комиссія, говорятъ, была, бурчитъ Василій Ивановичъ.

— Да что, братецъ ты мой, комиссія? Комиссія!.. А кто намъ убытки-то заплатитъ? Съ него что взять-то? У него кромѣ мундирчика-то что есть? Я, да я!.. „Я поѣду, со мной ничего не подѣлаешь!

Въ острогъ упеку. Чернова упекъ и тебя упеку", дразнитъ кого-то купецъ.

— Комиссія теперь если... опять начинаетъ Василій Ивановичъ и замолкаетъ.

— Да что тебѣ комиссія-то заплатитъ что-ли. Ты подумай вотъ объ чемъ: какъ это теперь жаловаться если—куда?

— Куда?

— То-то: куда ты на него жаловаться будешь?

Оба молчали. Проходитъ минута—двѣ паузы.

— И, вѣдь, вотъ человѣкъ какой, снова начинаетъ тотъ-же купецъ, и для чего это ему нужно было. Такъ вѣдь фардыбачество одно. Я, да я! Я, молъ, того захотѣлъ и будетъ такъ, по моему. „По моему! опять дразнится купецъ, по моему!" А что по моему-то?.. А теперь ежели ему это спустить, не подавать на него жалобу никуда, размышляетъ купецъ, онъ останется на этомъ мѣстѣ и на предбудущій годъ опять такую-же катастрофу удеретъ?.. Господи Боже мой, взываетъ купецъ, и чѣмъ это мы Господа прогнѣвали? Все было хорошо и жалобъ никакихъ, разбирались люди сами собой, нѣтъ, надо было...

— Надо опять просить, чтобы опять по старому было, бурчитъ Василій Ивановичъ. Онъ лежитъ лицомъ къ стѣнѣ и его глухо слышно.

— Человѣкъ какой выискался! Гм! Достали человѣка. Онъ и дѣломъ если за что возмется — несчатіе отъ него будетъ одно только. Ужъ если

человѣкъ до того дошелъ—тьфу—купецъ даже повернулся я плюнулъ—эдакую, прости Господи, погань на себя допустилъ... На своихъ собственныхъ тѣлесахъ носитъ...

— Да, это болтаютъ про него только, смѣется Василій Ивановичъ.

— Вотъ это тоже: болтаютъ! Ежели я тебѣ говорю, самъ я „его“ на немъ видѣлъ. Хвостъ изъ рукава вотъ на сколько выпустилъ...

Василій Ивановичъ видимо заинтересовался, повернулся на брюхо и черезъ подушку сталъ смотрѣть на голову разсказчика. Тотъ привсталъ и сѣлъ на диванѣ.

— Да вѣдь не живой-же — наклееный можетъ. Дохлый.

— Тебѣ это не все равно?

Онъ замолчалъ.

„Объ чемъ это они и объ комъ?“ думалъ я и рѣшительно ничего не могъ понять. Спросить неловко. Я сталъ ждать дальнѣйшаго разговора.

— Чудно... Да какъ-же, братецъ ты мой, онъ въ баню-то ходитъ? догадывался Василій Ивановичъ. „Съ нимъ“ что-ли?

— Ты спроси какъ онъ въ храмъ-то Божій ходитъ? А то — въ баню? Въ баню, извѣстно — въ номера...

Оба замолчали въ раздумьи.

— Не вѣрется мнѣ... Ну, а жена-то что-жъ?

— Онъ не женатъ.

Купцы помолчали, полежали еще, потомъ вздох-

нули, помянули имя Господне, покрестились и полеглись съ намѣреніемъ очевидно заснуть ужь и больше не разговарить.

Прошло минутъ десять, пятнадцать. Я уже раньше хорошо уснулъ и теперь мнѣ не спалось. Я началъ закуривать сигару.

— А вы не спите развѣ? послышалось у меня въ головахъ: говорилъ знакомый пассажиръ—„бывалый человѣкъ“.

— Нѣтъ.

— Слышали вы сейчасъ разговоръ-то?

— Да. Но про кого это они?

— Думаю я, такъ про Одинцова—вотъ что имъ катастрофу-то эту сормовскую устроилъ. Онъ въ Нижнемъ тамъ чѣмъ-то по водяной части. Должно быть про него. Такъ я изъ разговора-то понялъ...

— Да что такое на немъ они увидали? Вы слышали?

— Слышалъ. Не понимаю. Крысу что-ли онъ съ собою ручную носитъ? Бѣлку какую... Чортъ знаетъ что!..

Намъ было дѣлать нечего и мы еще долго строили съ нимъ разныя догадки, про что собственно это они намекали? „Не черти же, наконецъ, по немъ бѣгаютъ?“ порѣшилъ пассажиръ „бывалый человѣкъ“. Ну, что въ самомъ дѣлѣ можетъ быть? Подъ утро мы съ нимъ заснули и когда проснулись пароходъ ужъ подходилъ къ пристани, въ Нижнемъ, и купцы съ ихъ таинственными разсказами—у насъ изъ головы вонъ совсѣмъ.

Сормовская катастрофа одна изъ тѣхъ „случай-

ностей“, которыя въ провинціи кончаются нанесеніемъ не одного только матеріальнаго убытка пострадавшимъ, онѣ имѣютъ въ провинціи результатомъ еще нѣчто горшее перваго, онѣ, подобныя „катастрофы“, благополучно сходя съ рукъ виновникамъ, укореняютъ въ населеніи убѣжденіе и безъ того сильное, въ полной безнаказанности чиновниковъ, произволу и разгулу которыхъ въ далекой глуши центральная власть безсильна положить хотя какой нибудь предѣлъ... Сормовская катастрофа, причинившая свыше полумилліона убытку, ничто иное какъ результатъ чиновничьяго убѣжденія въ своей компетентности во всемъ и совершеннаго незнанія и непониманія даже малѣйшихъ основаній и условій живого дѣла. Я не знаю ничего болѣе возмутительнаго этого чиновничьяго сованія своего носа во все, въ чемъ они понятія никакого— не имѣютъ и даже имѣть не могутъ. Если же къ этому прибавить еще апломбъ и заносчивость чиновничью и потомъ ихъ способы, къ которымъ они всегда прибѣгаютъ, когда надѣланное ими грянетъ бѣдой,—тогда сормовская катастрофа явится одной изъ самыхъ блестящихъ представительницъ этихъ такъ называемыхъ „катастрофъ“... Тутъ все есть: и чиновничья самонадѣянность, и апломбъ и смѣлость, доходящая до дерзости, и круглое невѣжество, полнѣйшее непониманіе дѣла и, наконецъ, когда бѣда грянула, чиновничья растерянность, паника и въ этихъ случаяхъ первый ихъ пріемъ исчезновеніе съ мѣста, на которомъ они на-

пакостили, а затѣмъ послѣ, послѣ перваго переполоха, уничтоженіе и заметаніе слѣдовъ своей во всемъ виновности...

Въ этомъ смыслѣ сормовская катастрофа была для меня, какъ для записного охотника до чиновниковъ, разумѣется, чрезвычайно интересна и я радъ былъ представившемуся случаю разслѣдовать и изучить даже во всѣхъ тонкостяхъ и подробностяхъ этотъ удивительный чиновничій кунштюкъ, этотъ, въ своемъ родѣ, шедевръ ихъ.

По пріѣздѣ въ Нижній, оказалось, что мнѣ предстоитъ прожить въ немъ, въ ожиданіи моихъ спутниковъ, по крайней мѣрѣ еще недѣлю. Ни родныхъ, ни знакомыхъ—въ Нижнемъ у меня не было. Единственный человѣкъ, котораго я зналъ тамъ, былъ генералъ Барановъ. Увидѣвъ изъ полученныхъ писемъ, что мнѣ предстоитъ такое долгое сидѣніе, я рѣшилъ тогда, что займусь и изучу ужъ по крайней мѣрѣ сормовскую исторію „durch und durch“, какъ говорятъ нѣмцы. Это было для меня тѣмъ болѣе заманчиво, что при этомъ я поневолѣ долженъ былъ перезнакомиться съ множествомъ лицъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ. Кромѣ того, обстоятельства, о которыхъ я здѣсь считаю за лучшее ужъ пока промолчать, какъ я и ожидалъ, должны были придать ко всему этому еще и нѣкоторый таинственный и даже почти романическій характеръ...

Въ тотъ же день, въ двѣнадцать часовъ я поѣхалъ къ генералу Баранову. Я засталъ его въ каби-

нетѣ подписывавшимъ ужъ послѣднія бумаги. Пріемъ ужъ кончился и онъ былъ на нѣкоторое время свободенъ. Я не видалъ его нѣсколько лѣтъ, почти съ самаго отъѣзда его изъ Петербурга.

Онъ сильно постарѣлъ за это время, почти совсѣмъ облысѣлъ, но духомъ совершенно такой-же бодрый, веселый, любезный, остроумный и, какъ хозяинъ, радушный и гостепріемный. Провинція наложила на него едва-едва замѣтный свой слѣдъ— онъ уберегся отъ ея вліянія замѣчательно хорошо. Черезъ полчаса разговора, я ужъ объ этихъ слѣдахъ забылъ и передо мною былъ все тотъ же бодрый, живой, несомнѣнно талантливый человѣкъ. Я мало знаю людей, которые дѣйствуютъ такъ обаятельно и такъ сразу же располагаютъ въ свою пользу, какъ генералъ Барановъ. Въ большей части случаевъ это качество такъ называемыхъ „добрыхъ малыхъ“; генералъ Барановъ, какъ извѣстно, не изъ нихъ. Тамъ, чтобы ни говорили объ немъ, а у него въ прошедшемъ за плечами кое-что есть, чего не всякій у себя можетъ найти... И поэтому теперь, слушая его и разговаривая съ нимъ, я въ душѣ досадовалъ и жалѣлъ, что эта проклятая „ошибка“ (сормовская катастрофа) случилась въ его вѣдѣніи... Ну, пускай бы ужъ она у другого кого случилась, а не у него.

— Какая досада, сказалъ я, вотъ что эта исторія сормовская-то случилась.

— Гм... да, произнесъ онъ. Вотъ она у меня гдѣ сидитъ, добавилъ онъ я хлопнулъ себя рукой сза-

ди по воротнику. Но—несчастіе! Это чистое несчастіе... Корресподенты, по обыкновенію, тутъ напутали... Дѣло представили совсѣмъ въ иномъ видѣ...

Я при этомъ не удержался и сказалъ, что замѣчательно, однако, ихъ единодушіе и тожественность всѣхъ ихъ показаній и разсказовъ во всѣхъ рѣшительно газетахъ. И потомъ общій голосъ... Все вѣдь общественное мнѣніе противъ того, кто этимъ дѣломъ у васъ распоряжался...

— Нѣтъ, это ошибаются!

Въ кабинетъ вошелъ дежурный чиновникъ и сказалъ: г. Одинцовъ.

— Зовите. Ну вотъ, обратился ко мнѣ г. Барановъ, вы сейчасъ увидите этого господина. Вы сами увидите, похожъ-ли онъ на такого злодѣя, какимъ его выставляютъ газеты и всѣ имъ недовольные.

Я тутъ только вспомнилъ и хотѣлъ было спросить г. Баранова относительно происхожденія тѣхъ таинственныхъ разсказовъ, которые я слушалъ нынѣ всю ночь на пароходѣ, но было уже поздно,— въ комнату вошелъ молодой человѣкъ замѣчательно маложаваго вида, высокій, но по лицу и по выраженію почти мальчикъ. Онъ былъ одѣтъ въ обыкновенную морскую форму. Званіе начальника рѣчной полиціи въ такомъ городѣ какъ Нижній, гдѣ приходятъ и уходятъ сотни пароходовъ и тысячи барокъ и баржъ, такъ-же шло къ нему, ну, какъ... какъ портрету Рафаэля, скажемъ, папская тіара. Я такъ и ахнулъ. Гдѣ же у него хоть на лицѣ слѣды той опытности, бывалости, которые должны

быть у него и безъ которыхъ какой-же онъ распорядитель и руководитель въ такомъ огромномъ, многочисленномъ и важномъ дѣлѣ, какъ порядокъ водяного сообщенія на конечномъ почти пунктѣ торговли всей Волги?..

— Что, у васъ все благополучно? спросилъ его г. Барановъ.

— Все благополучно-съ, отвѣтилъ молодой человѣкъ и мелькомъ, съ любопытствомъ взглянулъ на меня:—новое лицо и губернатора.

— Ну-съ, сказалъ генералъ Барановъ, вамъ предстоитъ случай оправдаться и въ печати и въ взводимыхъ на васъ обвиненіяхъ. Вотъ С. Н. пробудетъ у насъ съ недѣлю и хочетъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Съѣздите съ нимъ на мѣсто катастрофы, покажите ему все, разскажите, дайте ему все перечитать, пересмотрѣть. Онъ, я увѣренъ, вынесетъ совсѣмъ другое впечатлѣніе и напишетъ какъ дѣло было и какъ оно есть теперь...

Въ мои планы не входило начать нижегородскія мои экскурсіи этимъ путемъ, но, если ужъ такъ вышло, дѣлать нечего, отказываться нечего было и отъ этого пути. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ...

— Вы когда же свободны? спросилъ меня молодой человѣкъ.

— Всегда-съ. Цѣлый день. У мемя здѣсь никакого дѣла нѣтъ, поспѣшилъ я отвѣтить ему.

— И потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ г. Барановъ,—я вотъ въ глазахъ его вамъ скажу, что у него руки чистыя... Къ нимъ ничто не прилипало... Я это знаю...

Но этого и не нужно было говорить. Достаточно было вполнѣ только посмотрѣть ему на лицо, чтобы быть убѣжденнымъ въ этомъ. Да и когда же еще ему было и искуситься-то въ этомъ?.. Ужъ если съ этихъ лѣтъ...

Мы условились съ г. Одинцовымъ что завтра утромъ онъ заѣдетъ за мной въ Соболевскую гостинницу, гдѣ я остановился, такъ какъ это недалеко отъ пристани рѣчной полиціи, и мы отправимся на пожарномъ баркасѣ на мѣсто катастрофы, въ Сормовскій затонъ, и онъ мнѣ тамъ объяснитъ все наглядно, на мѣстѣ, какъ все это „случилось".

— Ну вотъ вы видѣли? спросилъ меня г. Барановъ, когда онъ ушелъ.

— Да, но онъ мальчикъ, ребенокъ почти... для такого-то дѣла.

— Молодъ-то онъ молодъ, горячъ, согласился со мной и г. Барановъ.

„Ну, думалъ я, возвратясь къ себѣ, этимъ путемъ начинать, такъ этимъ. Другіе пути при этомъ еще, значитъ, обязательнѣе, если хочешь быть безпристрастнымъ ужъ вполнѣ".

— У васъ гдѣ купцы собираются? спросилъ я у слуги, подававшаго мнѣ что-то.

— Да собираются гдѣ-же? Все тамъ-же больше, на биржѣ, въ биржевой гостинницѣ.

Я полежалъ у себя въ номерѣ, пообдумалъ хорошенько какъ мнѣ пройдти, не навлекая подозрѣнія, между этой Сциллой и Харибдой и отправился въ бирживую гостинницу пить чай.

Я очень хорошо сдѣлалъ, что отправился туда...

На утро, въ одинадцать часовъ, я былъ уже готовъ и мы съ г. Одинцовымъ летѣли на его баркасѣ въ Сормово, разсѣкая съ брызгами мутныя волны Оки и Волги, сливающихся здѣсь въ одно море почти—роскошь, что за картина!

— И эти вотъ всѣ суда, вотъ всѣ эти пароходы—это все подъ вашимъ начальствомъ? спрашивалъ я, глядя на страшное водное пространство, по которому цѣлые караваны шли барокъ, баржей и бѣжали пароходы...

— Всѣ, не понявъ моего вопроса, отвѣчалъ г. Одинцовъ. Вѣдь хлопотъ съ ними, вы не можете представить себѣ, сколько. Къ тому-же, они были всѣ до меня распущены, приходится ихъ подтягивать, пріучать къ порядку, ну, а это имъ не нравится...

Вдали виднѣлся Сормовскій затонъ и по берегу его, въ страшномъ безпорядкѣ, нѣкоторыя даже стоймя, точно на заднихъ лапахъ, стояли переломанныя и изувѣченныя катастрофой суда.

— Вотъ дасадно, что вамъ тутъ-то не удалось порядокъ устроить, сказалъ я.

— Да, что-жъ дѣлать... Ну, на будущій годъ, Богъ дастъ...

— А вы думаете остаться?

— Да что-же-съ? Теперь ужъ комиссія порѣшила... Непредвидѣнное несчастіе...

Мы въѣхали въ затонъ. Съ планомъ въ рукахъ онъ мнѣ подробнѣйшимъ образомъ показывалъ гдѣ,

какое, т. е. чье и съ чѣмъ судно стояло и куда и какъ ихъ потомъ напоръ воды и льда выбросилъ и исковеркалъ.

— Страшная была картина, говорилъ онъ. Вѣдь и сила же—Ока!.. Я, впрочемъ, наивно добавилъ онъ, въ послѣдній день утромъ, какъ пріѣхалъ, хотя еще никакого несчастія не было, ужъ зналъ, что бѣда будетъ...

— Почему-же?

— А я крысъ увидалъ. Съ баржъ онѣ такъ вереницами начали на берегъ перебираться... Это вѣдь всегда передъ несчастіемъ... До этихъ поръ я еще думалъ, что успѣю какъ нибудь, а тутъ какъ увидѣлъ...

— Крысы-то какія умныя,—замѣтилъ я.

— А, это всегда. Вы развѣ не слыхали этого?

— Вотъ что-съ, вы этотъ-то планчикъ мнѣ дадите? Или копію съ него?—сказалъ я. И потомъ, копію съ показаній, какія давались въ комиссіи?

— Вамъ для себя?

— Да. Какъ-же я писать-то буду? И потомъ, на всякій случай, для редакціи нужно. Эдакое дѣло, сами знаете, какъ-же безъ документовъ-то въ рукахъ?

— Очень хорошо-съ. Это всегда развѣ такъ надо?

— Не знаю, тамъ кто какъ. Я по крайней мѣрѣ, подписывающій всегда свои статьи, остороженъ въ этихъ случаяхъ до крайности...

— Дѣло чистое. Вы вотъ увидите...

— Да ужъ это тамъ...

— Да что-же они со мной могутъ сдѣлать? Возбудить слѣдствіе, судъ?

— Не знаю. Я почемъ-же знаю.

— Вѣдь жужга-же была? Потомъ, въ правилахъ сказано, чтобы пропускать по очереди... Работать начали за три дня...

Мнѣ просто жаль его было. Къ тому и вчера, познакомившись въ биржевой гостинницѣ со всѣми его врагими, я ни отъ одного не слыхалъ ни единаго намека на его какія нибудь и съ кого-бы то ни было вымогательства.

— Вотъ что, опять сказалъ я. Я теперь это все видѣлъ. Понимаю, какъ это произошло все... Теперь мнѣ нужно перечитать всѣ показанія, которыя давались комиссіи, и ея протоколъ. Дѣлать мнѣ нечего, и я все это дня въ два или три прочитаю. Тогда я вамъ и скажу свое мнѣніе...

Когда мы шли назадъ, и были ужъ недалеко отъ пристани, гдѣ и его устроена квартира на лѣто, онъ сталъ звать меня къ себѣ—показать новую пристань.

— Вы не откажетесь рюмочку водки выпить?

— Отчего-же, съ удовольствіемъ.

Мы взошли въ очень чистенькое помѣщеніе на пристани. Тутъ все было съ иголочки. Въ комнатахъ пахло сосновыми стружками; сосновыя же стружки валялись и на полу. У стѣны придѣланъ телефонъ.

— Благодѣтельное изобрѣтеніе, сказалъ г. Одинцовъ, когда я выразилъ удовольствіе по поводу та-

кого прогресса. Только потѣха, купцы—знаете, изъ сѣрыхъ—какъ его боятся! Умора просто.

Онъ подошелъ къ телефону и сказалъ:—хотите я кого нибудь вызову? И поднялъ было руку, чтобъ позвонить.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же, я знаю какъ это дѣлается, поспѣшилъ его остановить.

Когда я говорилъ это, я почему-то взглянулъ ему на руку и увидѣлъ въ глубинѣ рукава у него что-то черное, обвившееся вокругъ его руки:—Что это у васъ въ рукавѣ, на рукѣ, смотрите?—сказалъ я.

Онъ быстро посмотрѣлъ туда и весело улыбаясь отвѣтилъ: Это ничего, пустяки... хвостъ дракона...

— Какого дракона?

— Не живого, конечно... Я долженъ вамъ сознаться,—сказалъ онъ, я татуированъ... Это была такъ, шалость. На мнѣ драконъ изображенъ...

Мнѣ стало понятно теперь все. Я понялъ теперь, о чемъ говорили тогда купцы на пароходѣ.

— Можно посмотрѣть? — сталъ просить я. Я вамъ долженъ также сознаться, я ужь слышалъ объ этомъ драконѣ вашемъ, только не понималъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Онъ искренно, отъ души, смѣялся этому и это его радовало, заставляя хоть на время забыть про сормовскую катастрофу и всѣ эти „непріятности“ и „дрязги“, что соединены съ нею.

— Да вы не стѣсняйтесь, вы обнажнтесь,—просилъ я. Вѣдь мы тутъ вдвоемъ.

И когда онъ обнажился, я увидѣлъ ползущаго по немъ дракона рѣдкой художественной работы...

— Удивительно... удивительно!—невольно воскликцалъ я, разсматривая его.

— Да, сказалъ онъ, эта работа дѣйствительно высокая и какъ жаль, что это искусство у насъ въ Россіи неизвѣстно...

— Ну, знаете, у насъ чертовщины и безъ этого довольно, — замѣтилъ я ему, — натуральной, а не искусственной.

Завтракъ былъ очень хорошій. Стерлядки по русски и на жаркое бараньи котлетки. Къ водкѣ свѣжая икра, рѣдиска и балыкъ. Я похвалилъ стерлядей.

— Вы замѣтьте цвѣтъ какой,—отвѣтилъ онъ, ковыряя вилкой въ брюхѣ у стерлядки — совсѣмъ оранжевый почти.

— Удивительный.

За завтракомъ же онъ познакомилъ меня и съ своимъ помощникомъ г. Жеребко—Ротмистренко, сѣдымъ старичкомъ. Объ немъ онъ мнѣ разсказалъ цѣлую легенду. Если г. Одинцовъ теперь извѣстенъ послѣ сормовской катастрофы цѣлой Россіи, то слава г. Жеребко уже далеко распространена и за предѣлы Россіи. Дѣло въ томъ, что въ его карьерѣ фатальную роль играли женщины. Онѣ вредили ему на каждомъ шагу. Онѣ не оставляли его въ покоѣ даже и тогда, когда онъ былъ начальникомъ флота у шаха персидскаго и командовалъ потомъ всей артиллеріей на Сандвичевыхъ островахъ (онъ

и тамъ былъ!). Женщины преслѣдовали его всюду и всюду портили ему карьеру. Наконецъ его старый товарищъ г. Барановъ, пріютилъ его въ Нижнемъ, далъ мѣсто помощника начальника рѣчной полиціи, т. е. сдѣлалъ его помощникомъ г. Одинцова...

— Знаете,—сказалъ г. Одинцовъ, если разсказать вамъ всю его жизнь, это можно написать... цѣлый романъ. Никто не повѣритъ...

Стерлядокъ мы запили очень недурнымъ рейнвейномъ; котлетки — бургонскимъ, и мы разъѣхались—я въ одну сторону, г. Одинцовъ съ докладомъ о происшествіяхъ на водѣ къ генералу Баранову. Собратвся мы условились черезъ три дня: я прочитаю все дѣло о Сормовѣ и мы побесѣдуемъ тогда подробнѣе, обстоятельнѣе. Къ этому же времени я разсчитывалъ и увидаться еще кой съ кѣмъ изъ противной стороны—узнаю стало быть ужъ все окончательно.

И этимъ удивительнымъ дѣломъ я и занимался три дня.

Я не буду повторять здѣсь исторію сормовскаго „несчастія“, какъ принято нѣкоторыми въ Нижнемъ называть это приключеніе. Оно всѣмъ извѣстно. Я ограничусь здѣсь только подтвержденіемъ того, что писали тогда объ немъ корреспонденты газетъ. У меня въ копіяхъ все дѣло и всякій, кто-бы ни сталъ разсматривать его, разумѣется безъ предвзятой мысли, придетъ непремѣнно къ тому же заключенію, къ которому пришли и всѣ газеты

тогда: не обвиняя начальника рѣчной полиціи въ умышленномъ устройствѣ этого представленія, все тѣмъ не менѣе однако-жъ причину несчастія видятъ въ совершенной его неопытности и въ полной его не компетентности какъ начальника-распорядителя. Это же самое утверждаю и я, имѣвшій возможность видѣть *всѣ* документы по этому дѣлу... Это же самое утверждаютъ и *всѣ* потерпѣвшіе при крушеніи сормовскаго каравана.

Такъ же точно я не стану входить здѣсь и въ разсмотрѣніе вопроса объ убыткахъ, т. е. о томъ, кто же долженъ вознаградить потерпѣвшихъ? Это ихъ дѣло, потерпѣвшихъ и дѣло суда, къ которому, если они захотятъ, могутъ когда угодно обратиться. По моему, это совсѣмъ не дѣло даже печати.

Черезъ три дня мы увидались съ г. Одинцовымъ.

— Ну, что? Прочитали? Ну, какъ находите? спросилъ онъ.

— Нахожу, что ваше положеніе... ужасно...

Онъ задумался.

— То-есть это, если будетъ судъ?

— Все равно, мнѣ кажется...

— Да вѣдь комиссія признала.

— Да что же это зá инстанція эта ваша комиссія? Для кого обязательно ея мнѣніе?.. И потомъ сами-то вы должны-же чувствовать... должны-же сознавать...

— Ну, а на чемъ, по вашему, я долженъ основываться и строить свою защиту въ случаѣ суда? опять спросилъ онъ по нѣкоторомъ раздумьи.

— На жужгѣ, сказалъ я. Если вы докажете, что жужга была *подо всѣми* баржами и *всѣ* онѣ не могли двигаться, то вы можете быть правы. Но вѣдь этого не было—вы знаете сами—и доказать этого, что это было, вы не можете, потому что ваши противники легко совершенно докажутъ на основаніи вашего же собственнаго показанія противное.

— А съ очередью? Развѣ я не могу опираться на очередь?

— Да вѣдь тамъ, въ правилахъ-то, что сказано объ очереди? „Проводятъ по очереди тѣ суда, которыя идутъ“... „А если которыя не идутъ, тѣ оставлять и весть другія, слѣдующія“... А вы развѣ то дѣлали?.. Нѣтъ, на этомъ пунктѣ вамъ нельзя базироваться...

— Ну, а быстрая прибыль воды? Краткій срокъ, въ который надо было успѣть все сдѣлать?

— Вода всегда прибываетъ почти одинаково, а трехдневнаго срока, который былъ въ распоряженіи и у васъ, всегда хватало судовщикамъ убраться, когда они распоряжались сами, безъ вашего вмѣшательства. Нѣтъ, и на этомъ вамъ нельзя строить свою защиту...

— Значитъ одна жужга? Самое вѣрное будетъ, если доказать, что суда не двигались?

— Доказать! Да, если сможете это доказать... Вы извините меня, сказалъ я, но вы ужасно легко смотрите на это. Доказать! Шутка это развѣ—судъ? Судъ—вѣдь это не дѣти...

Онъ въ неловкомъ смущеніи помолчалъ немного.

— Ну, а чѣмъ я рискую въ случаѣ суда? наконецъ проговорилъ онъ.

— Ничѣмъ, отвѣтилъ я.

Онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня.

— То есть какъ? тихо выговорилъ онъ.

— Такъ—ничѣмъ, да и все тутъ. Ну что же съ васъ взять? Ну, присудятъ получить съ васъ убытковъ полмилліона, ну и получи они ихъ съ васъ... Вѣдь полмилліона у васъ нѣтъ и даже меньше нѣтъ. Чѣмъ же вы рискуете—ничѣмъ...

— Это-то такъ, разсмѣялся онъ.

— Ну, такъ объ чемъ же вамъ и толковать, безпокоиться... они вѣдь знаютъ это... что получить-то съ васъ нечего. А кому-же придетъ охота играть въ пустышку?.. Только знаете, что я вамъ скажу и даже объ чемъ попрошу васъ, сказалъ я, глядя на его улыбающееся и совершенно покойное съ розовыми щеками и добрыми глазами лицо:—Будущей-то весной будьте къ нимъ ужь по снисходительнѣе, ко всѣмъ этимъ мужикамъ-судовщикамъ... не „подтягивайте“ ихъ такъ. А то вѣдь эдакъ вы года въ два-три совсѣмъ растяните ихъ...

— Господи... Да вѣдь это развѣ нарочно я... Эдакое несчастье... Вы думаете, развѣ я этому радъ?.. бормоталъ онъ, пожимая мнѣ руки на прощанье.

На другой день я уѣхалъ въ Казань и т. д. по Волгѣ.

V.

Понятіе о красотѣ, конечно, условное и ужъ до послѣдней степени относительное. Одному нравится одно, другому—другое. Мнѣ нравится одна женщина, вамъ — другая; мнѣ нравится одно дерево, вамъ — другое; мнѣ нравится одна картина, вамъ другая; мнѣ нравится одинъ видъ, вамъ—другой. У меня есть капитанъ, которому изъ всѣхъ видовъ, какіе онъ видалъ на своемъ вѣку, болѣе всего нравится видъ Царицына луга... Но есть красоты, на которыхъ всѣ сходятся, всѣ признаютъ, что эта красота—дѣйствительно красота. Къ числу такихъ красотъ принадлежитъ и видъ на Волгу и Оку изъ губернаторскаго дома (дворца) въ Нижнемъ. Это, по моему, неописуемая красота. Въ ней столько силы, мысли, широты, и, если можно такъ выразиться, доброты, что я ничего подобнаго не знаю, не только что видѣлъ и у себя дома, въ Россіи и заграницей. Я простоялъ минутъ пять у окна совершенно какъ очарованный. Господи, что Богъ даетъ людямъ и что бы они могли сдѣлать!..

Ни дальше Волга съ Жигулями, ни „тихій Донъ“, именно тихій, ни Кавказъ съ своей дикой красотой, съ страшно, ужасно красивой Военно-грузинской дорогой, не производили на меня и въ половину того впечатлѣнія, какъ этотъ удивительный, очаровательный уголокъ, гдѣ сливается Волга съ Окой, или наоборотъ, Ока съ Волгой, такъ какъ это еще споръ — кто въ кого впадаетъ: Ока въ

Волгу, или Волга въ Оку и какъ послѣ этого сліянія слѣдуетъ называть Волгу: Волгой или Окой?

Донъ ужъ до того „тихъ“, что на немъ можно, мнѣ кажется, такъ вотъ лечь гдѣ нибудь на берегу и заснуть, на вѣки заснуть. А Кавказъ до того дикъ и нелюдимъ, что — опять-таки это вѣдь мнѣ кажется—что тамъ нѣтъ мѣста человѣческому чувству—широкому, доброму, кроткому, нѣтъ мѣста для широкой, доброй, кроткой человѣческой любви. Прошедшее Кавказа, конечно, за меня, а будущее?—будущее въ рукахъ у князя Дондукова-Корсакова, и что онъ изъ него сдѣлаетъ—это извѣстно ему одному...

Волга сколько разъ уже мѣняла свой характеръ, т. е. правильнѣе свой образъ, и такъ вѣрна своему характеру—вотъ это вѣрнѣе—что удивляешься этой ея способности видоизмѣняться, оставаясь въ то же время вѣрной самой себѣ. Отъ Волги временъ татаръ и походовъ Грознаго подъ Казань и потомъ Волги Стеньки Разина и Пугачева повидимому ничего ужь не осталось. Но это только повидимому, а когда послушаешь, что разсказываютъ о работахъ по ея углубленію и расчисткѣ ея мелей и перекатовъ, убѣждаешься сейчасъ, что она все та же самая—ни на волосъ себѣ не измѣнила... Видоизмѣнился только обликъ ея, но характеръ—ни-ни, вотъ ни на сколько...

Туалетомъ красавицы Волги, приведеніемъ его въ порядокъ, „упорядочиваніемъ“ ея давно ужь занимаются у насъ инженеры. Многіе дослужились

въ этихъ занятіяхъ „до степеней извѣстныхъ“ и все, тѣмъ не менѣе, никакъ не могутъ ее „упорядочить“, убрать какъ слѣдуетъ.

— Вы шутите, вѣдь это—Волга.

— Какія ужъ тутъ шутки. Помилуйте, я знаю во что это обходится.

— И еще дешево.

— Значитъ, надо еще благодарить?

— Разумѣется. Знаете, вѣдь это такая прорва... Тутъ что ни опусти...

— Т. е. что? Казна? Вы про Волгу, или про казну?..

— Вотъ, вы не вѣрите, а попробуйте сами.

Теперь есть, я слышалъ, проэктъ сразу сдѣлать затрату на это въ какое-то чудовищное количество милліоновъ, собрать и напустить на нее всѣхъ инженеровъ сразу, тогда, говорятъ, можно будетъ съ нею совладать. Но степенные и серьезные чиновники, предпочитающіе лучше понемножку, но подольше, противъ этого проэкта-монстра. Они совершенно справедливо находятъ, что такой рискованный проэктъ можетъ обойтись очень дорого, а что какъ онъ не удастся, инженеры не совладаютъ съ Волгой и свою рѣшительную на нее атаку назовутъ только рекогнсцировкой, изысканіемъ, выяснившимъ, положимъ, дѣйствительное положеніе, но требующимъ и т. д., и т. д.? Опять таки основываясь на всемъ прошедшемъ Волги, на „ея характерѣ“, какъ я сказалъ, я склоняюсь на сторону благоразумныхъ чиновниковъ, довольствующихся и малымъ...

И во всемъ, до чего ни коснись, „Волга“ вѣрна себѣ, т. е. вѣрна своимъ старымъ традиціямъ, вѣрна своему „характеру“. Видоизмѣняется только форма, внѣшній образъ, суть-же, принципы остаются все тѣ же, нисколько не мѣняясь Эта „устойчивость“ ея принциповъ поразительно просты. Какъ прежде, въ старину, при татарахъ, при Стенькѣ Разинѣ, при Пугачевѣ и при чиновникахъ потомъ, которые были присланы изводить разбой на Волгѣ и завели вмѣсто того разбои еще болѣе изводящіе плывшихъ по ней, такъ это продолжается и теперь. Перемѣнились только названія, принципъ же сохранился во всей своей неприкосновенности. Прежде грабили на Волгѣ татары, ушкуйники, разбойники, потомъ чиновники, выводившіе разбойниковъ—теперь грабятъ Колупаевы и Разуваевы, смѣнившіе ихъ и покойно и законно засѣдающіе подъ именемъ гласныхъ въ городскихъ думахъ приволжскихъ городовъ.

Что это почтенные люди дѣлаютъ—этому просто не вѣрится. Нельзя предположить, до чего могутъ они доходить. Они дѣлаютъ, кажется, все для того, чтобъ убить только жизнь, развитіе и движеніе по этой великой русской рѣкѣ, принадлежащей, казалось-бы, не имъ однимъ. И до сихъ поръ нѣтъ вмѣшательства ни откуда, никто и ничѣмъ не думаетъ положить предѣлъ этому ихъ самодурству и разбою... На Волгѣ нѣтъ ни одного вопроса,—а ихъ сколько и какихъ!—который не разсматривался-бы какъ грабежъ, вымогательство и нажива для

этихъ воровскихъ гнѣздъ, которыя называются волжскими городами. Ни малѣйшей заботы у нихъ, о развитіи и жизни и движенія на рѣкѣ. Точно это врагъ ихъ, котораго обижай, грабь какъ хочешь, все позволительно и законно.

И Волга дѣйствительно кормилица — кормитъ всѣхъ: и друзей, и враговъ твоихъ. На долю враговъ достается даже больше. Если все взять—непремѣнно больше. Это даже легко можно доказать.

Я ѣхалъ по полной Волгѣ, когда на ней нѣтъ ни перекатовъ, ни отмелей, и самъ этого не видалъ, но вотъ, что мнѣ разсказывали: „На Чусовой, да и на Волгѣ вотъ какъ начнутся отмели до перекаты, то тамъ, то тутъ вы видите на этихъ мѣстахъ сидятъ бабы и дѣвки, а гдѣ-нибудь за угломъ мужички—больше все горожане изъ городовъ, мѣщане. Пароходъ ѣдетъ — ничего, сидятъ себѣ, посматриваютъ, лежатъ на песочкѣ, отдыхаютъ. А только показалась вблизи барка какая или тамъ бѣляна съ лѣсомъ, онѣ—бабы и дѣвки—сейчасъ рубашки съ себя долой и, знаете, такія начнутъ представленія выкидывать, что просто чудо. Стоятъ эдакъ и, понимаете, похлопываютъ эдакъ себя. Ну, приказчики-то и всѣ тамъ рулевые и прочій народъ на суднѣ смотрятъ, любуются на нихъ да на отмель, глядишь, и наѣдутъ иной, разъ не замѣтятъ и сядутъ на ней, на отмель-то... Сниматься надо, а гдѣ народъ-то? Гдѣ его набирать? Куда за нимъ ѣхать? А дѣвки-то съ бабами рубашки понадѣвали, юбченки позавязали и прощай,

ихъ и слѣдъ простылъ. Эти-то ушли, а на мѣсто ихъ изъ-за угловъ, изъ овраговъ, одинъ по одному мужички-мѣщане потянулись. И идутъ точно они и не понимаютъ, въ чемъ дѣло, точно за дѣлами куда идутъ, увидали и спрашиваютъ:

— А что вы, аль на мель сѣли?

— Сѣли.

— Эка бѣда какая! Какъ-же это вы такъ? Сниматься надо...

Знаютъ ужь судовщики-то это:—Почемъ, кричатъ, возьмете?

Ну, почемъ хотятъ, по томъ и возьмутъ. И ничего не подѣлаешь, не стоять же на одномъ мѣстѣ. А имъ того только и надо. Этимъ и кормятся, этимъ и живутъ: — „Всѣхъ матушка Волга кормитъ“...

Этотъ же самый взглядъ на Волгу и плывущихъ по ней усвоили себѣ и города поволжскіе. Возьмите какой угодно вопросъ всего поволжья отъ Нижняго до Астрахани и вездѣ во всѣхъ въ нихъ строго проведенъ этотъ же самый взглядъ. Въ этомъ отношеніи послѣдовательность ихъ удивительна.

Въ прошломъ году самымъ моднымъ вопросомъ изъ всѣхъ поволжскихъ вопросовъ—говорю моднымъ потому, что объ немъ больше всего писали и даже спорили въ газетахъ—былъ вопросъ о пристаняхъ по Волгѣ. Тогда, я помню, объ немъ очень много писалось, печатались длиннѣйшія статьи, потомъ возраженія на нихъ, а дѣло было и есть

самое простое и не сложное и все-то оно можетъ быть передано въ двухъ-трехъ словахъ. Все дѣло въ томъ, что волжскіе города смотрятъ на пристающіе къ нимъ суда и пароходы точно также, какъ вотъ тѣ дѣвки и бабы, которыя заманиваютъ ихъ на отмели. Вотъ и все тутъ. Какъ тѣ смотрятъ и разсуждаютъ: сѣлъ на мель, попался, ну и нашъ. Такъ точно и города: — „А, причалилъ къ намъ, попался, ну, значитъ, нашъ теперь, обдеремъ.“ И обдираютъ. Какъ бабы и дѣвки не думаютъ, что онѣ этимъ тормозятъ, губятъ дѣло, такъ точно и города, обдирая судоходчиковъ и пароходчиковъ, не думаютъ — а можетъ и не понимаютъ даже — что они тормозятъ и убиваютъ дѣло, нанося больше всего вредъ самимъ же себѣ и всему государству. Грабительскія наклонности городовъ въ этомъ отношеніи доходятъ до того, что изъ Мурома, напримѣръ, въ прошломъ году сбѣжали всѣ пароходчики и судовщики. Я не знаю, имѣю-ли я право назвать здѣсь по имени одинъ документъ, но вотъ изъ него выписка объ этомъ побѣгѣ: „Въ прошломъ году, въ гор. Муромѣ городское управленіе назначило настолько высокую плату за причалы пароходовъ, что пароходовладѣльцы принуждены были нанять мѣста для пристаней у близь лежащаго селенія на разстояніи трехъ верстъ отъ города. Такимъ образомъ, благодаря желанью городскаго управленія получить съ пароходовладѣльцевъ большую аренду, городъ окончательно лишился ожидаемаго дохода, а пассажиры необходимыхъ удобствъ“...

О томъ, что рязанскія пароходныя пристани убѣжали отъ города Рязани за четыре версты я ужь говорилъ. Приблизительно то же самое дѣлается и въ другихъ городахъ. Что дѣлается на Окѣ, то самое дѣлается и на Волгѣ. На Волгѣ только шире, откровеннѣе, правильнѣе,—просто циничнѣе. На Волгѣ города прямо говорятъ: вы, возители и носители нашихъ грузовъ, доставили намъ нашъ товаръ, причалили, значитъ, къ намъ, ну, за это мы васъ и оберемъ.

— Да вѣдь вамъ, вашъ же грузъ, для васъ же мы его доставили, говорятъ пароходчики и судовщики. Вы же этимъ грузомъ торгуете, вы же этимъ грузомъ кормитесь, строитесь и существуете—въ благодарность это что-ли ободрать-то насъ хотите?

— Это ужь вы тамъ, милые люди, разсуждайте какъ хотите, а намъ подавайте, что мы съ васъ положимъ, отвѣчаетъ имъ городское управленіе.

— Да вѣдь съума вы сходите, вопіютъ судовщики, и такъ мало-ли на насъ всякихъ налоговъ, а тутъ вы еще ни за что, ни прочто дерете. Разбой чистый!..

Но городскія „самоуправленія“ глухи ко всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ воплямъ и протестамъ. И тѣмъ менѣе расположены это слушать, чѣмъ лучше гдѣ сознаютъ и понимаютъ, что пароходчикамъ и судовщикамъ не уйти отъ нихъ, дѣваться некуда. Пассажиры—это еще туда сюда и даже плевое совсѣмъ дѣло, ну и пропрутъ они пѣхтурой подъ дождемъ три-четыре версты отъ пристани до го-

рода—что за бѣда; но вѣдь съ товаромъ-то такъ нельзя обращаться. Нѣтъ, ты, пароходчикъ или судовщикъ, взялся доставить до какого мѣста и доставь, изволь доставить, а не то мы съ тебя сдеремъ, если не доставишь...

Онъ доставлять, а они его драть. Онъ причалить хочетъ, сдать товаръ, а они:—заплати!

— Да вѣдь вашъ товаръ, вамъ. За что-же?..

— За то, что провезъ.

— Да вѣдь сами просили, сами нанимали.

— Разсуждай, разсуждай, а ты денежки-то подавай. Нечего тутъ...

Товаръ конечно нельзя вываливать за три, четыре версты отъ города, какъ можно это дѣлать съ пассажирами, ну, и нечего дѣлать, судовщикъ и пароходчикамъ стонутъ, крехтятъ и плотятъ сумасшедшія цѣны за причалы и пристани городамъ, которымъ привезли товары и пассажировъ.

На пути, по Окѣ и Волгѣ и потомъ по городамъ, особенно ужь въ Нижнемъ, я наслушался этихъ разсказовъ и надоѣли они мнѣ наконецъ до тошноты.

— Да что-жъ вы не жалуетесь?

— Куда? Кому? На кого?

— На вашихъ притѣснителей.

— Это на „самоуправленіе“?

— Ну, хоть на „самоуправленіе“.

Простые люди изъ судовщиковъ и пароходчиковъ просто стонутъ только, вопіютъ отъ полноты сердца только; болѣе же грамотные „и даже развитые“, вдумываясь въ свое положеніе, разбираютъ его кри-

тически, анализируютъ и при этомъ приходятъ вотъ къ такимъ выводамъ, которыхъ образчики я привелъ.

— Помилуйте, вы вдумайтесь только, вѣдь это-же безсмыслица просто. Вмѣсто развитія подъѣздныхъ своихъ путей, они, города наши, тормозятъ лишь только ихъ, мѣшаютъ лишь судовому и пароходному промыслу—точно это мы враги ихъ какіе? говорятъ судовщики и пароходчики „изъ образованныхъ:"—И вѣдь никакъ не вразумишь ихъ, города-то. Мы ужь и писали объ нихъ въ газетахъ и жаловались на нихъ губернаторамъ.

— Не помогаетъ?

— Нѣтъ.

— Еще пишите. Еще жалуйтесь.

— Все равно, кажется, понапрасну это будетъ...

А нѣкоторые изъ самыхъ ужъ „образованныхъ", читавшіе книжки „изъ политической экономіи" и изъ беллетристики Щедрина, опираются даже и на научныя данныя и „клеймятъ" своихъ противниковъ, какъ тоже я привелъ, Колупаевыми и Разуваевыми.

Вѣдь это хорошо одно названіе только—„самоуправленіе городское". А изъ кого оно состоитъ? Вы бы посмотрѣли,—вѣдь это...

И эпитетъ, да еще какой!..

Но толку все-таки никакого и насколько я знаю это дѣло и насколько я знаю, какъ оно стоитъ, толку никакого и дальше долго еще не будетъ.

Потомки безкорыстнаго гражданина патріота Минина, засѣдающіе нынѣ въ городскомъ „самоупра-

вленіи“ Нижняго, повидимому, рѣшительно и совершенно нерасположены выслушивать всѣ эти соображенія и ни мало не принимая къ сердцу вопли плывущихъ къ нимъ и отплывающихъ отъ нихъ судовщиковъ и пароходчиковъ. Даже напротивъ, они находятся въ постоянной наклонности къ повышенію платы за причалы и пристани плывущихъ къ нимъ и уплывающихъ отъ нихъ. Нижній, въ этомъ отношеніи, стоитъ положительно во главѣ всѣхъ поволжскихъ городовъ. Голова и сердце Волги, онъ очень хорошо знаетъ, что чтобы тамъ судовщики и пароходчики ни говорили, какіе протесты не начинали и какія-бы вопли губернаторамъ ни подавали, все равно, отъ него они не уйдутъ и потому онъ зная туго свое „полное право“ то и дѣло только накладываетъ да накладываетъ арендную плату на пристани и причалы.

— Даже хуже жаловаться и писать про нихъ, говорятъ судовщики:—какъ пожалуешься, такъ они еще наложатъ...

Мнѣ показывали вѣдомости повышенія этихъ арендныхъ цѣнъ по годамъ и по всѣмъ городамъ. Общая наклонность всѣхъ городовъ вездѣ къ повышенію, но въ Нижнемъ — это ужь нѣчто удивительное. И потомъ, если какой-нибудь Васильсурскъ повышаетъ на сотни, Нижній валяетъ тысячами.

Въ общемъ, за послѣдніе десять лѣтъ эта арендная плата возросла приблизительно для всѣхъ въ такомъ размѣрѣ: кто десять лѣтъ назадъ платилъ

скажемъ, три тысячи, теперь платитъ тридцать тысячь...

Вотъ очень характерная выписка изъ того же документа, составленнаго въ отвѣтъ на запросъ изъ министерства по поводу принесенныхъ туда жалобъ судовщиковъ и пароходчиковъ: „Помимо всего, высокая арендная плата, составляющая для одного пароходнаго общества, на протяженіи Волги, ежегодный расходъ въ 25—30 тыс. руб. уменьшаетъ доходъ государства, такъ какъ платимыя пароходовладѣльцами столь значительныя суммы выключаются изъ той прибыли, которая подлежала бы обложенію подоходнымъ налогомъ въ пользу казны. Обложеніе пароходовъ большими сборами имѣетъ еще то неудобство, что, не получая на затрачиваемый капиталъ ожидаемыхъ выгодъ, пароходовладѣльцы вынуждены экономить не только въ доставленіи пассажирамъ необходимыхъ удобствъ, но и въ надлежащемъ ремонтѣ пароходовъ, что неблагопріятно отзывается на общественной безопасности. Наконецъ для такого обширнаго государства, какъ Россія, важность удобныхъ перевозочныхъ средствъ и быстрота сообщенія болѣе чѣмъ необходимы. А потому одни поволжскіе города, на такомъ обще-русскомъ пути, какъ Волга, казалось, не должны бы были быть одни распорядителями въ дѣлѣ такой важности и такого общегосударственнаго значенія. Во всякомъ случаѣ городскія управленія, казалось, должны бы были идти соотвѣтственно дѣйствіямъ правительства, которое не

только никогда не облагало судоходство излишними сборами, но еще очень недавно выдавало нѣкоторымъ пароходнымъ обществамъ значительныя вспомоществованія".

Вопросъ о пристаняхъ, который я привелъ здѣсь только какъ примѣръ, вовсе не единственный въ своемъ родѣ. Всѣ городскіе вопросы у насъ такіе, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые касаются увеличенія матеріальнаго благополучія города, а иногда даже и самого его существованія, т. е. города. Городъ, въ большинствѣ случаевъ, у насъ просто хищникъ, который очень часто, самъ ничего не производя, пользуется и существуетъ чисто чужеяднымъ манеромъ: собираетъ съ проѣзжихъ, съ мимо плывущихъ, не ударяя въ то же время палецъ о палецъ для какихъ бы то ни было удобствъ ихъ проѣзду или плаванію. „Нажить", „сорвать",— и больше ничего. За этой „наживой" и „срывкой", городъ ничего дальше не видитъ и иногда, кажется, и не способенъ даже видѣть.

И это не одни только волжскіе города такъ поступаютъ, держатся такого страннаго отношенія къ тѣмъ, кто ихъ кормитъ и содержитъ. Почти всѣ города у насъ поступаютъ такъ. Подъѣзжайте къ городу по желѣзной дорогѣ и оказывается, что отъ станціи до города еще три и даже четыре версты. Что это такое? Почему? А потому, что когда строилась желѣзная дорога, городъ не далъ подъ станцію земли и желѣзнодорожному обществу пришлось ее купить у какого нибудь частнаго лица за три

или четыре версты отъ города:—Теперь-то мы ужь тужимъ, слышите вы, да ничего не подѣлаешь, не соглашаются придвинуть станцію-то". И такихъ городовъ у насъ множество. Что это: самодурство, непониманіе своихъ интересовъ, просто боязнь невѣжества передъ каждой новизной? Все, что хотите, только не здравый смыслъ и не коммерческій разсчетъ, который, казалось бы, и долженъ былъ въ данномъ случаѣ руководить городомъ. Изъ множества городовъ, видѣнныхъ мною въ эту же мою поѣздку, благо зашла ужь объ нихъ рѣчь, выберу для примѣра—и блестящій притомъ примѣръ—городъ Баку. Я нѣсколько забѣгаю здѣсь впередъ, о Баку и кромѣ того еще мнѣ придется много говорить, но это все равно, это будетъ здѣсь вполнѣ кстати.

Городъ Баку, какъ извѣстно, состоитъ изъ двухъ городовъ—„Бѣлаго", гдѣ живутъ члены городскаго управленія и чиновники, и „Чернаго", гдѣ живутъ работники и стоятъ нефтяные заводы, на которыхъ они работаютъ. Разстояніе этихъ двухъ половинъ одного города или, лучше сказать, этихъ двухъ городовъ, одного отъ другого—версты полторы или двѣ. Бѣлый городъ получаетъ отъ Чернаго ежегодной аренды болѣе ста тысячъ руб. и кто бы могъ повѣрить, что этотъ Бѣлый городъ не позаботился даже проложить хотя сколько-нибудь сносную дорогу къ этому своему кормильцу Черному городу. И диви бы эта дорога шла бы по горамъ, по лѣсамъ какимъ, гдѣ бы надо было дѣлать какія ни-

будь выемки, насыпи, строить мосты, дѣлать тунели—ничуть не бывало, обыкновенная совершенно по тамошнему мѣстность, только вслѣдствіи запущенія и отсутствія какого бы то ни было устройства и ремонта сдѣлавшаяся непроѣздною почти въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

— Господи, говорилъ я, чуть не вываливаясь каждую минуту изъ фаэтона. Да неужели невозможно дорогу-то вамъ устроить по-людски?

— И это мы должны дѣлать? Все мы должны дѣлать, а что же и кто же для насъ-то что дѣлаетъ? Плати, плати и—больше ничего.

— Вы сколько платите городу?—спрашивалъ я моего спутника, жителя Чернаго города.

— Ну, а какъ вы думаете? Сто тысячь!...

Я такъ и ахнулъ. И не я одинъ ахалъ и ахаю. Всѣ ахаютъ. А дороги нѣтъ, какъ нѣтъ, и я увѣренъ, и долго еще ее не будетъ.

Черный городъ и такъ, во-первыхъ, платитъ черезъ мѣру ужь, и потомъ, ему ужь теперь, въ пору общаго кризиса съ нефтью во всѣхъ ея видахъ, не до расходовъ на устройство дороги къ своему немилосердному суверену—Бѣлому городу.

А этотъ Бѣлый городъ и въ усъ себѣ не дуетъ, знать ничего не хочетъ — разводитъ какіе-то глупѣйшіе садики, которые стоятъ ему чортъ знаетъ какихъ денегъ, выписываетъ къ этимъ садикамъ рѣшетки чугунныя изъ Петербурга отъ Санъ-Галли (серьезно), устраиваетъ бассейны для лебедей, бесѣдки, кіоски и т. д., а на дѣло, дѣйствительное,

нужное, необходимое, у него денегъ нѣтъ; производитель самъ все на свой счетъ долженъ это, нужное и полезное, дѣлать. Онъ, „Бѣлый“ городъ, знаетъ и хочетъ только одно—свои удовольствія и жить въ это свое удовольствіе.

— Помилуйте, мы и на необходимое тратили—отвѣчали мнѣ на мое замѣчаніе объ ихъ непроѣздной дорогѣ къ Черному городу и о томъ, что какже это не совѣстно, наконецъ, брать съ этого Чернаго города, которымъ они существуютъ, живутъ и безъ котораго они всѣ нуль, сто тысячъ руб. въ годъ и не позаботиться даже о такой необходимой вещи какъ дорога: — Мы тратимъ на устройство не однихъ только садиковъ.

— Еще на что-же?

— А какъ-же: вотъ набережную передъ губернаторскимъ домомъ сдѣлали.

— Еще?

— Еще берегъ передъ губернаторскимъ домомъ камнемъ обдѣлали...

— Да это все хорошо, что вы видъ изъ губернаторскаго дома устроили, но вѣдь дорога-то въ „Черный“ городъ все-таки нужнѣе всего.

— А вотъ тутъ какой-то предприниматель есть...

Но онъ ужь давно, этотъ предприниматель, ходитъ съ своими предложеніями и въ думу и въ „Черный“ городъ. Въ думѣ „Бѣлаго“ города ему говорятъ, что это нужно для „Чернаго“ города, по крайней мѣрѣ это гораздо важнѣе для него, а въ „Черномъ“ городѣ говорятъ, что онъ ужь и

такъ платитъ, платитъ этому Бѣлому городу, а онъ ничего не дѣлаетъ, и, какъ прорва, ему все мало, онъ хочетъ еще и еще.

— Да вы понимаете-ли,—говорилъ я съ однимъ изъ наиболѣе развитыхъ воротилъ бакинскаго городскаго управленія, что вѣдь безъ этого „Чернаго“ города, на который вы, ваше городское, „Бѣлаго“ города управленіе, засѣли чужеядномъ, вѣдь вы ничто совсѣмъ, нуль. Ну стрясись, избави Боже, бѣда какая съ Чернымъ городомъ, вѣдь вы пропали и съ вашими чугунными сангалевскими рѣшетками и съ вашимъ удивительнымъ видомъ изъ губернаторскаго дома, и съ вашими лебедями. И по какому такому „полному праву“ вы считаете себя вправѣ взимать съ этого „Чернаго“ города такіе сумасшедшіе налоги и не дѣлать ничего, даже дороги, по которой онъ бы могъ удобнѣе вамъ возить свою подать?

Смѣются:—А это, изволите-ли видѣть, ужь наше счастье. Открылись у насъ, въ принадлежащей намъ землѣ такія неизсякаемыя сокровища, мы и наживаемъ отъ нихъ, пользуемся этимъ. Это ужь наше счастье...

Совсѣмъ тотъ же взглядъ, что и у бабъ и дѣвокъ на отмеляхъ и перекатахъ, что и у приволжскихъ городовъ: „Нефть—это наше счастье“. Перекаты и отмели — это „наше счастье“. Судоходство и пароходство по Волгѣ—это „наше счастье“, и живутъ люди этимъ „счастьемъ“ и ничего не хотятъ дѣлать для плательщиковъ своихъ, которые

платятъ и непонимаютъ, голову просто ломаютъ, за что только они столько платятъ?

И такъ заведено это у насъ въ городахъ во всемъ и вездѣ.

V.

На широко разлившейся Волгѣ тишина. Ужь полдень. Жара невыносимая. Всѣ окна и двери на огромномъ „американскомъ“ пароходѣ отворены и все-таки никакого спасенія отъ духоты.

Пассажиры сидятъ всѣ на наружныхъ балконахъ—галлереяхъ парохода съ тѣневой его стороны и, отъ нечего дѣлать, ведутъ разсужденія объ изгибахъ и извилинахъ Волги. Въ столовой перваго класса у колоссальной длины стола сидятъ только двое какихъ-то полныхъ, розовыхъ, упитанныхъ молодыхъ человѣкъ московскаго купеческаго фасона, одѣтыхъ хотя и у хорошаго портного, но какъ-то по актерски,—очень яркіе цвѣта на нихъ и особенно яркіе галстухи. Сидятъ они и вотъ ужь—я вижу — ѣдятъ по второй порціи стерлядей „по русски“.

— Телятина, смотритъ снаружи на нихъ въ окно и говоритъ блѣдный, малокровный, съ бѣлыми губами молодой человѣкъ, ѣдущій на кумысъ въ Самару.

Но молодые люди съ розовыми пухлыми щеками неслышатъ его, выпиваютъ по стакану какого-то

бѣлаго вина и что-то, кажется, заказываютъ лакею еще—чуть-ли не по бифштексу.

— Животная, совсѣмъ растительная жизнь, вздергивая плечами говоритъ малокровный молодой человѣкъ, ѣдущій въ Самару на кумысъ, перестаетъ смотрѣть въ окно, удобнѣе протягивается на „воздушномъ“ диванѣ, то есть на диванчикѣ, стоящемъ на наружной галлереѣ, и хотя солнце начинаетъ и его понемногу доставать и стоитъ и безъ того страшная духота, все-таки прикрывается пледомъ—дескать, не мѣшаетъ, паръ костей не ломитъ...

Замѣчательна—эта масса молодыхъ людей и дѣвушекъ и женщинъ съ блѣдными лицами и бѣлыми почти губами—малокровныхъ—ѣдущихъ въ Самару на кумысъ. Почти половина пассажировъ перваго и второго класса—и это по крайней мѣрѣ—все малокровные. Малокровіе положительно стало модной, т. е. правильнѣе, самой распространенной у насъ болѣзнью. Я не спеціалистъ, не слѣжу, разумѣется, за этимъ, но такъ, вообще, мнѣ кажется, что малокровіе въ послѣднее время развивается у насъ въ страшныхъ размѣрахъ. Отчего это? Ну, въ Петербургѣ еще понятно это, а въ провинціи отчего?.. И вотъ капитанъ, котораго я спрашивалъ—онъ ходитъ по этомъ пароходѣ ужъ семь лѣтъ—тоже говоритъ, что съ каждымъ годомъ малокровныхъ ѣдетъ весной все больше и больше. Положительно малокровіе стало точно въ моду входить...

— Ну, и что-жь, Самара помогаетъ имъ?

— Вѣдь они тамъ кумысомъ лѣчатся.

— Я знаю, а что говорятъ-то на возвратномъ пути, когда назадъ ѣдутъ? Вѣдь говорятъ же они?

— Говорятъ, какъ-же. Н-нѣтъ, не одобряютъ что-то. Дороговизна, говорятъ, страшная, а удобствъ никакихъ. Многіе простуживаются еще. Чахоточныхъ много, такъ даже помираютъ тамъ. Простудится и хуже еще станетъ. Жалуются очень всѣ на недостатокъ удобствъ...

Кромѣ вотъ этого раздражительнаго молодого малокровнаго человѣка меня поражала еще одна очень молодая дѣвушка, высокая, съ красивымъ лицомъ, но ужь черезчуръ полная блондинка и буквально, что называется, безъ кровинки въ лицѣ. Она ѣхала съ матерью, маленькой, черненькой живой и юркой старушкой, перезнакомившейся со всѣми пассажирами.

— Вотъ второй годъ ѣздимъ мы съ ней въ Самару и все не помогаетъ, разсказывала она всѣмъ. Въ прошломъ году Зина была невѣстой и ужь хотѣли свадьбу назначить—да доктора отсовѣтывали: пускай, говорятъ, она прежде кумысу попьетъ... Въ этомъ году опять тоже... А вотъ другіе доктора такъ напротивъ, говорятъ: если замужъ выйдетъ и никакого кумысу ей не нужно будетъ... Если нынче не пройдетъ у нея, больше ужь не поѣдемъ, наивно говоритъ она, не замѣчая, что какъ только она начала говорить про кумысъ, ея полная, малокровная дочь сейчасъ же встала и ушла куда-то отъ нея—знаетъ, неловко ей слушать этотъ разговоръ, а ничего не подѣлать ей съ болтливой старухой.

— Такъ что, значитъ, свадьба изъ за этого разстроилась? участливо спрашиваетъ ее мать двухъ кадетовъ, тоже страшно малокровныхъ, и тоже ѣдущая съ ними на кумысъ въ Самару.

— Нѣтъ, нисколько она отъ этого не разстроилась, но согласитесь, взойдите и въ положеніе жениха. Какой же это ноньче станетъ ждать два года? Вотъ я про что. Надо же вѣдь взойти и въ его положеніе...

Вдали на пароходѣ показывается ея дочь и она зоветъ ее:—Зина, Зина! Поди сюда.

— Вотъ видите, продолжаетъ старуха, беря Зину за голову, и отворачиваетъ ей пальцами нижнюю вѣку у глаза:—ни кровинки совсѣмъ.

— Ахъ, мама... больно... какъ ты это всякій разъ... говоритъ дѣвушка и, чувствуя себя неловко, старается загладить все это улыбкой: пойдемъ туда, впередъ, зоветъ она мать. На встрѣчу пароходъ такой-же большой идетъ.

— И я не малокровная, какъ видите, и отецъ у нея былъ полнокровный мужчина, вставая и собираясь идти вслѣдъ за дочерью, объясняетъ старуха, а она вотъ какая.

— Нѣтъ, это ужь такъ... говоритъ мать двухъ сыновей. Это ужь если развиться у кого малокровіе, такъ оно все равно разовьется. Я вотъ тоже не малокровная и отецъ ихъ... А они, посмотрите... И эта въ свою очередь выворачиваетъ вѣки сперва одному своему сыну, а потомъ другому:—это ужь такъ...

Тутъ-же, на галлереѣ, сдвинувъ вмѣстѣ два диванчика и два столика, впереди всѣхъ сидятъ человѣкъ пять или шесть—семейство—новый, еще нарождающійся у насъ типъ русскихъ путешественниковъ по Россіи: отецъ, мать, два сына гимназиста-классика, такъ должно быть шестого или седьмого класса, и дочь дѣвочка, лѣтъ пятнадцати, съ гувернанткою англичанкой. На столѣ передъ ними подробнѣйшая карта Волги и штукъ двадцать разныхъ книгъ и книжекъ—путеводители и спеціальныя книги о Волгѣ. Съ самаго Нижняго они завоевали себѣ это мѣсто и никому его не отдаютъ. Уходя въ столовую завтракать или обѣдать, они раскладываютъ по столамъ и диванамъ свои вещи, чтобы никто не занялъ ихъ мѣстъ и затѣмъ тотчасъ-же опять возвращаются и садятся.

Они только-что позавтракали — этотъ разъ имъ подавали завтракъ сюда—лакей убралъ со стола, и они вноаь принимаются за „путеводители“, карты и книжки.

— Удивительное семейство... Начали ужь... говорить шляющіеся отъ нечего дѣлать изъ угла въ уголъ пассажиры.

— Кого мнѣ жаль—такъ это дѣвочку! ей хочется побѣгать, а она сиди съ этой дурой своей англичанкой.

— Да вы почемъ знаете, что она дура? Можетъ она очень умная.

— Ну, ужь это... по лицу видно.

— По лицу? Богъ знаетъ, что вы говорите...

— Тише, вѣдь она можетъ услыхать. Вы лучше слушайте ихъ—это назидательно и намъ съ вами.

Наступаетъ тишина, слышится монотонный голосъ одного изъ гимназистовъ, читающаго какую-то книгу о Казани: „Умственной жизни—никакой, вліянія университета незамѣтно, профессора совершенно на второмъ планѣ, они даже рѣдко показываются въ обществѣ; студенты не находятъ въ обществѣ ни радушнаго пріема, ни нравственной поддержки...“ „Городъ живетъ своими желудочными, эростическими и всякими другими интересами, кромѣ умственныхъ...“ „Общество этого большого приволжскаго, университетскаго, историческаго города ни разу не было охватываемо человѣческими побужденіями, ни въ чемъ не показало себя примѣромъ, достойнымъ подражанія: жило, ѣло, спало, ничѣмъ не интересуясь. Однообразное и безжизненное прозябаніе, оскверняющее душу человѣческую!..“

— Что это такое? Что это онъ читаетъ?

— Путеводитель... О Казани...

— Помилуйте, это чортъ знаетъ что.

— Не могу вамъ сказать. Не былъ тамъ. Первый разъ ѣду.

— Да какъ-же это мальчикамъ-то читать?

— А что-жь?

„Нѣкоторыя казанскія дамы не созданы для общественной жизни, при отсутствіи снисходительности, онѣ обладаютъ совершенно особой наблюдательностью, на сколько это качество можетъ быть

присуще уму мелкому и дурно направленному“...

— Что онъ читаетъ!?.. Вы слушайте, что онъ читаетъ. Какое это отношеніе имѣетъ къ Волгѣ?

— Онъ не про Волгу—онъ про Казань читаетъ.

— А до Казани какъ-же это можетъ относиться?

— Рисуетъ казанское общество. Его нравственный образъ.

— Да кто это рисуетъ?

— А я почемъ знаю. Вы слушайте. Вамъ какое дѣло—кто?

„Въ 1867 (?) году Казань посѣтила императрица Екатерина II и, одобривъ театральныя представленія, приказала губернатору сколь возможно клонить къ тому казанское дворянство, которое посредствомъ сихъ представленій могло научиться пріятному обращенію и необходимой въ свѣтѣ ловкости“...

— Научились!.. До того имъ!

— Вы слушайте.

„Теперь лучшіе казанскіе люди все пишутъ. Пишутъ вездѣ: и у себя дома, и на службѣ, и въ конторахъ, и въ многочисленныхъ канцеляріяхъ; пишутъ не красно, но внушительно, и въ этомъ занятіи находятъ спасеніе, ибо Казань административный центръ, что въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ: великое сходбище приказныхъ“.

Но тутъ, „на самомъ интересномъ мѣстѣ“ чтеніе прерывается. По галлереѣ идетъ капитанъ парохода, высокій, загорѣлый мужчина съ веселымъ, открытымъ лицомъ и останавливаясь то у той, то у другой группы, объявляетъ, что сейчасъ во-о-онъ,

вонъ тамъ покажется Казань и что мы будемъ тамъ стоять ни болѣе ни менѣе какъ пять часовъ. Кто желаетъ сойдти на берегъ и съѣздить познакомиться съ Казанью, успѣетъ свободно это сдѣлать. Извозчика нанимайте—это мой совѣтъ—туда и обратно: и выгоднѣе и покойнѣе, предупреждаетъ онъ. Будутъ съ мыломъ къ вамъ приставать, со всякой дрянью—торгуйтесь, что хватитъ силы. Все дрянь ужасная и втридорога.

Капитанъ ушелъ и прерванное чтеніе опять началось... „Противъ мельницы садъ Тиволи и вагонный сарай, названный „Русскимъ народнымъ театромъ". Такая странная перемѣна названія воспослѣдовала по волѣ директора к. ж. дорогъ Густава Густавовича Тальквиста. Туристъ много потеряетъ, если не зайдетъ въ Тиволи посмотрѣть на этого оригинальнаго человѣка. Онъ очень любезенъ, гостепріименъ и отзывчивъ на всякое великое доброе дѣло. Въ качествѣ казанскаго культуртрегера, онъ заботится о насажденіи культуры въ полуазіатской Казани, для чего въ своемъ Тиволи устраиваетъ ежегодныя спектакли; затѣмъ особая комната, вся увѣшанная олеографическими картинами, изображающими типы красавицъ. Громадная вывѣска у входа гласитъ: „вывѣска невѣстъ у Густава Густавовича". Далѣе, сей примѣчательный мужъ помѣщаетъ въ мѣстныхъ газетахъ такого рода объявленія: „при буфетахъ конно-желѣзной дороги, на Устьѣ и въ Тиволи имѣются газеты русскія и иностранныя, *исключительно честнаго направленія*"...

Въ публикѣ смѣхъ. Кто-то начинаетъ разсказывать свои личныя впечатлѣнія и воспоминанія о встрѣчѣ съ г. Талквистомъ. Но за это время оказывается, что вдругъ какъ-то показавшаяся Казань уже близка и мы начинаемъ подходить къ пристани. Движеніе:—Вы поѣдете? А вы? Поѣдемте вмѣстѣ. Я хочу вотъ мыла только купить. Здѣсь удивительное мыло. Здѣсь дожлно быть сафьянныя издѣлія хорошія... Шитье золотомъ по сафьяну, знаете, вотъ въ родѣ того, какъ въ Торжкѣ... Движеніе, всѣ спѣшатъ въ каюты къ себѣ за вещами—шляпами, фуражками, зонтиками. Невозмутимо спокойно сидитъ одно „семейство туристовъ". Гимназистъ по прежнему читаетъ своимъ монотоннымъ голосомъ. Проходя мимо него я слышу: „Что касается обрусенія татаръ, то это дѣло отдаленнаго будущаго, а теперь пока они оказываются болѣе развитыми, нежели окружающіе ихъ русскіе и потому заботы или обрусеніе татаръ будутъ безплодны, пока не возвысится умственный и нравственный уровень самихъ русскихъ"...

— Конецъ? и все? спрашиваетъ гимназиста отецъ „семейства туристовъ".

— Все должно быть... больше ничего.

И они всѣ медленно поднимаются.

На пристани насъ ждетъ толпа цѣлая. Тамъ дальше, за пристанью, виднѣется какой-то пустырь, песчаное, неубранное мѣсто, застроенное или правильнѣе заваленное какими-то развалившимися сараями, лачужками, заборами. Вдали, за нѣсколько

верстъ отъ берега виднѣются бѣлыя колокольни церквей и такія же бѣлыя, только меньше, мусульманскіе минареты. Надъ городомъ стоитъ пыль, туманъ, чадъ—не разберешь что. Съ берега несется запахъ мочалы, дегтя и удушливый, противный запахъ воблы.

Пароходъ наконецъ причалилъ. Положили сходни и публика вывалила. Ожидавшіе на пристани татары, торговцы мыломъ, халатами, платками и какими-то бездѣлушками изъ бересты двинулись ей на встрѣчу. Начался торгъ, смѣхъ, шумъ. Капитанъ и служащіе на пристани гонятъ татаръ:—Вы публикѣ проходить мѣшаете. Я велю сейчасъ пристань очистить. Дорогу всю загородили! кричатъ какіе-то люди въ форменныхъ фуражкахъ—служащіе на пароходѣ и на пристани. Но ихъ никто не слушаетъ и оживленіе все растетъ. Съ парохода и оттуда, съ берега, прибываетъ все больше и больше народа. Наконецъ, татаръ, съ мыломъ въ рукахъ, набирается столько, что кажется, что это собрались сюда рабочіе съ цѣлаго завода и принесли съ собою все, что они тамъ сработали. У пассажировъ у всѣхъ въ рукахъ тоже по огромному куску желтаго мыла. Мыло, мыло и мыло. На пристани даже запахло мятнымъ масломъ и миндальнымъ, духами, которыми пахнетъ это мыло.

— Барынъ, барынъ!.. первый сортъ. Вотъ первый сортъ. Вотъ первый... Читай, видишь? кричатъ направо, налѣво, позади, впереди и просто протискаться невозможно. У меня въ рукахъ уже два

куска, но татаринъ пристаетъ купить у него третій.—Ты купи, вѣдь эдакаго нигдѣ мыла нѣтъ. И потомъ, для бани, женѣ, дѣтямъ, уговариваетъ онъ. Такого мыла нигдѣ не достанешь.

— Вездѣ оно есть, ну, что ты врешь?

— Тс... тс... такое-то? тс...

За пристанью я взялъ извозчика и поѣхалъ осматривать городъ. Въ Казани всѣ извозчики татары.

— Ты знаешь городъ? Всѣ дворцы, башни, памятники? Ну и вези, показывай мнѣ ихъ. Вотъ сперва сюда, къ памятнику-то по убитымъ при взятіи, вези. Это вѣдь онъ? спрашивалъ я, смотря впередъ влѣво на неуклюжее, приплюснутое, что-то похожее издали больше всего на крышу зданія, ушедшаго въ землю. Зданіе ушло, а крыша осталась.

— Туда? оборачиваясь, переспрашиваетъ татаринъ.

— Ну, да.

— Къ памятнику?

— Да что-жь ты не понимаешь, что-ли? Вѣдь говоришь по русски?

— Говорю.

— Такъ что-жь ты переспрашиваешь?

— Гм... ха, ха, ха... я такъ...

Подъѣхать къ памятнику—это очень длинная и очень сложная исторія. Надо вопервыхъ, спуститься съ дамбы и при этомъ не вывалиться съ дрожекъ, потомъ надо переѣхать штукъ пять или шесть какихъ-то канавокъ и наконецъ три ручья до того

топкихъ и глубокихъ, что лошадь едва-едва идетъ, а вода заливается въ дрожки настолько, что ноги надо поднимать и упираться ими въ козлы.

— Да неужели другой дороги нѣтъ?

— А? ха, ха, ха! Нѣтъ, другой нѣтъ.

— Ты глупъ, я вижу.

— А? ха, ха, ха!..

Вблизи памятникъ очень большой, цѣлое зданіе. Съ непривычки больше всего поражаетъ обиліе скворешень вокругъ него. У сторожки, у калитки, у рѣшетки, у самыхъ, наконецъ, ступенекъ памятника все скворешни и скворешни на высокихъ, длинныхъ, кривыхъ шестахъ. Такъ это оригинально...

Изъ сторожки вышелъ какой-то высокій мужикъ, по виду отставной солдатъ съ провалившимся носомъ и гунявымъ,—едва можно разобрать—голосомъ обратился ко мнѣ, спрашивая, должно быть, зачѣмъ я?

— А вотъ посмотрѣть хочу. Можно?

Солдатъ загнусилъ и пошелъ отпирать дверь. На подмогу къ нему вышла какая-то женщина, маленькая, худенькая, въ платочкѣ, съ жалостливыми, слезящимися глазами.

— Вы тутъ живете? Много ѣздятъ? смотрятъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, заплакала она точно.

— А эти скворцы ваши?

— На-а-аши.

— Зачѣмъ вамъ ихъ такая пропасть?

— Это-о хо-ро-шо-о-о...

— Чѣмъ же это хорошо?

— Они-и... по-п-п-поютъ!..

Внутри памятника церковь. Но воздухъ въ ней, въ этой церкви—о, Господи!..

— Отчего это такой воздухъ? спросилъ я солдата съ провалившимся носомъ.

— А тамъ, вотъ тутъ, тутъ вотъ... затопалъ онъ ногой... Кости тамъ...

Церковь очень чистенькая и—если бы не было запаха этого—все прилично, хорошо. Я обернулся ужь уходя изъ нея и увидалъ два портрета: налѣво—Ивана Грознаго въ латахъ и шлемѣ, направо—Николая Павловича.

— Это когда-же повѣшены эти портреты? спросилъ я.

— Давно, прогнусилъ солдатъ. Это тогдашніе еще.

— Какъ взяли Казань?

— Да, да...

Выходя изъ церкви, сторожъ спросилъ меня, не хочу-ли я посмотрѣть кости.

— Гдѣ это?

— А тутъ, тутъ, опять затопалъ онъ ногой.

— Много?

Онъ вытащилъ изъ кармана два огарочка восковыхъ свѣчей, зажегъ ихъ, одинъ подалъ мнѣ, а съ другимъ самъ пошелъ впередъ въ боковую дверь. Я за нимъ. Мы спускались по совершенно темной лѣстницѣ съ стертыми ступеньками, воздухъ становился все удушливѣй и удушливѣй.

— Долго еще?

— Сейчасъ.

Мы спустились наконецъ въ темную, подземную

комнату, почти квадратную. По срединѣ гробъ, но какой-то рѣшетчатый. Въ дырья лѣзутъ кости рукъ, ногъ, на верху лежатъ черепа.

— Тутъ, внизу, подъ этимъ, стуча ногой въ полъ, все кости, говорилъ солдатъ. И тамъ, подъ стѣнами, вездѣ все кости...

Я такъ обрадовался, выйдя на верхъ, когда увидалъ солнце. Вдали виднѣлся Кремль казанскій. У самаго почти памятника, у ногъ нашихъ, текла рѣчка Казанка—маленькая, грязная рѣчушка, съ пологими грязными берегами.

— Каждый разъ, какъ полая вода, что она костей, череповъ наноситъ—страхъ, говорилъ возлѣ меня сторожъ. Это все мѣсто въ костяхъ. На другой день Покрова молебенъ здѣсь служатъ, панихиду. Архіерей служитъ, начальство пріѣзжаетъ. Войска приводятъ тоже...

Я далъ ему что-то и поѣхалъ дальше въ городъ.

— Кости смотрѣлъ? ха, ха, ха! много ихъ, началъ опять извозчикъ татаринъ.

— Чему ты все смѣешься?

— Я-то?

— Ну, да. Объ комъ же я говорю.

— Да такъ...

На встрѣчу попадались татары и татарки въ теплыхъ большихъ шерстяныхъ платкахъ, которыми, не смотря на страшную жару, онѣ закутываютъ головы. Меня, какъ свѣжаго человѣка, не привыкшаго къ мѣстному обычаю, поражали и эти платки

и особенно то, что всѣ эти татарки страшно набѣлены и накрашены.

— Теперь куда же ѣхать? спросилъ извозчикъ.

— Башню Сумбеки знаешь? Туда поѣзжай.

Мы поднялись къ Кремлю, наверхъ. Это довольно высокій подъемъ. Башня Сумбеки стоитъ возлѣ губернаторскаго дома—дворца, какъ его называютъ. По площади ходилъ одинокій городовой. Я подозвалъ его.

— Можно взойдти на башню?

— А, нѣтъ.

— Почему-же?

— Да зачѣмъ?

— Ну, такъ, хочу посмотрѣть.

— Нельзя, да и что-жь тамъ смотрѣть. Тамъ голуби все загадили.

Я посмотрѣлъ наверхъ. Въ разбитыя окна или какія-то дыры то и дѣло влезали дѣйствительно массами голуби.

— Они тамъ такъ загадятъ, что ха, ха, ха, смѣялся городой.

— Что-жь тутъ смѣшного?

— Да какъ-же?..

— Кто у васъ губернаторомъ? спросилъ я.

Городовой вдругъ почему-то выпрямился, взялъ подъ козырекъ и проговорилъ:

— Не могу знать. Я третій день только...

— Онъ дома? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ.

— А полы въ губернаторскомъ домѣ ломаютъ?

вдругъ почему-то вспомнилъ я замѣчанія Щедрина.

— Ломаютъ-съ.

— И много переломали?

— Точно такъ, много...

Городъ производитъ вообще впечатлѣніе какой-то удручающей скуки. Улицы совершенно почти пусты. Невозможно повѣрить чтобы въ этомъ городѣ было сто двадцать тысячь жителей. Никакого движенія, никакого оживленія. Дома всѣ—точно жили въ нихъ когда-то и теперь всѣ выѣхали, стоятъ заброшенные, безъ подкраски, безъ ремонта. На какой-то улицѣ, на углу щитъ съ фотографическими портретами и карточками: Я сошелъ съ извозчика посмотрѣть чьи это портреты. По срединѣ щита большой портретъ Е. Н. Горевой, декольте, въ бархатномъ платьѣ съ голыми руками. Этотъ портретъ единственный предметъ, который я видѣлъ въ Казани, напоминающій жизнь... Все мертво, все заснуло. Университетъ—это длинное, неприглядное, не уютное скучное растянутое двухъ-этажное зданіе—смотритъ до такой степени уныло и до того запущено, что вызываетъ положительно щемящее чувство... Тоже разумѣется ни души ни въ окнахъ, ни у подъѣзда, ни передъ нимъ.

— А гдѣ-же тутъ у васъ Арское поле? спросилъ я извозчика, когда мы объѣхали съ нимъ всѣ главныя улицы и я „все видѣлъ“.

— Арское поле—это тамъ, указалъ онъ кнутомъ.

— А нельзя-ли намъ туда проѣхать. Тамъ есть мостъ одинъ... Теперь развалины.

— Какой-же тамъ мостъ?

— Ну, ступай однимъ словомъ. Ты все равно не знаешь какой.

Мнѣ захотѣлось видѣть мостъ, на которомъ встрѣтились нѣкогда Биронъ, отправлявшійся въ Сибирь, и Остерманъ возвращавшійся оттуда.

Мы поѣхали искать этотъ мостъ. Долго ѣздили и проѣхали наконецъ дѣйствительно къ развалинамъ какого-то сооруженія въ родѣ моста.

— Ну, вотъ это?

— Поѣзжай на пристань.

Когда мы ѣхали назадъ, мы опять случайно проѣзжали мимо портрета Е. Н. Горевой. Молодецъ! Что это за роскошный бюстъ! Ей Богу, не будь ея портрета, Казань совсѣмъ бы оставила во мнѣ воспоминаніе какъ объ одной какой-то колоссальной общей могилѣ. Она одна только и оживляетъ эти воспоминанія...

И потомъ, когда мы собрались на пароходъ, всѣ это же самое замѣтили:

— А видѣли портретъ г-жи Горевой?

— Роскошная женщина... Удивительный бюстъ... Это единственный одушевленный предметъ въ Казани...

Когда мы подъѣзжали къ пристани, дорогу намъ загородилъ чуть не цѣлый обозъ съ казанскими плетеными телѣжками, окованными желѣзомъ. Ихъ везли на пароходъ. Куда-то ихъ отправляли. Это— продуктъ мѣстнаго казанскаго производства и ими Казань снабжаетъ не только всѣ поволжскіе города,

но и дальше онѣ идутъ. Я встрѣчалъ ихъ потомъ на Кавказѣ, и въ Закавказьѣ. Мы приняли ихъ на пароходъ массу, штукъ полтораста, и потомъ всѣ выгружали въ Самарѣ, въ Симбирскѣ, въ Сызрани, въ Саратовѣ и т. д. Вмѣстѣ съ телѣжками отправлялся также и другой мѣстный продуктъ,—кнуты, обыкновенные, вотъ которыми лошадей стегаютъ. Этихъ кнутовъ я не видывалъ, да едва-ли когда и увижу въ такомъ количествѣ—буквально десятки тысячь штукъ.

— Ихъ кто дѣлаетъ—татары или русскіе? спрашивалъ приказчика или самого хозяина, укладывавшаго кнуты на палубѣ въ одинъ громадный ворохъ, малокровный молодой человѣкъ, ѣхавшій лечиться въ Самару на Кумысъ.

— Работники-съ... Позвольте-ка, позвольте, отвѣчалъ ему человѣкъ въ синей поддевкѣ, съ бородкой клинушкомъ, вовсе очевидно не расположенный къ такимъ философскимъ размышленіямъ.

— А можетъ я хочу купить?

— Проданы ужь...

Замѣчательно: въ Казани изъ ста двадцати тысячь ея населенія къ намъ, во второй и первый классъ, не прибавилось ни одного пассажира...

VI.

Очаровательно хороша Волга при закатѣ солнца въ тихую погоду, въ маѣ мѣсяцѣ, когда она шире всего разливается (послѣ половодья, конечно). Это такая дивная картина, что сколько бы не любоваться

на нее, никогда кажется вдоволь не налюбуешься. Сколько мощи, силы въ ней въ это время, силы покойной, увѣренной. Такая сила бываетъ только у рабочаго человѣка, у человѣка труда: изъ пустяковъ я-де не стану ссориться... Волга именно рабочая рѣка. На ней много поработалъ русскій человѣкъ и много ее пограбили—я, конечно, говорю здѣсь не о разбойникахъ. Разбойники народъ грабили меньше всего. Они больше грабили грабителей народа. Волга, однакожь, вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣка расправы за неправое отношеніе къ труду и трудомъ добытой копѣйки. Еще всего-то какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ назадъ здѣсь происходили кровавые разборы такихъ дѣлъ—разбирали „разбойнички“ бурлаковъ рабочихъ съ „господами купцами судохозяевами“... „Бурлаки часто дѣйствовали за одно съ разбойниками. Обиженные и обсчитанные хозяевами, бурлаки приносили свои жалобы не водяному суду, гдѣ ихъ только волочили, а жигулевскимъ молодцамъ“, разсказываетъ объ этомъ одинъ изъ „Путеводителей“ по Волгѣ—и хозяину или его приказчикамъ: виновнаго или просто убивали или драли на палубѣ какъ „сидорову козу“, при общемъ хохотѣ бурлаковъ. Во избѣжаніе подобной экзекуціи, всякій судохозяинъ, приближаясь къ Жигулямъ, задабривалъ рабочихъ водкой и горячо молился, чтобы Господь пронесъ благополучно. На жигулевскомъ судѣ морозовскій процессъ также навѣрно кончился бы иначе... Я не знаю какъ волжскіе рабочіе судятся и разбираются теперь съ своими судохозяевами

и нанимателями, тѣ если ихъ обсчитываютъ, вѣроятно лучше и даже навѣрное лучше, потому время теперь уже не то. Но за то хозяева и всякаго рода предприниматели оживляющіе край и вызывающіе его къ дѣятельности, шалятъ и даже очень. Не въ далекомъ разстояніи отъ Казани въ Волгу, какъ извѣстно, впадаетъ другая, тоже великая рѣка Кама, сродственность которой съ Волгой усматривается даже изъ наименованія самаго великаго изъ нашихъ банковъ—Волжско-Камскаго. Въ эту Каму впадаютъ въ свою очередь тоже большія рѣки Бѣлая и Вятка. Ни по Камѣ, ни по Бѣлой, ни по Вяткѣ, къ сожалѣнію моему, самъ я не былъ, но люди, бывавшіе тамъ и хорошо знающіе что тамъ происходитъ, а также и въ томъ же „путеводителѣ“ разсказываютъ вотъ что: Кама, какъ извѣстно, много воднѣе Волги, конечно, оттого, что протекаетъ по мѣстамъ прохладнымъ, лѣсистымъ и питается обильно. Ея верховья и притоки текутъ по „странамъ не столь отдаленнымъ“, по странамъ, куда еще только проникаетъ наша цивилизація, всегда преслѣдуемая лѣсоистребителями, въ видѣ подрядчиковъ, разжирѣвшихъ русскихъ кулаковъ и сухощавыхъ, вѣчно суетящихся жидовъ. И эти господа не дремлютъ: Бѣлую они ужь обчистили какъ липку; теперь усиленно работаютъ надъ верхней Камой. Масса плотовъ и бѣлянъ, ежегодно спускаемыхъ по Камѣ и даже по Волгѣ—наглядно показываютъ, что дѣло лѣсоистребленія идетъ успѣшно, на утѣху статистикамъ, которые съ ра-

достью отмѣчаютъ на своихъ таблицахъ ежегодное возрастаніе количества пахотной и луговой земли... По ихнему выходитъ—„возрастаніе производительныхъ силъ Россіи“... Очень трогательны подробности этого возрастанія. Отъ Нижняго вмѣстѣ съ нами, во второмъ классѣ, ѣхалъ простой и повидимому скромный „русскій человѣкъ“—синяя поддевка; сапоги на выпускъ, картузикъ съ блестящимъ козырькомъ, бородка клинушкомъ—только нѣкоторая излишняя юркость и „безпокойная ласковость“ во взглядѣ еще сколько нибудь останавливали на немъ вниманіе. Онъ то и дѣло все выходилъ изъ каюты на наружную галлерею (на зевекевскихъ пароходахъ онѣ, эти галлереи, смѣшаны—и для перваго, и для второго классовъ) и все что-то посматривалъ вдаль. Прикроется ручкой отъ солнца и смотритъ. Посмотритъ, извинится передъ одними, передъ другими, что не зацѣпилъ-ли какъ нибудь нечаянно и уйдетъ опять къ себѣ во второй классъ въ свою каюту. Такъ бы никѣмъ не замѣченный, онъ бы навѣрно и проѣхалъ бы всю Волгу, еслибы не одно обстоятельство, изъ котораго мы узнали, что съ нами ѣдетъ нѣкоторымъ образомъ знаменитость волжская—извѣстный „Дятелъ“... Какъ дятелъ стучитъ все время, такъ и этотъ господинъ „стучитъ“ неустанно „работая“ на Вяткѣ и на верхней Камѣ. Отсюда и названіе ему—„дятелъ“.

Уже нѣсколько разъ, сидя на балкончикѣ—галлерейкѣ и любуясь широкими разливами и живописными берегами красавицы Волги, я слышалъ

какіе-то на ней выстрѣлы раздаются и далеко-далеко перекатываются. Я думалъ сначала, что это на берегу кто нибудь стрѣляетъ. Но нѣтъ — выстрѣлъ слышится влѣво и близко, а мы идетъ правымъ берегомъ, подъ кручью, до лѣваго берега далеко, версты полторы-двѣ, оттуда выстрѣлъ такъ ясно не можетъ быть слышенъ. Стрѣляютъ, очевидно, на Волгѣ, кто то на чемъ-то плыветъ, должно быть и стрѣляетъ. Я разъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, никого нѣтъ, только одна чья то бѣляна плыветъ. Наконецъ этихъ выстрѣловъ я ужъ слышалъ въ теченіи трехъ-четырехъ часовъ штукъ семь или восемь. Кто это стрѣляетъ все? спросилъ я какъ-то капитана, проходившаго какъ разъ когда раздался выстрѣлъ.

— А это съ бѣляны, отвѣтилъ онъ.

— Дурачатся?

— А нѣтъ—это они хозяина видятъ...

— Т. е. какъ видятъ?

— А такъ, поравняются съ нами, онъ выйдетъ на галлерею, они увидятъ его съ бѣляны и стрѣляютъ. Вѣдь „Дятелъ“ съ нами ѣдетъ.

Я ничего не понималъ—какой „дятелъ“, что такое?

— „Дятелъ“ — это самый изъ всѣхъ почти крупный лѣсникъ, вотъ эти бѣляны, что встрѣчались, это всѣ почти его. Онъ вырубаетъ лѣсъ на Камѣ, на Вяткѣ, на Бѣлой. Теперь онъ уже на Бѣлой, впрочемъ, все кончилъ. Больше онъ теперь все на Камѣ, на верховьяхъ ея работаетъ... Плотовъ онъ гонитъ тоже страхъ что...

Вдали, такъ въ двухъ-трехъ верстахъ впереди

насъ виднѣлись двѣ бѣляны. Для читателей, не бывавшихъ на Волгѣ и вообще не знающихъ, что такое „бѣляна“, я долженъ замѣтить, что это обыкновенная барка, низко, низко сидящая въ водѣ подъ тяжестью груза и кажущаяся издали хорошенькимъ и оригинальнымъ, только что срубленнымъ деревяннымъ чистенькимъ, свѣжинькимъ домикомъ, плывущимъ по рѣкѣ. Но это не срубъ, а наложены такъ доски на баркѣ. Шесты и мачты съ рѣзными причудливыми украшеніями и кругами на верху довершаютъ иллюзію плавучаго домика.

— И это вотъ его? спросилъ я капитана, указывая на виднѣвшіеся вдали бѣляны.

— Очень можетъ быть. Не знаю. Если его, будутъ стрѣлять. Онъ вонъ тамъ позади на галлереѣ стоитъ.

— Покажите мнѣ его пожалуйста.

— Да вы его видѣли, онъ эдакій невзрачный. Пойдемте, я васъ познакомлю, если хотите.

Взявшись руками за перильца у самаго борта парохода, стоялъ этотъ самый вотъ скромный „русскій человѣкъ“, о которомъ я сейчасъ говорилъ. Разговаривая со мною, капитанъ подошелъ къ нему и мы остановились.

— Смотрите свои бѣляны? спросилъ его капитанъ.

— Смотрю, отвѣтилъ невзрачный господинъ и поднялъ глаза на капитана.

— И эти ваши? спросилъ я его, указывая на двѣ бѣляны къ которымъ мы приближались.

— Должно быть что мои-съ, вѣжливо отвѣтилъ онъ мнѣ.

Вы не знакомы? Такой-то, такой-то, сказалъ капитанъ. Мы раскланялись и я протянулъ руку ему. Онъ взялъ ее и какъ то противно, не пожалъ, а подержалъ мою руку въ холодной, мокрой своей рукѣ. Я нервно отдернулъ ее и потомъ все старался, незамѣтно отъ него, тереть ее о свое платье.

— Плотовъ вотъ я что-то все не вижу... Должны бы быть ужь, а нѣтъ ихъ, продолжалъ невзрачный господинъ.

— Тамъ не застряли-ли гдѣ, ниже? сказалъ капитанъ.

— Не должно быть... Не знаю.

Бѣляны поровнялись съ нами. Невзрачный господинъ снялъ картузъ и началъ имъ помахивать надъ головой. Раздались выстрѣлы сперва съ одной бѣляны, потомъ съ другой. Невзрачный господинъ надѣлъ картузъ, вынулъ записную книжку изъ боковаго кармана своей поддевки и что-то карандашикомъ отмѣтилъ въ ней.

— Давайте, господа, чай пить, предложилъ капитанъ.—Я велю сейчасъ сюда подать. Что же теперь дѣлать. Тутъ отлично въ холодкѣ, солнце на той сторонѣ, насъ не потревожитъ ужь больше, сюда не придетъ.

Невзрачный господинъ съ излишне быстрыми глазками и противными руками позамялся-было сначала, отказываясь подъ предлогомъ, что ему

чѣмъ-то нужно заняться, но потомъ согласился и сѣлъ къ нашему столу.

— На Вяткѣ теперь работаете? началъ капитанъ.

— На Вяткѣ больше.

— На Бѣлой вѣдь мало ужъ осталось лѣсовъ.

— Теперь мало.

— А на Вяткѣ еще много? спросилъ я.

— На Вяткѣ много.

— А во сколько лѣтъ можно свести ихъ?

— Да во сколько? Это какъ работать?

— Ну, такъ, какъ теперь?

— Такъ какъ теперь если, годовъ въ десять можно свесть.

— И тогда, стало быть, и Бѣлая, и Вятка будутъ чисты. Останется только верхняя Кама.

— И на Камѣ вѣдь работаютъ, въ утѣшеніе какъ бы мнѣ, отвѣчалъ „дятелъ“.

— И особыхъ затрудненій нѣтъ? спросилъ я.

— Нѣтъ. Какія-же? Ныньче это большое облегченіе съ работами. Ныньче вѣдь это если чуть что...

— Да-а?

— Да-съ, это... Прежде это мученье бывало...

— Вы вѣдь ужь это въ чистую вы, на нѣтъ сводите лѣса? Такъ что потомъ, кто хочетъ паши по ней, по землѣ-то? спросилъ я.

— Въ чистую-съ.

— И все это-звѣри дикіе, птицы?..

— Да ужъ это извѣстно-съ—рубимъ лѣса, все отъ насъ бѣжитъ: и дикій звѣрь, и пушной, и рябчикъ летитъ... все...

Онъ посмотрѣлъ на меня и улыбнулся.

— Ну, а не думаете вы, не замѣчаете этого, чтобы рѣки стали отъ этого мелѣть?

— Нѣтъ. Да вѣдь какъ это вамъ сказать? Оно, конечно, говорятъ, что онѣ отъ этого будто-бы мелѣютъ современемъ, но вѣдь это не скоро, это намъ не можетъ помѣшать. Мы вѣдь какъ рубимъ, сейчасъ-же и вывозимъ, сплавляемъ, объяснялъ онъ, близко ужъ очень къ себѣ понявъ мой вопросъ. И потомъ добавилъ: да и то вѣдь оттого-ли еще мелѣютъ?

— А отчего-же?

— Да какъ вамъ сказать отчего?.. Вотъ Волга сегодня она въ одномъ мѣстѣ мелка, завтра въ другомъ... Это все отъ Бога.

— Такъ ужь, отъ Бога?

— Да-съ. Какъ это знать отчего?

— А вотъ подъ Саратовымъ-то ужъ постоянно мелѣетъ? Да вонъ и тамъ, позади насъ, въ верховьяхъ-то, годъ отъ году больше и больше мелѣетъ.

— Да-съ, согласился онъ. — Ничего невозможно понять.

— И инженеры вонъ работаютъ, работаютъ, а все толку нѣтъ?

— Нѣтъ, проговорилъ онъ. — А вѣдь какіе капиталы-то затрачены!.. Нѣтъ, ужь это такъ... многодумно заключилъ онъ.

— Отъ Бога? повторилъ я.

Онъ вздохнулъ, перевернулъ чашку, изъ которой

пилъ чай, верхъ дномъ, положилъ — вынулъ рукой изо рта обсосанный кусочекъ сахара и всталъ, чтобы уходить отъ насъ.

— Да посидите, куда вы? остановилъ было его капитанъ.

— Нѣтъ-съ, не могу, надо вѣдомости отчетовъ просмотрѣть еще, не могу-съ. Благодарю-съ за угощенье.

На прощаніе онъ еще разъ взялъ наши руки своей мокрой рукой и ушелъ, посматривая на серебряные свои часы на серебряной-же цѣпочкѣ.

— Это замѣчательный скряга, когда онъ ушелъ, сказалъ капитанъ.—Вы знаете, онъ и ушелъ потому, что боялся, какъ бы и ему не пришлось платить съ нами за чай. Вы видѣли, на пароходѣ онъ ничего не ѣстъ горячаго. Все у него тамъ въ каютѣ съ собой: колбаса, ветчина, яйца — все съ собой свое возитъ, чтобы только копѣйки лишней не переплатить.

Да чего же вамъ, помилуйте, вы слышали, все отъ него бѣжитъ и рябчики даже лѣтятъ, разсмѣялся я.

— Да нѣтъ. Это чортъ-бы съ ними, а вѣдь въ лоскъ, подлецы, край разоряютъ. Вѣдь, вотъ ѣздишь, слышишь, разсказываютъ, какъ прежде, и недавно еще, жилъ народъ на Бѣлой и теперь какъ живетъ... Т. е. и подобнаго-то даже ничего нѣтъ съ тѣмъ, что было. А все отъ нихъ. И лѣса рубятъ, и народъ грабятъ. Если-бы вы вотъ послушали только, что про него разсказываютъ. Въ ни одного-то ра-

бочаго нѣтъ, самаго послѣдняго, ну, который, гроши какіе-нибудь получалъ, котораго бы онъ не обсчиталъ... И капитанъ разсказалъ мнѣ нѣсколько удивительныхъ дѣйствительно случаевъ, не менѣе удивительно рисующихъ теперешніе порядки на Волгѣ и на ея притокахъ, Камѣ, Бѣлой, Вяткѣ. Но это я разскажу въ другомъ мѣстѣ, когда буду говорить объ этихъ порядкахъ вообще и къ чему они приводятъ.

На Волгѣ, за Казанью, пониже того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее Кама, я началъ намѣчать какія-то плавающіе по водѣ, то бурыя, то блестящія перламутровыя пятна. Иногда пятна эти имѣли видъ длинныхъ и довольно широкихъ полосъ, но мѣстами она была положительно пестрая отъ нихъ. Къ этому въ добавокъ, по Волгѣ плыла еще какая-то грязно-желтая пѣна.

— Что это такое? спросилъ я капитана нашего парохода, очень милаго и любезнаго а главное опытнаго, давно ужъ плавающаго по Волгѣ и отлично знакомаго со всѣмъ, что встрѣчается и случается на Волгѣ:

— Вы про что—про пѣну или про пятна? переспросилъ онъ меня.

— И про пѣну и про пятна.

— Пѣна—это съ Камы. На Камѣ ледоходъ гораздо позднѣе бываетъ, чѣмъ на Волгѣ и вотъ это—остатки, воспоминаніе о ледоходѣ, плывутъ теперь. Это мы будемъ встрѣчать, т. е. правильнѣе обгонять ее, эту пѣну, почти до самой Астрахани.

— А пятна?

— А пятна—это нефть, нефтяные остатки.

— Откуда же они?

— А вотъ изъ этихъ баржей, въ которыхъ ее везутъ. Вы видали, вотъ пароходъ ихъ протащилъ сейчасъ цѣлый караванъ.

— Это вотъ съ насосами-то какими-то на верху?

— Вотъ-вотъ.

— Онѣ идутъ, а изъ нихъ нефть сочится?

— Да. Вѣдь онѣ деревянныя. Изъ желѣзныхъ, разумѣется, нефть не идетъ, а изъ деревянныхъ страхъ бѣжитъ. Иногда бываетъ и половины не довезутъ. Нальютъ баржу полную, а привезутъ— на донушкѣ только чуть-чуть.

— Отчего же не возятъ ее, нефть, въ желѣзныхъ только?

— Отчего? Оттого, что желѣзныя дороги.

— Но вѣдь это же зараза — и воду въ рѣкѣ и рыбу заражаетъ?

— Еще-бы.

— И это дозволено?

— Дозволено. Какъ видите... Объ этомъ и писали и жаловались на это.

— И что-жь?

— Дорого, говорятъ,—не можемъ...

— Ну, а чѣмъ-же Волга-то виновата? Чѣмъ-же прибрежные жители виноваты? Вѣдь Волга не для однихъ-же нефтяниковъ? Какое-же они имѣютъ право загаживать такъ ее? Вѣдь это не водосточная труба какая-нибудь, въ которую можно спускать

нечистоты. Вѣдь это путь... И онъ долженъ содержаться въ чистотѣ, въ исправности.

— Ну, ничего не подѣлаете. Говорю вамъ:—дорого, говорятъ. Если насъ заставятъ заводить желѣзныя баржи, это, говорятъ, будетъ торжество монополистовъ...

— Да помилуйте, это ерунда. Заставляютъ же извозчиковъ имѣть исправныя дрожки—а тутъ этого отчего же нельзя заставить?

— И если бы вы знали, какъ на рыбу это дѣйствуетъ, не отвѣчая мнѣ, продолжалъ капитанъ. А топливо-то опять! Лѣса сведены или почти ужъ сведены на нѣтъ. Еще нѣсколько лѣтъ и на Волгѣ и ея притокахъ другого топлива, кромѣ нефти, не будетъ, а съ ней вонъ видите какъ обращаются. Да это еще что, заглянувъ за бортъ, добавилъ онъ, иной разъ сплошь такъ вотъ цѣлое мѣсто и покроетъ ею. Въ десятину иной разъ попадаются полосы нефти...

Нашъ разговоръ давно уже слушалъ какой-то молодой человѣкъ съ рыжеватой бородкой и большими темными „выразительными“ глазами. Разговаривая со мною, капитанъ время отъ времени поглядывалъ на него и тотъ едва-едва улыбался, и то больше „выразительными“ глазами. Теперь онъ улыбнулся и ртомъ, наконецъ, и проговорилъ: ее много... и рыбу ужъ она не такъ, особенно какъ, изводитъ... какъ вы-то вотъ говорите...

Капитанъ покачалъ головой:

— И мнѣ это вы говорите?

— Да, что-жь, конечно...

— Конечно, губитъ. Что вы, шутите!

— Не знаю... Вѣдь она по верху плаваетъ, а стерляди, осетры тѣ—вѣдь больше по дну... возразилъ ему молодой человѣкъ.

Въ кучкѣ, окружавшей насъ, разсмѣялись всѣ.

— Конечно—нефть по верху, а рыба по низу, повторилъ онъ, и самъ улыбнулся.

— Ну, а трата-то ея, нефти, подобное варварское обращеніе съ нею? замѣтилъ я.

— Ея много. Стоитъ объ этомъ...

— Да вѣдь не изсякаемая же она, въ самомъ дѣлѣ? И лѣсовъ вѣдь вонъ было видимо-невидимо—конца, казалось, имъ никогда не будетъ, а вотъ доконали ихъ подобнымъ же образомъ, пришелъ же и имъ конецъ...

— Большая разница. То лѣса, то нефтяное богатство...

Но тутъ начался ужъ общій разговоръ. Кто-то изъ пассажировъ, бывалый на мѣстахъ нахожденія нефти, сталъ утверждать и ручаться чѣмъ угодно, что эта пресловутая неизсякаемость наглый обманъ только, шарлатанство на очень скверный при томъ подкладкѣ и въ довершеніе всего сталъ предлагать какое угодно пари, что нефтяная изсѣкаемость изсякнетъ даже гораздо скорѣе, чѣмъ „Дятелъ“ съ К° покончатъ выручку Вятки и верхней Камы...

Вотъ тогда-то вы чѣмъ будете отапливать? предложилъ онъ вопросъ:—Все у васъ неизсякаема. И лѣсъ неизсякаемое, и Волга неизсякаемое, а опа

годъ отъ году все мелѣетъ—и нефть неизсякаемое... Я бы вамъ сказалъ, что у насъ неизсякаемое...

— Что? проговорилъ кто-то.

— Глупость... наша, поправился пассажиръ, желая видимо словамъ: наша, смягчить свое другое слово: глупость...

Разговоръ оборвался. Въ это время мы поровнялись съ какой-то бѣляной и съ нея опять раздался выстрѣлъ.

— Вонъ она, неизсякаемость-то! замѣтилъ кто-то. „Дятлу“ вѣдь это салютуютъ...

Незнавшіе что такое „Дятелъ“ и что это за выстрѣлы, начали разспрашивать бывалаго пассажира. Тотъ объяснилъ имъ точно также и то же самое, что объяснилъ мнѣ ранѣе капитанъ.

— Имъ бы еще ура ему кричать, замѣтилъ молодой человѣкъ, поднявши вопросъ о неизсякаемости.

— Вотъ этого еще не доставало, отвѣчали ему нѣкоторые изъ пассажировъ.

— Отчего-же?

— Хорошо-бы было...

Бѣляна прошла, разговоръ „изсякъ“ и публика стала расходиться. На мѣстѣ остались только двое стариковъ, очень почтеннаго вида, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жалостнаго. Я ужъ давно ихъ примѣчалъ: изящные, вѣжливые до крайности, они сидѣли и ходили все парочкой. Съ дамами эта любезность ихъ отличалась даже немного камическимъ оттѣнкамъ. На одной какой-то станціи одинъ изъ нихъ купилъ огромный букетъ розъ и ландышей и по-

томъ, разбивъ его на отдѣльные букетики, раздавали пароходнымъ дамамъ. Вскорѣ мы узнали отъ нихъ, что это два брата, С—кіе помѣщики, и ѣдутъ они на Кавказъ, на воды. Они занимали отдѣльную каюту въ первомъ классѣ, жизнь на пароходѣ вели по часамъ даже до смѣшного: вставали въ 8 ч. и пили кофе, въ 12 завтракали, въ 6 обѣдали и въ 12 опять уходили къ себѣ въ каюту.

— Иванъ Ивановичъ, говорилъ одинъ другому, показывая ему золотые часы.

— Да, да... сейчасъ, отвѣчалъ тотъ.

— Не несутъ! удивлялся Петръ Петровичъ.

Это они говорили объ обѣдѣ или объ завтракѣ. Положительно жили минута въ минуту и малѣйшее опаздываніе или оплошность какая прислуги причиняли имъ мученія. Но при добродушіи ихъ, всѣ на нихъ только любовались. Иванъ Ивановичъ для чего-то послѣ обѣда принималъ въ рюмкѣ съ водой три капли гофманскихъ капель.

— Для чего это вы? какъ-то спросилъ я его...

— А это давно мнѣ посовѣтовали...

— Но отчего именно?

— Для желудка.

— Укрѣпляетъ или слабитъ?

— Регулируетъ.

Теперь послѣ разговора объ разныхъ неизсякаемостяхъ, когда всѣ разбрелись—кто пообѣдать, кто чай пить, кто спать, кто просто ходить отъ нечего дѣлать по наружной галлереѣ парохода, мы

остались втроемъ, т. е. ихъ двое и я. Рѣчь зашла о Симбирскѣ и о томъ, какъ тамъ вообще живутъ.

— Вѣдь это самый дворянскій городъ, сказалъ я. Вѣдь вы всѣ тамъ *столбовые*.

— Какъ-же-съ. Гербъ намъ со столбомъ пожалованъ. Столбъ бѣлый въ синемъ полѣ, и на столбѣ золотая корона. Это послѣ пугачевскаго бунта намъ пожаловали. Симбирскъ вѣдь оставался все время вѣрнымъ...

— Какъ-же-съ. Объ этомъ вотъ и въ путеводителѣ сказано. Я вчера читалъ.

— Въ какомъ путеводителѣ? спросили они оба и не безъ нѣкотораго удивленія.

— А вотъ г. Монастырскаго.

— Тамъ что-же сказано?

— Тамъ много о дворянахъ сказано.

— У васъ есть?

— Нѣтъ, у меня нѣтъ, но тутъ у одного пассажира есть.

— Это любопытно-бы.

Я пошелъ доставать и вскорѣ принесъ его имъ. Они сидѣли все на томъ же мѣстѣ, на диванчикѣ, и съ нескрываемымъ, живѣйшимъ интересомъ принялись за книгу.

— Да, да... вотъ и объ Симбирскѣ... Да...

— Вотъ и о столбѣ вашемъ тутъ тоже сказано. И о дворянствѣ вообще...

— Это любопытно, любопытно... Ужасно любопытно, повторяли они.

— Вотъ, скажите, правда-ли о дворянахъ тутъ...

вотъ это мѣсто. Это тоже очень любопытно... вотъ это. И мы прочитали слѣдующее: „Послѣ пожара 1864 года, погорѣлый городъ не представлялъ уже ничего привлекательнаго и потому большинство проживавшихъ въ Симбирскѣ помѣщиковъ выѣхали отсюда на всегда; часть ихъ, болѣе достаточная, поселилась въ Казани... Казанскіе старожилы не забыли знаменитыхъ зимнихъ сезоновъ 1864—1866 гг., когда наѣхавшіе въ Казань симбирскіе помѣщики вызвали тамъ небывалое оживленіе. Они начали продолжать въ Казани то же веселую и роскошную жизнь, какую вели въ Симбирскѣ. Дворяне казанскіе, мнящія себя почему-то выше симбирскихъ, отставать нежелали...

— Правда, правда... Это такъ... Я помню... да... да... прервалъ Иванъ Ивановичъ.

— Тогда, помните еще Ч—ва, О—ва, Г—ва, тамъ отличались, замѣтилъ другой.

Я продолжалъ: „И вотъ явились оригинальная и крайне любопытная для будущаго историка „бальная конкурренція“. Болѣе всего соперничали туалетами и обстановками. Конкурренція эта, какъ и слѣдовало ожидать, окончилась полнѣйшимъ оскуденіемъ и тѣхъ, и другихъ... Послѣ столь сильнаго, „бальнаго“ возбужденія, наступила реакція: какъ симбирскіе, такъ и казанскіе дворяне поспѣшили съежиться, сократили расходы до минимума и для подкрѣпленія своихъ оскудѣвшихъ рессурсовъ старались пристроиться—или къ „выгоднымъ“

должностямъ на государственной службѣ или къ земскому пирогу"...

— Правда это?

— Ну, да... Т. е... Оно было, конечно, это оживленіе.

— И кончилось такъ печально?

— Ну, да вѣдь это... вѣдь это вездѣ...

— Я знаю... Но вотъ въ Симбирскѣ, говорятъ, это тогдашнее „оживленіе" особенно способствовало потомъ „оскудѣнію".

— Я не знаю какъ тогда въ другихъ губерніяхъ, сказалъ уклончиво Иванъ Ивановичъ,—въ другихъ вѣдь тоже... Да, конечно... Вотъ тогда Ч—ва, О—ва, И—вы, князья М—скіе, О—скіе разорились. Тогда у насъ дѣйствительно многіе разорились.

— Но пожили по крайней мѣрѣ?

— Н-да... Тогда весело было... Вотъ тогда молодые Ч—вы пріѣзжали изъ Петербурга. Одинъ братъ служилъ въ гусарахъ, а другой по дипломатической части...

— И жуировать пріѣзжали изъ Петербурга въ Казань?

— Въ Казань, не безъ оттѣнка гордости сказалъ Иванъ Ивановичъ...

Мы помолчали въ раздумьи.

По Волгѣ опять гулко раздался выстрѣлъ.

— Вонъ нынче чье время-то, кому салютуютъ-то,—„дятлу", сказалъ я.

— Когда мы будемъ проходить Жигули? спрашивали капитана.

— Утромъ, отвѣчалъ онъ.

— Рано?

— Изъ Симбирска выйдетъ съ разсвѣтомъ.

— Значитъ, такъ часовъ въ пять, въ шесть?

— Да, такъ часовъ въ шесть, въ семь.

И всѣ заказываютъ разбудить себя:

Надо этотъ курганъ посмотрѣть.

— Какой?

— А вотъ Стеньки Разина... На которомъ главный его станъ былъ.

— Да это не тутъ. Это развѣ въ Жигуляхъ. Это тамъ дальше, за Саратовымъ, объясняютъ новичкамъ опытные, бывалые пассажиры.

Но новички не соглашаются спорятъ:

— Помилуйте, какъ-же это такъ? Вѣдь Жигули—это былъ самый притонъ. Тутъ-то всѣ разбойники и жили.

— Да, но Стенькинъ курганъ-то находится не въ Жигуляхъ, а ниже, за Саратовымъ, какъ вамъ говорятъ.

— А вотъ позвольте, мы у капитана сейчасъ спросимъ. Извините пожалуйста, обращаются къ капитану: курганъ Стеньки Разина — это гдѣ будетъ? вѣдь въ Жигуляхъ.

— Кургановъ Стеньки Разина, сударыня, по Волгѣ сколько угодно. Какой курганъ не спросите—на всѣхъ онъ бывалъ, отвѣчаетъ капитанъ.

— Нѣтъ, а вотъ этотъ, знаменитый, который

мохомъ оброcъ? Вотъ этотъ извѣстный, историческій? Объ немъ еще пѣсня есть... подъ названіемъ „Утесъ“... сочиненіе Навроцкаго:

«Есть на Волгѣ утесъ
Весь онъ мохомъ оброcъ
Отъ вершины до самаго края»...

— Такого утеса, пожимая плечами, говоритъ капитанъ, не знаю... Такого утеса по Волгѣ даже и нѣтъ. Какой-же это такой утесъ мохомъ оброcъ? Они всѣ мелкимъ лѣсомъ обросли—дубнякомъ. Это отсюда, съ парохода, за версту, дѣйствительно, кажется, пожалуй, что это мохомъ, но только это, сударыня, не мохъ, а мелколѣсье, дубнякъ.

— Ну, все равно—мохъ, мелкій лѣсъ — а гдѣ этотъ курганъ?

Капитанъ — олицетвореніе терпѣнія и любезности—долго еще допытывается у нея, какой именно ей нуженъ бугоръ и, наконецъ, ужь, при помощи другихъ пассажировъ, тоже выпытывающихъ у молодой малокровной женщины какой ей нуженъ бугоръ, какъ будто догадываясь, про что она говоритъ, объявляетъ ей, что это она вѣроятно говоритъ про тотъ Стенькинъ бугоръ, который на Низовьѣ, за Саратовымъ, въ столбичахъ...

— Гдѣ?

— За Саратовымъ, на Низовьѣ.

— Нѣтъ, вы еще какъ-то сказали?

— Въ столбичахъ?

— Да. А это что такое?

— Такъ. Это берега обрывистые такъ называются у насъ.

Дама недовольна. И подумавъ немного, опять начинаетъ:

— Какъ-же мнѣ сказали, что это я увижу?

— Увидите.

— Да вѣдь это, вы говорите, за Саратовымъ, а я ѣду только до Самары? Вѣдь я на кумысъ ѣду.

— А! Въ такомъ случаѣ—нѣтъ, конечно...

— Но вы говорите, что тотъ самый главный... а есть и другіе? продолжаетъ она... Все равно вы мнѣ хоть одинъ какой-нибудь изъ нихъ покажите говоритъ она капитану.

Капитанъ раскланивается и идетъ къ другой группѣ, гдѣ его ужь давно ожидали. Его ужь раза два приглашали туда, но онъ не могъ все никакъ отдѣлаться отъ малокровной барыньки, приставшей къ нему съ курганомъ Стеньки Разина.

Но только онъ подошелъ къ новой группѣ, слышу я, задаютъ ему тотъ-же вопросъ:

— А когда мы попадемъ въ Жигули?

— Утромъ, такъ часовъ въ семь.

— А курганъ Стеньки Разина?

Это надо имѣть особое терпѣніе, совершенно ничего общаго не имѣющее съ обыкновеннымъ терпѣніемъ. Я прежде удивлялся все учителямъ и гувернанткамъ, ихъ терпѣнію повторять всю жизнь одно и то-же, объ одномъ и томъ-же. Теперь я знаю еще одну профессію — это капитаны пароходовъ. Ну, это мало если я скажу, что онъ въ этотъ

вечеръ разъ тридцать повторилъ, когда мы завтра придемъ въ Жигули и гдѣ бугоръ Стеньки Разина. Мнѣ надоѣло даже слушать: „Никакого моха, сударыня, на этихъ буграхъ нѣтъ. На нихъ лѣсъ, мелколѣсье: дубнякъ... Это издали только кажется, что это мохъ". — „Да какъ-же тамъ сказано?"— „Да мало-ли что сказано"... — „Нѣтъ, я помню, вотъ когда Сережа былъ студентомъ, такъ у него собирались его товарищи и пѣли... и тамъ сказано... я помню: „весь онъ мохомъ обросъ"...

— И это всегда такъ? И не надоѣло это вамъ? спрашивалъ у капитана, когда онъ, наконецъ, повидимому, отдѣлался отъ нихъ и усталый, присѣлъ къ столу выпить стаканъ чаю.

— Что-жь дѣлать. Это еще что! Вотъ посмотрите, что утромъ завтра будетъ, какъ Жигули начнутся-то.

— Да вы бы имъ путеводитель какой-нибудь купили и положили бы на столъ.

Онъ махнулъ рукой:

— Это все равно. Путеводителей, вонъ видите сколько. Это не поможетъ.

И дѣйствительно, путеводителей много, у каждаго почти въ рукахъ, и есть путеводители, составленные положительно хорошо, нисколько не хуже путеводителей, ну хоть по Рейну что-ли. Но нѣтъ, этого мало, хочется объясненій живого слова, хочется спросить видавшаго своими глазами, бывалаго человѣка, а не мертвую книгу. Къ этому прибавьте еще, что какой-нибудь Рейнъ, значеніе

и интересъ котораго для насъ русскихъ, неизмѣримо конечно меньше, чѣмъ интересъ и значеніе Волги,—этотъ Рейнъ мы знаемъ гораздо лучше нашей „великой рѣки“ и въ большинствѣ случаевъ мы съ нимъ, съ Рейномъ, лично, такъ сказать, знакомимся всегда почти прежде, чѣмъ съ Волгой. Сперва побываемъ на Рейнѣ, а ужь потомъ на Волгѣ...

Въ Симбирскѣ къ намъ на пароходъ сѣли два очень почтенныхъ и солидныхъ по виду старика, мѣстные помѣщики. Они оба ѣхали на Кавказъ, и—повѣритъ-ли читатель?—они, приволжскіе помѣщики, по Волгѣ ѣхали въ первый разъ!..

— Неужели это васъ никогда не интересовало,— проѣхаться по Волгѣ, ну, хоть такъ, полюбоваться на ея берега?

— Да что-жь? Я двадцать разъ на Рейнѣ былъ...

Это говорилъ человѣкъ лѣтъ семидесяти или около того, старый холостякъ, сохранившій до сихъ поръ прекрасныя, вполнѣ независимыя средства. Почти каждую зиму онъ ѣздилъ въ Петербургъ или заграницу, а на Волгѣ ни разу не былъ!.. А другой такъ еще лучше—въ первый разъ даже и видѣлъ-то Волгу въ эту свою поѣздку.

— Но позвольте, это даже невѣроятно, сказалъ я.

— Отчего?

— Да какъ же, вы въ Симбирскѣ же бываете?

— Ну, такъ чтожь?

— Какъ же вы Волги-то не видали?

— А-а. Вотъ вы про что. Это вотъ я вамъ какъ

объясню. Въ Симбирскѣ я бываю только когда выборы у насъ, а это всегда бываетъ зимой...

Вотъ тутъ и разсуждайте, какъ хотите... И этотъ тоже разъ десять или двадцать былъ заграницей и на Рейнѣ и вездѣ... Объ одномъ изъ нихъ, впрочемъ, я долженъ сказать, что это такой типъ, такой окурокъ, если можно такъ выразиться, стараго, крѣпостнаго времени, какихъ даже и я мало видывалъ. Это положительно сѣдовласый младенецъ,— человѣкъ хотя и сохранившій еще полную свѣжесть силъ, но одинъ, безъ прислуги, совершенно безпомощный: самъ онъ не могъ развязать себѣ чемодана, изъ умывальника не могъ самъ умыться — ему надо было, чтобы кто нибудь ему подавалъ... Для всѣхъ этихъ услугъ съ нимъ ѣздила женщина лѣтъ сорока пяти, бывшая горничная его жены— онъ вдовецъ—которая все это ему и дѣлала.

— Ну, а на Рейнѣ-то, Иванъ Ивановичъ, вы какъ же тамъ, съ ней ѣздите? спрашивали его.

— Тоже съ ней...

Разумѣется, и я велѣлъ, чтобъ и меня разбудили завтра, какъ только покажутся Жигули.

— Будьте покойны и безъ того спать не дадутъ, говорилъ капитанъ.—Весь пароходъ поднимется, не проспите.

Дѣйствительно, на утро чуть еще свѣтъ, а ужъ на пароходѣ началось движеніе. Я полежалъ еще, попробовалъ заснуть—неудалось; всталъ и взялъ путеводитель. Соотвѣтствующее положеніе на берегу называлось городъ Ставрополь. Въ путеводи-

телѣ объ немъ значилось: „Городъ возникъ вслѣдствіе рапортовъ, отзывовъ и во исполненіе предписаній“. „Построеніе города совершилось въ въ 1738 году. Здѣсь завели нѣсколько канцелярій и разныхъ должностей. Между чиновниками подѣлили казенныя земли и лѣса на сто верстъ кругомъ. Ассигновали значительныя суммы изъ казны на постройки“. Тогдашній начальникъ Оренбургскаго края г. Татищевъ предлагалъ назвать вновь основанный городъ „Просвѣщеніемъ“...

Но очень хорошо, что „Просвѣщеніемъ“ его не назвали, потому что чиновники, какъ и слѣдовало ожидать, и какъ во всемъ всегда и вездѣ они поступаютъ,—столицы калмыцкой изъ Ставрополя не сдѣлали, а завели только вокругъ него одну лишь мерзость и запустѣніе. Черезъ сто лѣтъ Императоръ Николай канцеляріи приказалъ закрыть и такимъ образомъ раззорилъ это совершенно лишнее и ни на что ненужное чиновничье гнѣздо.

— А сколько бы можно было еще раззорить этихъ гнѣздъ? невольно приходило въ голову, когда я читалъ исторію города „Ставрополя—Просвѣщенія“. Такъ-таки на нѣтъ свести, съ судьями, съ исправниками, съ купцами, даже съ уѣздными училищами. И никто бы даже этого не замѣтилъ. Только потомъ бы, черезъ годъ, черезъ два стало бы въ этомъ мѣстѣ какъ будто легче дышать. И больше ничего...

— Вставайте, послышался голосъ капитана, стучавшаго ко мнѣ въ дверь:—пойдемте на террасу пить кофе.

Утро было дивное. Волга—какъ зеркало. Слѣва, „такъ на полъаршина“, поднявшееся солнце освѣщало правый крутой берегъ, густо поросшій мелкимъ лѣсомъ.

— Ну, вотъ вамъ и „мохъ“, сказалъ капитанъ.

— А вѣдь похоже на мохъ... отсюда...

— Пожалуй... да, отсюда.

Пароходъ не плылъ, а, казалось, катился по зеркалу водъ.

— Какая очаровательная картина!

— Да вотъ какая: я десять лѣтъ ѣзжу здѣсь, сказалъ капитанъ, и, вѣрите-ли, каждый разъ любуюсь на нее съ новымъ и новымъ наслажденіемъ. Вотъ теперь тихая погода—одна картина. Вечеромъ—другая совсѣмъ. Буря если — опять совершенно новая. Я не понимаю, продолжалъ онъ, я сдѣлалъ три кругосвѣтныхъ плаванія, видѣлъ не мало славныхъ видовъ,—но я не понимаю, какъ это не ѣздятъ сюда любоваться Волгой. Ну, вы смотрите, ну развѣ это не роскошь? А налѣво-то, подъ солнце посмотрите... А туда вотъ, впередъ, на правый берегъ... вотъ этотъ поворотъ-то?..

Картина очаровательно хороша. Тишина и въ то же время ощущеніе могущества, силы, жизни. Воздухъ—казалось не надышешься имъ... И вдругъ мнѣ вспомнились „Аркадіи“ и „Ливадіи“, куда мы ѣздимъ „подышать чистымъ воздухомъ“ и кстати полюбоваться всѣми этими Цукками и какъ ихъ тамъ еще.

— И вѣрите-ли, продолжалъ мой собесѣдникъ,

человѣка, который ѣхалъ-бы сюда „безъ дѣла“, т. е. это такъ говорится,—а это ужь само по себѣ дѣло—рѣдко, рѣдко когда встрѣтишь.

— Да вотъ съ нами-то двое ѣдутъ: здѣшніе помѣщики и ѣдутъ по Волгѣ первый разъ. А на Рейнѣ побывали разъ по двадцати.

— Въ бурю здѣсь хорошо, продолжалъ онъ. Вотъ назадъ поѣдете, можетъ, Богъ дастъ, будетъ.

— Ну, ужь это-то пожалуй и лишнее будетъ, я вѣдь плохой пловецъ, сказалъ я.

— Да вы что-жь, боитесь утонуть? На эдакомъ пароходѣ-то?.. Нѣтъ, что вы! Ахъ какая картина въ бурю, да если еще вечеромъ, при закатѣ солнца...

У него глаза даже блестѣли при этомъ.

— Вотъ этотъ бугоръ называется „Дѣвичій Курганъ“, а вотъ тотъ, что прошли, теперь его ужь не видно, „Караульный Бугоръ“, а тамъ „Два Брата“... говорилъ онъ.

Я стоялъ и записывалъ названія въ книжку. Нѣкоторые бугры наскоро срисовывалъ тутъ-же карандашемъ.

— Вы вотъ что сдѣлайте. Вы когда нибудь, ну вотъ хоть на будущій годъ, пріѣзжайте сюда, да поживите здѣсь недѣлю, двѣ, три. Поѣздите по горамъ. Оттуда вотъ такъ виды на Волгу! Что вы здѣсь разсказовъ услышите про старину и про пустынниковъ—они не боялись разбойниковъ—и про разбойниковъ. Вѣдь это все еще живо здѣсь, вѣдь это все еще недавно было, всего какихъ нибудь

пятьдесятъ лѣтъ... А охота-то какая тутъ! Вѣдь тутъ и медвѣди въ этихъ горахъ есть...

Я слушалъ его разсказы, перелистывалъ путеводитель и дополнялъ одно другимъ. Интересныя свѣдѣнія о мѣропріятіяхъ, которыя принимались тогда, т. е. не позже какъ въ сороковыхъ годахъ противъ разбойниковъ. Сидѣли, бывало, они, т. е. эти молодцы, на какомъ нибудь высокомъ курганѣ и завидѣвъ судно, спускались къ берегу, въ кусты, отвязывали свои лодки и поджидали. Какъ только судно приближалось, раздавался крикъ: „сарынь на кичку!“ Бурлаки, тянувшіе лямку, ложились на землю, судорабочіе, находившіеся на суднѣ, выбѣгали на палубу и тоже ложились на носовой части судна—какъ тетерева—носомъ внизъ (кичка—носъ). Наступала мертвая тишина. Хозяинъ судна торопливо вручалъ деньги водоливу (старшему рабочему) для передачи ихъ разбойникамъ, а самъ въ своей каютѣ клалъ земные поклоны передъ иконой, освѣщенной лампадкой. Разбойники быстро взбирались на палубу и брали что понравится. Судорабочіе лежали неподвижно. Сопротивленіе влекло за собою истребленіе всѣхъ и разграбленіе всего добра и потопленіе судна.

Правительство принимало энергичныя мѣры противъ разбоя, но все было безъуспѣшно. Такъ продолжалось до первой четверти нынѣшняго столѣтія. Указомъ 21-го октября 1829 года сформированъ былъ для охраненія плавающихъ по Волгѣ судовъ полубатальонъ военно-рабочаго № 9 батальона. Че-

резъ девять лѣтъ онъ былъ преобразованъ въ гардинаутный экипажъ. Экипажъ состоялъ изъ 300 человѣкъ, дѣлился на три эскадры, имѣлъ 28 шлюповъ, вооруженныхъ пушками, и находился въ вѣдѣніи чиновниковъ путей сообщенія.

Эта эскадра не достигала своей цѣли и сдѣлалась для судохозяевъ едва-ли не страшнѣе разбойниковъ... Разбойники по крайней мѣрѣ, получивъ дань, не задерживали суда, а чиновники постоянно придирались съ разными формальностями къ судохозяевамъ: явились лихоимство, волокита и пр., и пр. Разгуливая мимо Жигулей „экипажъ“ останавливался у какого нибудь кабака, напивался пьянъ, палилъ изъ пушки, учинялъ въ деревняхъ всякаго рода дебоши и безобразія...

Прекращеніе разбоевъ въ Жигуляхъ начинается съ открытія въ 1845 году пароходства. И то, что не могли сдѣлать чиновники и даже вооруженные, просто и скоро сдѣлали пароходы. Въ 1847 году не было уже ни одного случая грабежа, *чему дотолѣ не было примѣра*, говорится въ министерскомъ отчетѣ.

Приближаясь къ Самарѣ, всѣ малокровные наши оживились и пришли въ движеніе.

— Въ Самару скоро теперь придемъ?

— Вы не знаете, гдѣ тамъ лучше остановиться?

Эти вопросы сдѣлались почти единственными на пароходѣ. И это не удивительно, потому что почти половина пассажировъ были малокровные, ѣхавшіе въ Самару на кумысъ.

Но вотъ вдали показалась Самара.

— А это что? Это губернаторскій домъ? спрашивали пассажиры, указывая на виднѣвшееся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на горѣ, въ зелени, какое-то большое зданіе съ балконами, минаретами, башнями.

— Гдѣ? Вотъ это-то? Нѣтъ, это дача Анаева, отвѣчали имъ бывалые пассажиры. Это тутъ кумысо-лечебное заведеніе устроено.

— Ахъ, здѣсь!

— Да тутъ это не одно. Ихъ тутъ еще нѣсколько.

Малокровные начинаютъ собирать свой багажъ, укладываютъ его и выносятъ въ общую каюту изъ каютъ. Прощаются съ остающимися. Слышатся пожеланія успѣха въ леченіи. Малокровные и чахоточные смотрятъ бодрѣе, улыбаются, въ ожиданіи увидѣть мѣсто своего выздоровленія. Великое дѣло—вѣра...

— Въ Самарѣ мы сколько пробудемъ? спрашиваю я кого-то изъ служащихъ на пароходѣ.

— Хотите съѣздить? Успѣете. Проѣзжайте по „Дворянской“ и сходите въ „Струковскій“ садъ. Больше тамъ смотрѣть нечего.

Издали Самара мнѣ показалась такой чистенькой, свѣженькой. Городокъ казался небольшой, но опрятный и почему-то непремѣнно оживленный.

— Въ городъ и назадъ, сказалъ я извозчику. Тамъ проѣдемся по Дворянской и я зайду погулять въ Струковскій садъ.

— Три рубля.

— Да вѣдь это всего-то часъ, ну, полтора.

— Ну, рубль, вдругъ сказалъ совершенно равнодушно извозчикъ.

На Волгѣ, на пароходѣ было тихо. Но только что мы стали подниматься въ гору, въ городъ— цѣлыя тучи мелкой, бѣлой пыли понеслись намъ на встрѣчу. Просто дышать стало нечѣмъ.

— Что это такое? отчего это вдругъ вѣтеръ? спросилъ я.

— А это ужь у насъ всегда, отвѣчалъ извозчикъ. У насъ всегда вѣтеръ. Каждый день вѣтеръ. Потому городъ на горѣ.

Подъемъ въ городъ крутой и ѣхать приходится поневолѣ шагомъ. Пыль по этому спуску невообразимая, бьетъ въ лицо, слѣпитъ глаза. По заведенному порядку, какъ это заведено по всему поволжью, во всѣхъ городахъ, уѣздныхъ и губернскихъ, эта пыль смѣшана съ вылущенными подсолнечными сѣмячками. Великая вещь,—я извѣдалъ теперь,—эти сѣмячки. Не будь ихъ, я не знаю чѣмъ бы наполнилась жизнь во всѣхъ этихъ городахъ, жизнь по крайней мѣрѣ, девяти десятыхъ ихъ обитателей... Надоѣстъ по Окѣ, Волгѣ, Дону и Азовскому морю вобла рыба, надоѣдаютъ, попадаясь на каждомъ шагу, раскрашенныя на жестянкахъ объявленія „Жоржа Гуле“ и „Антона Зингера“, но подсолнечныя сѣмячки выше всего. Съ ними спорить могутъ по распространенности развѣ однѣ только такъ называемыя малороссійскія рубашки. Съ Малороссіей онѣ не имѣютъ, конечно,

ничего общаго, но за то онѣ вывѣски неряшливовости. Сколько я ихъ не видалъ, онѣ всегда грязныя и я даже не знаю, моютъ ли ихъ когда-нибудь. Онѣ, должно быть, покупаются, надѣваются, и такъ и изнашиваются никогда не мытыя...

Самарская „Дворянская улица“ преоригинальная. Она идетъ поверху, по самой возвышенной части города и вся точно изорванная. Великолѣпный домъ особнякъ съ зеркальными стеклами, съ бронзовыми рѣшетками у балконовъ, на московскій манеръ, даже есть дома со львами на воротахъ;—а рядомъ съ этимъ особнякомъ тянутся заборы, какіе-то полуразрушенные и даже и совсѣмъ разрушенные деревянные домики. Потомъ опять роскошный особнякъ и опять лачужки и заборы. Среднихъ, такъ сказать, домовъ нѣтъ. Это удивительная вещь. Я, по крайней мѣрѣ, нигдѣ такой улицы не видывалъ.

Тутъ же, на этой „Дворянской“ улицѣ, вывѣски и двухъ-трехъ мѣстныхъ газетъ и типографій, помѣщающихся, конечно, не въ роскошныхъ палацахъ. Въ одну такую „редакцію“ я зашелъ: — Можно сегодняшній нумеръ у васъ получить?

— А вамъ зачѣмъ?

— Ахъ, Господи, ну такъ, хочу купить.

— У насъ не продается...

— Гдѣ же продается?

— У насъ надо на годъ подписаться...

Всѣ эти изданія очень бѣдныя, разумѣется, и если мнѣ правду говорилъ господинъ, съ которымъ я

бесѣдовалъ въ этой „редакціи“, ни одинъ листокъ не выходитъ въ количествѣ болѣе двухсотъ экземпляровъ.

— Чѣмъ же вы тогда можете существовать?

— Да вѣдь это и издается... при типографіи своей... у кого есть своя типографія, ну и издаетъ... Концы еще сводятъ кое-какъ. Объявленія...

Но какія-же тамъ объявленія!.. Я купилъ листки всѣхъ трехъ сортовъ и во всѣхъ-то въ нихъ и на десять рублей не было объявленій. Но это все-таки „пресса“, а о провинціальной прессѣ — это я въ другой разъ и особо поговорю.

Казавшійся мнѣ почему-то съ парохода оживленнымъ, городъ Самара, въ дѣйствительности, совершенно мертвый. Улицы пустыя—всѣ точно покинули городъ. Попадались если дрожки съ кѣмъ-нибудь:—такъ это ѣхавшіе съ парохода малокровные и чахоточные больные, съ нами же пріѣхавшіе въ Самару. Но вотъ на углу какой-то улицы я наткнулся совершенно неожиданно на роту солдатъ. Ихъ велъ откуда-то и куда-то офицеръ колоссальнаго роста, длинный, худой и замѣчательно блѣдный. Солдаты-же, точно для контраста, все маленькіе, кругленькіе, толстенькіе, и съ раскраснѣвшимися щеками. Неловко было спросить, какой это полкъ, но я не видывалъ никогда такихъ маленькихъ солдатъ... Рота прошла и опять все точно въ выморочномъ городѣ—ни души.

— Ну, тутъ хорошо у васъ... Теперь пошелъ въ Струковскій садъ, сказалъ я извозчику.

Мы ѣхали опять назадъ по той-же Дворянской улицѣ. Струковскій садъ, оказалось, на томъ концѣ улицы, съ котораго мы поѣхали осматривать городъ.

Струковскій садъ—огромный садъ, но расположенъ какъ-то такъ странно, что можно почти-что мимо его проѣхать и его не замѣтить. Это садъ такой, какіе были прежде у богатыхъ и зажиточныхъ помѣщиковъ въ нашихъ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ. Мнѣ онъ очень понравился, напомнилъ сады разныхъ моихъ дяденекъ, тетенекъ, у которыхъ когда-то я, бывало, гащивалъ по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ. Кому-то пришла счастливая мысль развести и устроить такой именно садъ и здѣсь на берегу Волги...

Въ саду вокзалъ и даже два. На рѣзныхъ фонарныхъ столбахъ у входа наклеены желтыя и зеленыя афиши, объявленія объ имѣющемъ быть сегодня вечеромъ спектаклѣ.

— Но гдѣ-же публика для этихъ спектаклей? невольно думалось при этомъ. Неужели она собирается сюда изъ этихъ выморочныхъ городскихъ домовъ, что стоятъ и на „Дворянской“ и на другихъ улицахъ?

Ужасно это безмолвіе городовъ русскихъ, ужасно это отсутствіе въ нихъ какого бы то ни было движенія.

Я еще разъ обошелъ пустынный, тѣнистый садъ и возвратился на пароходъ.

Отъ нечего дѣлать, я взялъ „путеводитель“ и началъ его просматривать. Тамъ подъ заглавіемъ:

„Самара“ стояло: „Нынѣшняя Самара—роскошный цвѣтокъ, распустившій на нашихъ глазахъ“...

— Цвѣтокъ!..

VIII.

Во всѣхъ путеводителяхъ Саратовъ называется столицей Поволжья. Вѣроятно по этой причинѣ лучшая гостинница въ немъ называется „Столичной“. Гостинница дѣйствительно хорошая, устроенная по образцу лучшихъ гостинницъ Петербурга и Москвы и, кромѣ того, хороша она еще и въ томъ смыслѣ, что сразу же, какъ въѣхалъ въ нее, чувствуешь ужь въ какую „столицу“ попалъ. Замѣчательна эта вещь—я знаю въ провинціи нѣсколько такихъ гостинницъ—все хорошо, свѣжо, чисто,—ни вони, ни чаду изъ кухни, сервировка прекрасная, прислуга—лучше и желать нечего и въ тоже время чувствуешь, что это никому ненужно, никто этого не требуетъ, по крайней мѣрѣ въ такой мѣрѣ, что все это лишнее и заведено и существуетъ по какому-то, такъ сказать, недоразумѣнію. И вотъ, точно такое впечатлѣніе производитъ и самъ городъ Саратовъ. Вы ѣдете или идете по немъ и видите, чувствуете, ощущаете даже почти, что всѣ эти вывѣски вродѣ „Публичной библіотеки“, „Музея“ и проч. пустые совершенно звуки, ровно ничего не выражающіе и никому ни на что ненужные. Совершенно тоже самое впечатлѣніе, какъ при видѣ въ гостинницѣ, въ буфетѣ, запыленныхъ чашекъ полоскать ротъ, серебряныхъ вазъ замора-

живать шампанское, мельхіоровыхъ штучекъ для варки яицъ и проч. и проч. Никто ихъ никогда не требуетъ, куплены они по недоразумѣнію, въ предположеніи, что ихъ будутъ требовать и такъ они съ тѣхъ поръ, какъ куплены, и стоятъ безъ употребленія.

— Э-э, братецъ, городъ-то у васъ того... говоришь потомъ корридорному.

— Да, это-то такъ, ужь извѣстно... скучный у насъ городъ, отвѣчаетъ онъ. И тутъ же, точно проникая въ ваши мысли, добавляетъ:—Только ужь это у насъ въ гостинницѣ на счетъ чистоты и порядка, какъ заведено хозяиномъ, такъ чтобъ и...

Столичный волжскій городъ Саратовъ изукрашенъ массой такихъ, никому ненужныхъ мельхіоровыхъ штучекъ для варки яицъ.

— Что, мой милый, ванну у васъ можно ужо вечеромъ имѣть? спрашиваю я лакея.

— Можно-съ... Только надо теперь-же заказать. А то... и онъ запнулся.

— А что? переспросилъ я.

— Да вѣдь водопроводъ у насъ эдакой вѣдь... И онъ опять остановился.

— Какой эдакой?

— Односторонній, такъ сказать-съ...

„Односторонній водопроводъ“!.. Чортъ знаетъ что такое. Я, никогда не слыхавшій о такихъ водопроводахъ, конечно сталъ разспрашивать, что это за штука и штука оказалась прелюбопытной. Вотъ въ чемъ дѣло: вода проведена такъ, что чистая при-

ходитъ, а грязная уходить сама не можетъ, потому что отводныхъ трубъ не проложено. Воду чистую получаютъ по трубамъ, а грязную вывозятъ на лошадяхъ въ бочкахъ. Этотъ удивительный водопроводъ и называется „одностороннимъ“.

— Вѣдь это же возня страшная, говорилъ я. Отчего же это не приложить отводныхъ трубъ?

— Нѣтъ-съ, оно вѣдь ничего... Оно конечно надо лошадь держать, грязную воду вывозить, потому на дворахъ выливать не велятъ...

И вотъ, дѣйствуетъ параллельно—водопроводъ и водовозъ. Такого водопровода, какъ этотъ, украшающій „столичный“ городъ Саратовъ, кажется, нигдѣ въ мірѣ еще нѣтъ.

Жара, пыль ужасная стояла, когда я попалъ въ Саратовъ.

— Гдѣ бы тутъ у васъ походить, погулять вечеромъ? спрашивалъ я.

— Гуляній много-съ Для чистаго воздуха—загородный садъ Вакурова... Такъ, если въ городѣ—соборный садъ. Если на счетъ пѣвицъ—Барыкинскій вокзалъ. А то еще „зимній“ садъ Корнѣева...

Я выбралъ загородный и взялъ извозчика. Проѣхавъ верстъ пять, мы приблизились къ рощѣ. Какая-то загородочка. У загородочки стоятъ два городовыхъ. Извозчикъ остановился.

— Это что?

— Тутъ слѣзать надо.

— Это и есть садъ?

— Нѣтъ, надо вамъ туда пойти. Туда ѣхать нельзя, говорилъ городовой.

Почему нельзя—неизвѣстно, такъ какъ никакихъ видимыхъ причинъ для распоряженія не пускать нѣтъ: пустое песчаное мѣсто десятины въ двѣ ни чѣмъ и ни кѣмъ не занятое.

Нечего дѣлать, сошелъ съ извозчика и пошелъ пѣшкомъ туда, гдѣ виднѣлись слѣдующая загородка и стояла будочка. Песокъ по щеколодку. У будочки стоитъ какой-то франтикъ; въ будочкѣ сидитъ розовая прерозовая дѣвица съ курносымъ носикомъ.

— Билетъ?

— Позвольте.

Я вхожу и... ну такъ-таки буквально никого нѣтъ, я одинъ. Человѣкъ десять лакеевъ стоятъ прислонившись къ деревьямъ .Песокъ въ саду выше еще чѣмъ на площадкѣ, нога положительно вязнетъ въ немъ. Я обошелъ „садъ“, т. е. прошелъ насквозь рощу и вернулся назадъ.

— Что это такая пустота?

— Къ Барыкину новыхъ пѣвицъ должно быть привезли—всѣ туда и ударились, объяснилъ лакей.

— А тутъ много иногда бываетъ народу?

Да вѣдь тутъ ничего нѣтъ... Одинъ воздухъ только. Для воздуху если кто пріѣзжаетъ...

Я вошелъ въ какое-то строеніе, предназначенное очевидно на случай дождя—пустота. Огромное, старинное въ краснаго дерева рамкѣ, зеркало. По стѣнамъ объявленія Жоржа Гуле. На диванчикѣ одиноко сидитъ околодочный и спитъ.

— Дай чаю стаканъ, сказалъ я, выходя на террасу, и человѣкъ шесть лакеевъ кинулись подавать мнѣ его.

Я просидѣлъ часа полтора—ни души не пріѣхало „подышать воздухомъ“ — и тѣмъ же порядкомъ, увязая въ пескѣ, отправился домой.

Было уже поздно. Въ городѣ зажгли огни. Вѣтеръ п однимавшій цѣлыя тучи пыли пыли, затихъ, улегся

— А гдѣ еще у васъ собираются? спросилъ я извозчика.

— Брыкинскій вокзалъ.

— Это далеко?

Брыкинскій „вокзалъ“, правильнѣе, Брыкинскій вертепъ,—это учрежденіе кстати, въ мѣрку, пришедшееся совершенно по плечу населенію „столицы“ и было полно жизни и оживленія и движенія. Двѣнадцать дѣвицъ-пѣвицъ, взявшись за руки, по двѣ по три штуки въ рядъ, разгуливали по платформѣ. Сидѣвшіе подъ навѣсомъ мужчины подзывали то тѣхъ, то другихъ и громко, нисколько не стѣсняясь, на слуху у всѣхъ, вступали съ ними въ соглашенія.

— Вѣдь врешь ты, что надо хозяйкѣ выкупныхъ десять рублей платить?

— Ей-богу же надо. Ну спросите у Надьки. Точно вы не знаете...

— Да, если теперь тебя взять, а послѣ второго дѣйствія?

— Все равно. Пока публика вся не разойдется.

— Да она отсюда, чортъ ея знаетъ, когда разойдется.

— До тѣхъ поръ намъ и нельзя. У насъ съ хозяиномъ такое условіе.

— А десять рублей если заплатить тебѣ можно?

— Тогда можно.

— Да что я пьянъ что-ли, или дуракъ,—десятъ рублей еще твоей хозяйкѣ платить?

— Ну, такъ и нельзя.

— Чортъ знаетъ что! И полиція это знаетъ и позволяетъ. Вѣдь послѣ этого, развѣ это хоръ? Это вѣдь какъ называется?

— Марья Ивановна, а Марья Ивановна! раздается съ другой стороны.

Марья Ивановна съ другой дѣвицей-пѣвицей переходятъ къ другому столику. Тамъ дѣло короче. Два купца молча вынимаютъ бумажники, достаютъ по красненькой, передаютъ ихъ молча дѣвицамъ и только добавляютъ, и то скороговоркой: — Только поскорѣй. Накинь на себя что нибудь и—въ „Татарскую". Тамъ спросите насъ, пріѣзжіе изъ Нижняго, молъ, гдѣ?.. Дѣвицы проходятъ съ гордымъ видомъ и исчезаютъ въ какихъ-то дверяхъ. Купцы тоже поднимаются:

— И странное, братецъ, это у нихъ обыкновеніе, брать это выкупное еще. И вездѣ это ныньче такъ заведено, по всей Волгѣ, что у насъ въ Нижнемъ, что здѣсь, все одно...

Оставшіяся не разобранными дѣвицы, въ числѣ шести-семи, начинаютъ собираться на сцену въ закрытый сарай. Публика потянулась туда. Въ сараѣ разставлены рядомъ стулья. У входа въ эти

ряды стоитъ какой-то жидъ и собираетъ билеты. Наконецъ пѣвицы запѣли:

«Его родны-ы-ы-е не узнали,
«Спросили во-о-о-о-ина: кто ты?»

И сиплый, пьяный басъ сзади подхватываетъ: „Кто ты“?!!

Я знаю очень многихъ саратовскихъ помѣщиковъ, но теперь они не были въ сборѣ, время было глухое и потому здѣсь, въ этомъ увеселительномъ мѣстѣ я встрѣтилъ только трехъ-четырехъ изъ нихъ.

— А! давно пріѣхали? и проч.

— Скажите, спрашивалъ я одного моего друга, неужели это и все?

— Да чтожъ, лѣтомъ-то? Въ Вокуровскомъ саду были?

— Былъ.

— Ну, тамъ почище.

— Да тамъ никого нѣтъ.

— Скучно тамъ. Тутъ все-таки пѣвицы... Въ клубѣ вы не были? Вотъ это вѣдь клубъ у насъ тутъ помѣщается, вотъ тутъ.

Онъ указалъ на дверь.

— А въ клубѣ что?

— Да ничего. Тутъ трое въ карты играютъ. Сейчасъ тамъ былъ. Скука. Здѣсь хотя поютъ.

И это единственное мѣсто развлеченія города съ стотысячнымъ населеніемъ!..

— Давно-таки вы не были въ Саратовѣ. Вы се-

годня только пріѣхали? Не узнаете его. Музей у насъ, публичная библіотека. Не были еще, не видали? говорилъ мой другъ, но говорилъ такъ, какъ будто онъ показывалъ мнѣ случайно имъ гдѣ-то найденное окаменѣлое страусовое яйцо, рогъ носорога и т. под.

— Вотъ завтра пойду, посмотрю.

— Есть замѣчательныя вещи: столъ письменный Тургенева. И какой маленькій!.. Замѣчательно. Ну, потомъ картинъ масса. Голова бегемота. Это ужь тутъ найдена. Волга вѣдь осыпается, то есть берегъ ея, ну и находятъ черепа, монеты... У меня въ имѣніи копье нашли—такъ не поднять его—желѣзное и ручка желѣзная. Какъ только имъ сражались?

— Да это ломъ у тебя нашли, а вовсе не копье, смѣется другой собесѣдникъ.

— Ну вотъ, не знаю я—ломъ или копье!

Ахъ, какая скучная эта „столица". Что то невыразимо щемящее, пришибленное что-то чувствуется послѣ каждой вотъ такой встрѣчи, послѣ каждаго такого разговора. И это замѣчательнѣе всего—вѣдь всѣ они сами-же чувствуютъ это. Чувствуютъ и ничего не могутъ. Всѣ точно остановились на половинѣ дѣла—начали его и потомъ остановились... Дѣло заскорузло, застыло, а они понимаютъ это и точно хотятъ оправдаться въ чемъ-то, но только не въ этомъ дѣлѣ, а по поводу его, и притомъ на кого-то хотятъ свалить что-то... Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе я выносилъ повсюду, вездѣ, и вынесъ его изъ Саратова...

И „Радищевскій музей“ и „публичная библіотека“, которые я зашелъ посмотрѣть на другой день, производятъ своимъ видомъ, своей пустотой, своей этой случайностью, такъ сказать, безпричинностью своего существованія, такое же точно гнѣтущее впечатлѣніе. Стоитъ онъ, этотъ музей—очень хорошее зданіе—среди площади, какъ гробъ какой и мертвенная тишина въ немъ тоже какъ гробовая точно. Зачѣмъ онъ, для чего, кому онъ нуженъ здѣсь? Никого въ немъ и нѣтъ. Совсѣмъ страусовое окаменѣлое яйцо, случайно найденное и лежащее на шкапу.

— Что это у васъ?

— Страусовое яйцо.

— Какое большое...

— Что это такое?

— Столь Тургенева.

— Какой маленькій...

Совершенно одно и тоже. И эта случайность, безпричинность, ненужность здѣсь „музея“ сказывается и въ самомъ подборѣ вещей въ немъ—все случайное — все окаменѣлыя страусовыя яица... Столь Тургенева и голова носорога, какія-то монеты и чьи-то, какого неизвѣстнаго художника, эскизы...

Въ „публичной библіотекѣ“ никого нѣтъ—совсѣмъ пустая...

И такъ я радъ былъ, когда, наконецъ, опять очутился на Волгѣ, на пароходѣ, опять пошли крутые, обрывистые, желтые берега справа и зеленые, далекіе, заливные берега слѣва.

За Саратовымъ Волга дѣлается все шире и шире доходитъ до четырехъ и болѣе верстъ въ ширину Красота ея здѣсь удивительная. Особенно здѣсь хорошъ правый обрывистый, крутой берегъ. Мѣстами точно стѣна какого-то колоссальнаго кремля. Самая глубь подъ этими стѣнами и пароходы, и суда идутъ здѣсь близко отъ берега.

Начались особенно высокіе обрывы и кручи въ видѣ скалъ, оборвавшихся въ воду—начались опять и разговоры о Стенькѣ Разинѣ и его бугрѣ. Опять у всѣхъ въ рукахъ путеводители и всѣ читаютъ: „Верстахъ въ 10—12 ниже пристани Банновки (близь деревни Лапоть) видѣнъ съ парохода обрывъ къ Волгѣ, носящій названіе бугра Стеньки Разина. Шилань или бугоръ имѣетъ видъ столбообразнаго утеса сажень въ шестьдесятъ вышиною, отдѣляется отъ сосѣднихъ, сходныхъ по очертанію, возвышенностей, широкими оврагами. Говорятъ, что на бугрѣ есть яма, гдѣ содержались плѣнные. Говорятъ, что въ ней много находятъ костей. По преданію, Стенька долго жилъ на этомъ бугрѣ. Жилье у него было богатое, все дорогимъ бархатомъ обито, а на самомъ шиханѣ стояло кресло съ насѣчкой изъ слоновой кости. Съ этого кресла онъ разсматривалъ проходящія суда и чинилъ расправу. Только платкомъ бывало махнетъ—судно сейчасъ останавливается. Большой у Стеньки кладъ въ бугрѣ царитъ только взять его до сихъ поръ никто не могъ“...

— Н-да, ищи-ка его тамъ, говоритъ пассажиру, молодой человѣкъ.

— А что, вотъ вы не вѣрите, спросите капитана, онъ вамъ скажетъ, возражаетъ ему степеннаго вида, съ баками солиднѣйшаго фасона, другой пассажиръ:—я не знаю, тотъ ли это кладъ, но только одинъ кладъ въ этомъ году здѣсь найденъ.

Всѣ настораживаютъ вниманіе.

— Господинъ капитанъ. Вѣдь найденъ здѣсь въ этомъ году кладъ? громко говоритъ солидный пассажиръ, обращаясь къ капитану, сидящему на другомъ концѣ, длиною во всю комнату, стола.

— Какъ же-съ, найденъ, отвѣчаетъ капитанъ.

— И большой, говорятъ?

— Около пуда золота.

— Да-а? Да-а-а! отрывисто слышится кругомъ.

И капитана забрасываютъ вопросами: когда, гдѣ, кто именно нашелъ, куда его, этотъ кладъ дѣвали и т. д., и т. д.

— Украли, коротко говоритъ капитанъ. Нашелъ его мужикъ. У него и украли... Нашелъ онъ его вотъ тутъ въ бугрѣ, многимъ показывалъ, видѣли его—это не выдумки какія... И пошелъ онъ черезъ нѣсколько дней обмѣнять эти старыя золотыя монеты на новыя или бумажки къ одному купцу, съ которымъ договорился объ этомъ... Тотъ и укралъ.

— А ты, говоритъ, мужичекъ постой вотъ тутъ у меня въ передней, а я сейчасъ вынесу тебѣ деньги... Мужикъ-то стоялъ, стоялъ, никто къ нему не выходитъ, онъ и пошелъ самъ въ другія комнаты. А тамъ приказчикъ того купца сидитъ. Тебѣ,

говоритъ, что нужно?—Хозяина, онъ кладъ у меня взялъ размѣнять... Пошелъ, говоритъ, дуракъ, какой у тебя кладъ? И хозяина-то нѣтъ дома, съ утра въ Саратовъ уѣхалъ...

— Такъ и кончилось?

— Дѣло было и до сихъ поръ идетъ. Съ нашего парохода двухъ свидѣтелей вызывали, которые у него золотыя монеты видѣли... Нашихъ двое рабочихъ...

Послѣ обѣда, продолжая разсуждать объ этомъ кладѣ, пассажиры собрались на наружной галлереѣ парохода любоваться закатомъ солнца, уходившаго за бугры и отвѣсныя скалы праваго берега.

— Вотъ-съ, объ этомъ кладѣ толкуютъ, возлѣ меня заговорилъ, обращаясь ко мнѣ повидимому торговаго званія человѣкъ, типа московскаго „образованнаго“ купца:—объ этомъ кладѣ говорятъ, а вотъ этого не видятъ, что подъ ногами у насъ разсыпается и даромъ валяется.

Онъ кивнулъ головой на Волгу.

— Т. е. вы про что?

— А вотъ про пятнушки-то эти.

— Про какія? сказалъ я и взглянулъ на воду.

— Что это такое? невольно воскликнулъ я. Неужели это нефть?

— Нефть. А то что-же...

Тамъ вотъ, на Волгѣ, въ верховьяхъ я видѣлъ пятна плавающей нефти, но тутъ это были ужь не пятна, а цѣлыя полосы, широкія, длинныя и видно этихъ пятенъ масса.

— Откуда же ихъ такая масса? Вы смотрите-ка: и тамъ вотъ, и тамъ...

— Суденышко какое-нибудь разбилось, а вѣрнѣе просто протекло... равнодушно отвѣтилъ купецъ. Да-съ, этотъ кладъ-то почище и подороже будетъ, а вонъ, изволите видѣть, какъ съ нимъ обращаются.

Я сказалъ, что я ужь видѣлъ это же самое, только въ меньшихъ размѣрахъ, на Волгѣ же, тамъ, выше, и сталъ у него распрашивать, отчего же этому не положатъ конецъ. Нельзя же такъ загаживать Волгу, такъ отравлять ее.

— Стало быть можно-съ...

— Отчего же не сдѣлаютъ обязательнымъ перевозить нефть и проч. что изъ нефти добывается, въ желѣзныхъ судахъ?

— Штуки все-съ.

— Т. е. какія?

— Много ихъ... разныя... Вѣдь вотъ изволите бывать въ Петербургѣ когда?

— Ну, бываю.

— Изволите видѣть, какъ тамъ ночью чухонцы возятъ золото? Вѣдь чтобы ни-ни пролить нечистоту. Даже жидкостями разными опрыскивать велятъ. И тамъ ужъ онъ, коли этимъ дѣломъ заниматься захотѣлъ, отнѣкивайся не отнѣкивайся, все равно, а чтобы телѣжка твоя была въ исправности, а не то возить не позволятъ... Ну-съ, а здѣсь можно... Это, говорятъ, если запретить, будетъ торжество капиталистовъ-монополистовъ...

Это мы говорили и разсуждали часовъ въ 7 вечера. А такъ часа черезъ два, часу въ десятомъ, случаю угодно было представить намъ еще и великолѣпную иллюстрацію къ этому.

На пароходѣ начали было ужь кое-кто укладываться спать, какъ вдругъ раздался крикъ: впереди горитъ чье-то судно или пароходъ. И вслѣдъ затѣмъ во всѣ окна показалось страшно свѣтлое, яркое зарево. Гдѣ? Что? Всѣ кинулись на наружную галлерею. Впереди насъ, такъ въ верстѣ, дѣйствительно, горѣло что-то яркимъ, огромнымъ пламенемъ на рѣкѣ.

— Давайте бинокли. У кого есть бинокли? раздавалось въ темнотѣ на галлереѣ.

— Это барка горитъ, отвѣчали тѣ, у кого были бинокли и кто смотрѣлъ въ нихъ.

— Барка... Ахъ, это съ нефтью!.. Это нефтяная барка горитъ...

Болѣе трусливыя начали кричать, чтобы мы остановились, не шли дальше, такъ какъ нефть можетъ разлиться и можемъ и мы загорѣться.

— Да и такъ полна Волга ею...

— Ну, и до насъ доберется.

Поднялась страшная суматоха. Гдѣ капитанъ? Капитана сюда! Нѣтъ, это нельзя же такъ...

Явился капитанъ.

— Нѣтъ, господа, не безпокойтесь, ничего, успокаивалъ онъ.

—Да помилуйте, какъ не безпокоиться. По всей Волгѣ нефть плыветъ и до насъ огонь можетъ добраться.

— Ничего, мы далеко пройдемъ, успокаиваетъ капитанъ. Ну, что-жь дѣлать? Пускаютъ по Волгѣ плавать эти брандеры—ничего не подѣлаешь. Когда нибудь ужь до бѣды конечно.

— Да отъ кого это зависитъ?

Капитанъ только машетъ рукой: а, дескать, не все ли это равно—отъ кого? и говоритъ что-то на ухо своему помощнику.

— Вы что говорите?

— Ничего, такъ. Не безпокойтесь.

— Да нѣтъ, что? пристаютъ къ нему ближайшіе.

— Не безпокойтесь — ничего, успокоиваетъ онъ, смотря въ бинокль на горящее судно, пожаромъ котораго нашъ пароходъ роскошно, и страшно, и величественно освѣщенъ, и опять передаетъ что-то вполголоса своему помощнику.

— Тамъ люди горятъ?

— Нѣтъ, не видно.

— А что же вы говорите?

— Чей пароходъ буксировалъ баржу—вотъ что. Ее должно быть, какъ она загорѣлась только, отрѣзали и бросили. Вонъ полчаса назадъ, вы видѣли, прошелъ буксирный пароходъ съ нефтяными баржами. Эта баржа изъ этого каравана должно быть. Ахъ ты, Господи...

— Капитанъ, да прикажите дальше намъ отойти, а то вѣдь совсѣмъ близко мы идемъ, слышатся чьи-то голоса въ темнотѣ.

— Далеко, далеко. Это только такъ кажется... ночью... по водѣ, отвѣчаетъ имъ капитанъ.

— Взрывъ можетъ быть.

— Нѣтъ, какой же взрывъ.

— Какъ какой? Помилуйте, керосинъ взрываетъ же.

— Брандеры! Именно брандеры. И это допускаютъ на рѣкѣ, по которой ходятъ взадъ и впередъ шестьсотъ пароходовъ и десятки тысячъ деревянныхъ судовъ съ товаромъ!.. Да что же это такое? Неужели же никому дѣла до этого нѣтъ? Этого нигдѣ въ мірѣ нѣтъ. Это именно брандеры, выпущенные непріятелемъ...

Съ горящаго судна поднимаются огненные языки и пламя высоко взлетаетъ и вьется совершенно черныхъ клубахъ дыма. Но мы уходимъ все дальше и дальше отъ этой ужасной картины брошеннаго огня. Пароходъ бѣжитъ полнымъ ходомъ.

— А это что? Вонъ впереди огоньки?

— Это? Это бѣляна. Вотъ ей опасно; если она подойдетъ близко, особенно если бы вѣтеръ былъ. Но она нейдетъ, стоитъ на мѣстѣ. Эти огоньки на ней для того, чтобы мы не наскочили на нее, объясняетъ капитанъ.

— Брандеры. Конечно брандеры. Чистые брандеры, говорила публика, уходя съ наружной галлеріи, когда горящее судно осталось далеко позади насъ. Эдакъ мы вѣдь ничѣмъ не гарантированы, что ночью еще не налетимъ на какое нибудь нефтяное судно и оно загорится въ самый моментъ, когда мы будемъ проходить возлѣ него. Господинъ капитанъ!..

— Да что-жъ я сдѣлаю? Вѣдь это тоже странно, господа. Точно это отъ меня зависитъ. Я бы, разумѣется, запретилъ ихъ. Хочешь возить нефть, торговать ею—вози въ безопасныхъ судахъ. Такъ конечно нельзя. Когда нибудь кончится скверно.

— Да отъ кого это зависитъ?

Но капитанъ опять машетъ рукой—дескать: ну, не все-ли вамъ равно, и уходитъ внизъ, въ машинное отдѣленіе.

Въ публикѣ долго еще слышится слово „брандеръ“ и она долго еще не расходится по каютамъ, какъ-то особенно, хотя и совершенно понятно возбужденная и встревоженная.

Въ самомъ дѣлѣ, отъ кого это зависитъ?..

IX.

— Вѣдь это теперь Царицынъ будетъ?

— Царицынъ.

— Да что тамъ замѣчательнаго? Ну, картузъ и палка Петра Великаго... Нобелевскій городокъ... Да больше-то ничего, отвѣчалъ капитанъ.

— А мы долго тамъ пробудемъ?

— Нѣсколько часовъ... Часа три, четыре.

— Такъ что, значитъ, успѣемъ съѣздить осмотрѣть городъ?

— О, да.

Пароходъ медленно подходилъ къ высокой кручѣ на которой расположенъ городъ Царицынъ. У этой кручи есть, впрочемъ, спуски-овраги, а когда мы

подошли ближе, оказалось, что и самая эта круча вовсе не такая крутая и высокая, какъ это намъ казалось издали.

Царицынъ былъ послѣдній городъ на Волгѣ, который я долженъ былъ „прослѣдовать“ согласно условію между мною „и другими заинтересованными въ предпріятіи лицами“, какъ выражались въ такихъ случаяхъ нѣкогда при составленіи уставовъ банковыхъ и желѣзнодорожныхъ обществъ. Здѣсь я долженъ былъ выйдти и пересѣсть на Волго-Донскую дорогу, чтобы ѣхать дальше по Дону.

Я началъ прощаться съ моими спутниками которые оставались на пароходѣ и должны были ѣхать къ общему сборному пункту чрезъ Астрахань и Каспійское море. Дорогой и особенно на пароходахъ ужасно свыкаешься съ людьми. Я прожилъ вмѣстѣ какой-нибудь мѣсяцъ и мнѣ ужь было тяжело разставаться. Моряки, совершающіе вмѣстѣ кругосвѣтное плаваніе, говорятъ, свыкаются на всю жизнь и я этому вѣрю.

— Такъ какъ вы поѣдете черезъ Тифлисъ, то ужь вы не позабудьте и на мою долю относительно персидскихъ-то ковровъ, говорили мнѣ.

— Нѣтъ, не забуду. Вы-то вотъ только — вѣдь вы раньше моего проѣдете—не забудьте и на мою долю разныхъ тамъ мервскихъ, текинскихъ подыскать, отвѣчалъ я.

— Счастливецъ! Мы въ эдакой пустынѣ будемъ скитаться, а онъ поѣдетъ по Кавказу, гдѣ и такая природа, и такія женщины!..

— Что даже демонъ въ нихъ влюбился?

Когда отходитъ поѣздъ Волго-Донской ж. д. въ Калачъ, на пароходѣ съ достовѣрностью не было извѣстно, и потому я поспѣшилъ прямо съ парохода на вокзалъ, отказавшись отъ осмотра и палки Петра Великаго, которая, говорятъ, огромная, и Нобелевскаго городка, въ которомъ, говорятъ, устроены чудовищные „склады“ керосина.

О Царицынѣ, такимъ образомъ, я ничего не не могу сказать. Я видѣлъ его только, такъ сказать, поперекъ, такъ какъ я проѣхалъ его поперекъ—отъ пристани парохода до желѣзнодорожнаго вокзала. Ничего, городъ какъ городъ, только я не знаю, отчего вмѣсто мостовой на улицахъ насыпано на поларшина песку? Должно быть во время вѣтра очень хорошо выходитъ.

Еще Петръ Великій, какъ извѣстно, хотѣлъ соединить Волгу съ Дономъ и велѣлъ даже рыть каналъ. Были сдѣланы изысканія, ассигнованы на это суммы и назначены инженеры-строители. Но и Петръ Великій ничего, какъ видно, не могъ подѣлать съ инженерами. Начальникъ работъ казенныя деньги бралъ себѣ, солдатъ, рывшихъ каналъ, не кормилъ, а когда дѣло дошло до представленія отчета по работамъ, то онъ, зная, что провести Петра все-таки нельзя, и, предчувствуя, что его ожидаетъ навѣрняка, велѣлъ заложить въ коляску „тройку борзыхъ лошадей“, разогналъ ихъ и съ крутого берега бросился въ Волгу. Въ послѣдствіи однако этотъ примѣръ не находилъ себѣ подражателей

среди инженеровъ за совершенной въ немъ не надобностью...

Вмѣсто канала теперь устроена желѣзная дорога и, надо правду сказать, преотвратительная. Я, конечно, не знаю и не могу судить, какъ устроено полотно и прочее „строеніе“, но вокзалъ, вагоны, станціи и буфеты ужасны. Она, положимъ, дорога небольшая, всего съ чѣмъ-то шестьдесятъ верстъ, но за что же тогда брать такія же деньги съ пассажировъ, какъ и на дорогахъ, гдѣ и станціи, и вагоны благоустроены?

На вокзалъ я пріѣхалъ, оказалось, еще слишкомъ рано до поѣзда, т. е. до отхода его оставалось еще добрыхъ часа полтора, а то и всѣ два.

— А можетъ и раньше еще пойдемъ, сказалъ какой-то господинъ въ желѣзнодорожной фуражкѣ.

— Т. е. какъ это? спросилъ я. Развѣ у васъ поѣзда не по росписанію ходятъ?

— По росписанію, только сегодня тутъ есть одна маленькая заковычка, отвѣчалъ онъ.

— Какая же такая?

— Ну, да это тамъ дѣло семейное... И онъ такъ и не сказалъ.

Я ужь не знаю, въ срокъ ли мы пошли или нѣтъ. Отъ нечего дѣлать я прилегъ у входа въ „вокзалъ“ (комическое зданіе) на какой-то диванчикъ и отлично уснулъ. Меня ужь разбудилъ звонокъ и я едва поспѣлъ въ вагонъ.

Въ „путеводителѣ“, который я раскрылъ, уѣзжая изъ Царицына, объ этомъ городѣ сказано:

„Благоустройства здѣсь не полагается“. „Берегъ осыпается ежегодно все больше и больше и образуется отмель“. „Подобно тому, какъ это вышло уже въ Саратовѣ, есть основаніе надѣяться вполнѣ, что черезъ нѣсколько лѣтъ и въ Царицынѣ инженерныя работы по расчисткѣ пристаней и русла будутъ стоить милліоны“. „Съ закатомъ солнца царицынцы сплошными массами устремляются въ „Конкордію“—небольшой ихъ садикъ“. „Царицынскія барышни вообще довольно миловидны“. Про царицынскій театръ (есть и театръ) тамъ же говорится: „Порой увлеченія въ театрѣ игрою и пѣніемъ доходятъ до того, что всѣ зрители—старъ и младъ, богатый и бѣдный—всѣ начинаютъ подпѣвать актерамъ. Умилительное и оригинальное зрѣлище представляетъ тогда царицынскій театръ: невольно и самъ заражаешься общимъ одушевленіемъ и тоже подпѣваешь, а на душѣ становится такъ весело, легко“... Относительно „дубинки Петра Великаго“ сказано: „дубинка вырѣзана изъ черешни и размѣровъ солидныхъ“.

На этомъ я и покончилъ съ „путеводителемъ“, отперъ чемоданъ и положилъ его туда. Начались новые виды, новыя сцены, новый совсѣмъ характеръ дороги. Удивительно странно было какъ-то ѣхать, послѣ такого обилія воды, какъ на Волгѣ, по совершенно безводной, пустынной и совсѣмъ выжженной солнцемъ степи.

Начиналась жара. Въ вагонахъ—маленькихъ, кажется меньше конно-желѣзныхъ—грязныхъ и обо-

дранныхъ, была духота. Оконъ отворить нельзя было—они не отворялись: весной былъ дождь, они намокли, разбухли, ихъ покоробило и съ тѣхъ поръ они не отворяются.

— Вѣдь это невозможно,—говорили мы пришедшему къ намъ оберъ-кондуктору провѣрять наши билеты.

— Объ этомъ ужь заявлено-съ, — успокаивалъ онъ насъ.

— Кому заявлено?

— Въ правленіе.

— А гдѣ ваше правленіе?

Я не помню, онъ сказалъ, кажется, что ихъ правленіе въ Петербургѣ. Что-то въ родѣ этого, потому что вызвалъ этимъ общій хохотъ.

— Да вѣдь не отъ насъ, господа, это зависитъ,— говорилъ онъ. Ну, развѣ я, оберъ-кондукторъ, могу тутъ что-нибудь сдѣлать?

— Заявляйте, требуйте, ссылайтесь на пассажировъ.

— А вы думаете не заявляемъ? Вы думаете намъ это пріятно? Выслушивать-то эти упреки? Вѣдь не вы одни.

Кондукторъ былъ малъ ростомъ и видъ имѣлъ такой-же вылинялый и жалкій, какъ и вагоны и вообще вся обстановка дороги.

— Оставьте его, — кто-то сказалъ: — вы видите, какой онъ несчастный. Онъ еще, смотрите, заплачетъ сейчасъ...

Кондуктора оставили, но объявили ему, чтобы съ

первой же станціи онъ перевелъ насъ въ другой вагонъ, гдѣ окна отворяются, или чтобы прицѣпили новый.

— Всѣ не отворяются, заплакалъ онъ.

— Новый прицѣпите.

— Нѣтъ у насъ новыхъ.

— Фу ты пропасть какая! За что же вы деньги берете?

— Развѣ я виноватъ...

— А, да что на нихъ смотрѣть! — раздалось вдругъ въ вагонѣ и вслѣдъ за тѣмъ лязгъ и звонъ разбитаго стекла: — Деньги берутъ, такіе-сякіе, а объ этомъ не подумаютъ? Ну, такъ вотъ получи они съ меня за это стекло, — кричитъ, весь побагровѣвъ, пассажиръ, казавшійся, какъ я вошелъ только въ вагонъ и все время такимъ тихимъ и кроткимъ:—И скажи это своему начальству, — говорилъ онъ обезумѣвшему просто кондуктору, что я и всему твоему начальству, если оно станетъ ко мнѣ приставать, всю мо-р-р-р-ду...

Передъ такимъ пассажиромъ кондукторъ такъ растерялся, что не пошелъ дальше и провѣрять билетовъ въ ту половину вагона, гдѣ сидѣлъ воинственный пассажиръ, а пятясь все задомъ, задомъ вышелъ и захлопнулъ за собою дверь, какъ дѣлаютъ это укротители, выходя изъ клѣтки львовъ.

Я невольно разсмѣялся.

— Да что-же съ ними, такими-то (онъ выразился очень рѣзко), подѣлаешь иначе, говорилъ самъ какъ бы съ собою пассажиръ, прехладнокровно вынимая и выбрасывая изъ рамы оставшіеся и торчавшіе по уг-

ламъ кусочки стекла. И ни одна бестія, вотъ вы увидите, не посмѣетъ и подойти ко мнѣ. Знаю ужь я ихъ.

Кто-то сталъ возражать:—Ну, онъ бѣдный, этотъ несчастный кондукторъ заплатитъ изъ своихъ — развѣ все равно, вы достигаете цѣли?

— Достигаю. Онъ не заплатитъ, будьте покойны. Отнесутъ на счетъ дороги, все-таки мнѣ удовлетвореніе: съ меня они взяли деньги, и вотъ онѣ прахомъ у нихъ пошли... Нѣтъ, позвольте вамъ замѣтить, если бы всѣ такъ поступали, какъ я, такъ окна у нихъ всегда бы были исправны, отворялись. А то одинъ пропустилъ, другой молчитъ, а они этому и рады. Вы думаете у нихъ совѣсть есть? Знаемъ мы, что такое ихъ правленія-то желѣзнодорожныя. У нихъ если казну обираютъ, акціонеровъ своихъ обираютъ, такъ ужь на насъ-то, на пассажировъ, они и подавно смотрятъ, какъ на овецъ своихъ.

Въ словахъ его было много правды, и всѣ соглашаясь съ нимъ говорили:

— Это-то такъ... Да... Конечно. Это дѣйствительно.

— Да, они знаютъ меня, бестіи, продолжалъ, хитро подмигивая, пассажиръ.

— Часто ѣздите тутъ?

— Не часто, а звонко. Я имъ всякій разъ тутъ звону этого задаю. Ужь если я разъ по какой дорогѣ проѣду, меня знаютъ въ другой разъ. И вотъ если по почтовымъ, по шоссейнымъ—тоже... Знаютъ, бестіи. И вы можете думать, что я ихъ въ морду

когда бью?.. Ни... Никогда. Зачѣмъ? Вовсе этого и не нужно... объяснялъ пассажиръ.

Онъ мнѣ понравился, заинтересовалъ, и я вступилъ съ нимъ въ разговоръ:

— Такъ какъ же вы тогда?

— А очень даже просто. Вы вотъ, напримѣръ, записываете въ штрафныя книги? спросилъ онъ.

— Не случалось, сказалъ я.

— Ну, вы значитъ мало путешествуете... Или у васъ, можетъ, такой характеръ...

— А вы записываете часто?

— Никогда. Это совсѣмъ напрасный трудъ. Ну, запишите вы, что-же изъ этого? Ну, оштрафуютъ его на пять рублей, ну на десять, наконецъ. Нѣтъ, вы такъ сдѣлайте, чтобы потомъ цѣлый переполохъ у нихъ вышелъ, чтобы они не знали что и сдѣлать съ вами. Вотъ съ ними какъ надо поступать! Вотъ какъ ихъ, бестій, надо учить!

— Но тогда что же вы дѣлаете съ ними?

— Что?.. А вотъ что-съ, вставая съ своего мѣста и подходя, подкрадываясь ко мнѣ, точно чтобы кинуться на меня,—вотъ что-съ... И онъ сдѣлалъ какой-то странный жестъ рукой:—трр... проговорилъ онъ. Вы понимаете? Поняли меня?

Я смотрѣлъ на него, стараясь понять, но ничего не понималъ.

— Я вырываю листъ изъ штрафной книги... Только... Больше ничего.

Я все еще не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Вотъ какъ начнутъ у него эту книгу смо-

трѣть,—объясни онъ тогда, куда у него этотъ листъ подъ № такимъ-то дѣвался... Объясни онъ это. Вѣдь можно подумать, что я тамъ заявленіе о выкраденныхъ ими у меня деньгахъ написалъ, а онъ, чтобы скрыть это, взялъ да и вырвалъ листъ... Понимаете теперь? И онъ обвелъ насъ всѣхъ глазами:—это единственное, чего они боятся, и я всегда такъ... Единственное, торжественно и съ разстановкой заключилъ онъ:—Мало вы путешествовали... Не знали этого... Позвольте-ка, проговорилъ онъ какъ бы желая что-то посмотрѣть въ окно. Я посторонился. И вдругъ онъ опять трахъ—и окно въ дребезги.

— Ну, что вы дѣлаете?

— Ничего-съ, повѣрьте, я знаю, что я дѣлаю, говорилъ онъ, и опять съ пресерьезнымъ уже лицомъ выбиралъ изъ рамы и выбрасывалъ осколки стекла:—Вотъ и у васъ теперь тутъ будетъ лучше воздухъ. Нельзя же-съ съ ними такъ церемониться... Вы мало путешествовали...

Удивительный господинъ. Въ выбитое окно врывался хотя и свѣжій, чистый, но горячій, раскаленный степной воздухъ. Ни деревца, ни кустика, ни одной даже травки зеленой не было видно—все выжжено, все выгорѣло, все желто-грязное, одна безконечная ровная степь и ни одного признака на ней жизни. Только развѣ одни черненькія кучки земли, работа кротовъ, напоминали, что тутъ есть еще хоть что нибудь живое. Ни одной птицы, ни одного селенія. Даже дорогъ нѣтъ, что всегда тя-

нутся по сторонамъ желѣзнаго рельсоваго пути. Ни одной подводы, ни одного всадника мы не встрѣтили на протяженіи всѣхъ шестидесяти четырехъ верстъ.

— Неужели эта степь всегда такая голая, сожженная? спросилъ я въ вагонѣ.

— Всегда почти въ это время. Но нынче особенно ужь. Весной ранней все это въ зелени, вся степь зеленая, отвѣчалъ мнѣ бывавшій здѣсь весной пассажиръ, очевидно изъ здѣшнихъ мѣстъ:— Ранней весной здѣсь бываетъ очень даже хорошо; народъ вы видите, косятъ; овцы, быки—цѣлые гурты.

— А теперь куда все это попряталось?

— А тамъ дальше, туда, по низамъ, къ Дону ближе.

Ужасная, удручающая дорога.

— Вонъ смотрите-ка... Вонъ прыгаетъ... видите? спросилъ меня мой сосѣдъ, тоже смотрѣвшій въ окно.

— Вижу. Что это такое?

— Земляной зайчикъ. Тушканчиками ихъ здѣсь зовутъ. Ихъ много здѣсь.

Онъ высунулся въ окно еще больше, заглянулъ впередъ и проговорилъ: А-а... вотъ ужь и Калачъ видѣнъ. Скоро придемъ.

— Вы не знаете, когда по Дону пароходъ отходитъ? спросилъ я.

Пассажиръ разсмѣялся и только махнулъ рукой:—Этого и на пароходѣ-то и сами они не знаютъ, сказалъ онъ.

— Какъ же это?

— Да также. Вы вотъ увидите сейчасъ.

И увидалъ!.. Поѣздъ приходитъ, кажется, часа въ два. Вокзалъ желѣзнодорожный помѣщается недалеко отъ пристани пароходства. Надо пройдти саженъ сто и затѣмъ спуститься по песчаной, обвалившейся, осыпавшейся дорогѣ внизъ и будетъ прямо къ пристани. Когда я съ носильщикомъ,—извозчиковъ не полагается — несшимъ мои чемоданы, пришелъ къ пристани, она была, уже полна, биткомъ что называется набита и награмождена кромѣ того еще чемоданами, сундуками и узелками пассажировъ.

— Когда отходитъ пароходъ?

— Неизвѣстно.

— Какъ-же такъ?

— А такъ—неизвѣстно.

— Да есть-же росписаніе?

— „По приходѣ—отходитъ, по отходѣ—приходитъ...“ Вотъ вамъ и все росписаніе.

— Да не можетъ быть.

— Посмотрите сами, спросите.

Я оглянулся направо, налѣво—росписаній нигдѣ не вывѣшено, спросить некого. До кассы не доберешься, потому что толпа такая, что дай Богъ и черезъ часъ-то попасть въ очередь. А пассажиры все прибываютъ и прибываютъ. Въ толпѣ я замѣтилъ какого-то господина въ форменной—пароходной или желѣзнодорожной формы—фуражкѣ.

— Скажите пожалуйста, вы служите здѣсь? Когда мы пойдемъ?

— А вотъ-съ, какъ пароходъ.

— Да когда онъ?

— Какъ готовъ будетъ.

— Да онъ къ которому часу долженъ быть готовъ?

— По времени ужь... долженъ бы былъ быть здѣсь... нерѣшительно отвѣтилъ „служащій“.

— Отчего же его нѣтъ?

Онъ улыбнулся сладко—печальной улыбкой—дескать что-жъ подѣлаешь—и поднялъ плечи:—А вы не хотите-ли, можетъ быть, закусить, чайку выпить? вдругъ проговорилъ онъ: — Отдохнуть съ дороги? Вотъ тутъ — онъ указалъ на громадный какой-то пароходъ у берега—все есть: это плавучая гостинница. Вы думали, можетъ быть, это пароходъ? Нѣтъ, это у насъ гостинница. Тамъ и номера, и все есть... Тамъ нѣкоторые дня по три и больше живутъ... Дожидаются.

Это былъ очень пріятный сюрпризъ для меня.

— Т. е. какъ же это дня по три дожидатся? Это, значитъ, и мы будемъ три дня, можетъ быть, дожидать?..

Онъ разсмѣялся звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, кокетливо поправивъ свой розовый галстукъ и проговорилъ: нѣтъ, вы пойдете сегодня. Я не могу вамъ сказать часа, но сегодня навѣрно. Пароходъ ужь подходилъ было къ пристани, но началъ повертываться и сѣлъ на мель. „Нахичевань“ его оттащила и теперь онъ во-о-о-онъ тамъ, во-онъ, видите, бѣлое? Это онъ, и онъ тамъ повертывается.

Какъ повернется, такъ его сейчасъ сюда приведутъ.

— Какъ приведутъ? А самъ онъ развѣ не можетъ подойти?

— Не можетъ. Онъ очень великъ. Мы изволите видѣть, сдѣлали маленькую ошибку. Эти пароходы не годятся для Дона. Это волжскіе пароходы. Ну, а такъ какъ у насъ правленіе въ Петербургѣ, тамъ этого не сообразили и заказали такіе... Маленькая ошибка—не разочли... Вѣдь у насъ все такъ, продолжалъ болтать либеральный служащій. У насъ вѣдь все такъ, до чего не коснитесь. У насъ вѣдь все ужасно, что дѣлается. Вы вѣдь вообразить себѣ не можете, что у насъ дѣлается. Если это вамъ поразсказать, вы ахнете просто...

— Матвѣй Семеновичъ! крикнулъ кто-то оттуда, отъ самаго борта пристани.

— А? Что? отозвался „служащій".

— „Нахичевань" то никакъ пошла, да и сама не мель сѣла.

— Сѣла! воскликнулъ, точно обрадовавшись, „служащій". Ну, я такъ и зналъ, что она сядетъ Я вѣдь говорилъ вамъ, что она сядетъ.

— Это надолго? почти съ отчаяніемъ спросилъ я.

— Теперь надолго, весело сказалъ „служащій"... Да вы-бы въ гостинницу. Ну, что тутъ вамъ стоять? Мужичье, вонъ, говорилъ онъ дѣлая гримасу смотря на толпу на пристани.

Я стоялъ въ раздумьи. Что же это въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же это кончится? Такъ вѣдь пожалуй и не уйдемъ, дѣйствительно, сегодня?

— Да ужь вы мнѣ скажите правду—уѣдемъ мы сегодня или нѣтъ? сказалъ я.

— Уйти—должны уйти, сказалъ „служащій, поднимая плечи, но ручаться не могу. По правдѣ, по совѣсти, что называется, не могу. Если вотъ „Нахичевань“, въ самомъ дѣлѣ, сѣла, тогда ихъ самъ чортъ не растащитъ.

— Съ кѣмъ не растащитъ?

— А съ „Дмитріемъ Донскимъ“... на которомъ вотъ вы поѣдете.

Я плюнулъ и пошелъ съ пристани въ гостинницу.

Гостинница эта дѣйствительно преоригинальная. Вообразите себѣ огромный, сѣвшій на мель пароходъ—это и будетъ гостинница. Въ ней есть и общій залъ и каюты—совсѣмъ какъ на пароходѣ. Даже сдѣланы такія-же наружныя галлерейки—балкончики, какъ на пароходахъ, и выкрашены они снаружи и внутри, какъ пароходы, бѣлой же краской.

— Америка, чортъ возьми, задирая голову вверхъ и разсматривая гостинницу—пароходъ, говорилъ идя впередъ меня какой-то господинъ, точно чающій движенія воды.

Гостинница была полна народа. За общимъ столомъ не было мѣста. Всѣ ѣли, пили, Кто хохоталъ, обтерпѣвшись, наконецъ, надъ своимъ положеніемъ, кто ругался.

— Да что вы подѣлаете? Ну ругайтесь, сердитесь, не сердитесь—все равно, слышится справа, слѣва, впереди, позади.

— Да нельзя же такъ.

— А вотъ, видно, можно. Ну, что-жъ вы подѣлаете? Ну, вотъ они ужь здѣсь... Вы который день здѣсь сидите и дожидаетесь?

— Два дня третій.

— Ну вотъ изволите видѣть: два дня третій.

— И ничего не подѣлаютъ. И можетъ быть и нынче еще не пойдемъ. Потому „Нахичевань“ сѣла— это ужъ очевидно. Надо, стало быть, оттуда, съ низу дожидаться когда какой нибудь пароходъ придетъ, чтобы стащилъ ее.

Но нѣкоторые примирились уже со своимъ положеніемъ и молчатъ или отупѣли они отъ несчастія и оттого молчатъ.

— Ну, я спать пойду къ себѣ, слышится, говоритъ кто-то. Господи, если, паче чаянія, замѣтите, произойдетъ тамъ движеніе какое, будетъ похоже, что мы пойдемъ сегодня, разбудите пожалуйста.

— Я тоже, вотъ только поѣмъ и тоже уйду спать. Что же тутъ дѣлать?

— Господи, Боже мой, молится дама. Вѣдь это ужасно, что съ нами дѣлаютъ?!

И вдругъ оттуда, съ балкона—галлерейки раздается крикъ:—Повернулась! „Нахичевань“ повернулась!

— Повернулась? восклицаютъ и здѣсь у насъ, за столомъ.

— Повернулась, сейчасъ только повернулась, осадила назадъ и повернулась, объясняютъ, подавая котлетки, лакеи. Она эдакъ назадъ сперва, а потомъ и повернулась.

— Да вѣдь это „Нахичевань“ повернулась, а мы развѣ на „Нахичевани“ пойдемъ? Вѣдь мы на „Дмитріѣ Донскомъ“, спрашиваютъ пассажиры.

— Это все равно. Ужъ если „Нахичевань“ повернулась, она пойдетъ. Она его сейчасъ за чубъ схватитъ и поведетъ. Если только ужь повернулась...

Мы почти всѣ вышли на галлерею—балконъ смотрѣть на то, что такое тамъ вдали происходитъ. У кого были бинокли, смотрѣли въ нихъ. Простымъ невооруженнымъ глазомъ можно было только видѣть, что направо въ концѣ узенькой преузенькой рѣчки—не шире или немножко, можетъ быть, шире „Черной рѣчки“ „подъ Самаркандомъ“—стоятъ совершенно неподвижно два какихъ-то парохода—одинъ маленькій, а другой бѣлый, колоссальный, двухъ или трехъ этажей.

— Какъ же онъ подойдетъ сюда? говорили про этотъ большой бѣлый.

— А онъ не подойдетъ—„Нахичевань“ его подведетъ.

— Да мѣста тутъ нѣтъ.

— Онъ такъ и подойдетъ. Отъ береговъ не больше какъ по сажени останется пустого мѣста.

— Да какъ же можно было завести тутъ такіе пароходы?

— Такъ ужь... Правленіе у нихъ вѣдь въ Петербургѣ... Все вѣдь у нихъ по чиновничьи...

И ужь наконецъ-то, наконецъ, показалась впереди „Нахичевань“, а за нею и бѣлый колоссъ съ

огромнымъ однимъ колессомъ позади, „Дмитрій Донской“ На носу у него стоялъ мужикъ и, длиннымъ шестомъ измѣряя фарватеръ, монотонно кричалъ: „проноситъ... проноситъ“...

— Вотъ-съ я тутъ ужо вечеромъ будетъ трое сутокъ какъ живу, сказалъ подходя ко мнѣ одинъ какой-то очень почтенный господинъ, и какъ только пріѣду въ Петербургъ, я тамъ разскажу объ этомъ.

Я посмотрѣлъ на него.

— Этого нельзя такъ оставлять, пресерьезно замѣтилъ онъ и пошелъ изъ гостинницы.

Странные есть люди.

— Ну посмотримъ, подумалъ я, когда мы наконецъ усѣлись на пароходъ и онъ тронулся,—что такое этотъ „Тихій Донъ“?..

ПО ТИХОМУ ДОНУ.

ПО ТИХОМУ ДОНУ.

Маленькій пароходъ „Нахичевань“ подтащилъ наконецъ громаду—колоссальный бѣлый пароходъ „Дмитрій Донской“.

— Бокомъ, бокомъ... ты его бокомъ ставь... Да не такъ, братецъ... ахъ, ты!.. кричали отъ насъ, отъ пристани. А оттуда намъ отвѣчали:

— Черти... Черти вы проклятые, да развѣ такъ можно? Гдѣ у васъ канатъ-то? Канатъ-то у васъ гдѣ?

Либеральный служащій, въ палевомъ съ розовымъ галстухѣ, только покачивалъ головой и весь какъ-то пожимался. Я стоялъ въ толпѣ, позади него, съ своими вещами и ждалъ когда наконецъ подтащатъ пароходъ вплотную и положатъ сходни. Палевый съ розовымъ галстухъ увидалъ меня и, весело улыбаясь и кивая мнѣ, сталъ протискиваться сквозь толпу, видимо съ желаніемъ сообщить мнѣ что-то.

— Вотъ видите, началъ онъ еще издали:—ну, что, я васъ спрашиваю, долженъ я здѣсь сдѣлать?

— Ахъ, отправить насъ и—больше ничего, сказалъ я. Но должно быть въ голосѣ моемъ было столько отчаянія, что онъ принялся меня утѣшать:—Нѣтъ, ужъ теперь-то вы навѣрно сегодня уйдете... Теперь-то ужъ никакого сомнѣнія быть

не можетъ. Опасность вотъ это тогда была, какъ „Нахичеванъ“-то сѣла. А теперь что... Нѣтъ, ужь вы не безпокойтесь... Онъ началъ даже какъ-то тянуться своимъ лицомъ ко мнѣ. „Да что онъ не не поцѣловать-ли ужь хочетъ меня?“ подумалъ я; но онъ тянулся, чтобъ сказать мнѣ на ухо, что тамъ, на пароходѣ, онъ ужъ устроитъ меня хорошо:—Я понимаю, вамъ нуженъ покой... Вѣдь мы немножко даже съ вами знакомы.

Я смотрѣлъ на него и ничего не могъ припомнить.

— Какъ-же. А у NN... Помните тогда?.. въ Одессѣ-то?..

— А-а-а, сказалъ я, хотя я отроду не бывалъ въ Одессѣ.

— Смотрю я нынче, вотъ какъ первый-то разъ мы съ вами говорили, знакомое, вижу, лицо, а никакъ не могу припомнить сразу-то гдѣ мы встрѣчались?.. Ольгу Васильевну давно видѣли?..

На мое счастье въ это время толпа хлынула—положили сходни и публика повалила на пароходъ. Подталкиваемый со всѣхъ сторонъ, можно сказать, несомый даже своими сосѣдями, едва удерживая вещи, чтобъ онѣ не вывалились изъ рукъ, я ужь и самъ не знаю, какъ я очутился на пароходѣ. Оттуда, съ пристани, которая теперь оказалась гдѣ-то позади, доносились крики, брань — кто-то ужасно бранился — кто-то кричалъ, что „этого“ нельзя такъ оставить и онъ будетъ жаловаться. Вдругъ возлѣ меня точно изъ земли выросъ опять

палевый съ розовымъ галстухъ и, схвативъ за руку, потащилъ меня куда-то все впередъ и впередъ.

— Каюта № такой-то не занята еще? кричалъ онъ кому-то. Не занята?—Ну такъ вотъ...

Я очутился въ каютѣ, маленькой темной комнаткѣ „на двухъ“.

— Ну такъ вотъ... Вы тутъ одни будете... Только не отпирайтесь. Запритесь и не отпирайтесь, наставлялъ меня мой удивительный добрый геній. Ни за что не отпирайтесь. Тамъ хотя бы и стучали—это все равно—не отпирайтесь. Запритесь—и вы ничего не знаете...

— А если я вещи положу, каюту запру, ключъ въ карманъ и уйду? сказалъ я.

— И это хорошо, согласился онъ. Главное, вѣдь, что? Всѣ вотъ теперь ищутъ какъ бы поудобнѣе имъ размѣститься, а тамъ ужь какъ размѣстятся-то... мѣста вѣдь всѣмъ хватитъ. Ишь чортъ какой, кивнулъ онъ пароходъ:—вѣдь это въ началѣ только, а тамъ, какъ утрясуться... Что вы улыбаетесь? Вы этого не слыхали? У насъ это всегда говорятъ. Да вотъ вы, поѣдете, услышите, капитанъ будетъ говорить, прислугу спрашивать: „утряслись пассажиры всѣ?“ Это ужь всегда такъ... да... утрясутся...

И вдругъ онъ что-то сообразилъ или увидалъ, скоро, скоро заговорилъ: „запирайте, запирайте... берите ключъ, пойдемте... Вы какъ будто ничего не знаете... Идите и вы ничего не знаете—какъ будто это до васъ не касается...

Не знаю, я тутъ ничего кажется дурного не сдѣ-

лалъ, но я чувствовалъ себя крайне смущеннымъ. Этотъ ключъ у меня лежалъ въ карманѣ, точно краденый какой, и я не зналъ куда мнѣ дѣваться. Вотъ, я слышу позади насъ кричитъ кто-то:—Позвольте, а эта каюта, она заперта? Въ ней же есть мѣсто можетъ быть?..

„Но, думаю я, сейчасъ это все обнаружится"... Я отдамъ ключъ, сказалъ я рѣшительно. Вы слышите, тамъ ищутъ его, кажется...

— Утрясутся!.. не безпокойтесь... Ужь если я вамъ говорю... Ну вотъ видите... Нашли же себѣ мѣсто? Да вы ужь лучше всего уйдите отсюда, вамъ какое дѣло... Уйдите вотъ на галлерею... Я вотъ только сейчасъ сбѣгаю и сейчасъ же назадъ, говорилъ онъ. Только вы смотрите, ключа ни-ни. Это ужь вы не безпокойтесь, это ужь не ваше дѣло... безъ васъ утрясутся...

И утряслись. Не прошло, мнѣ кажется, и четверти часа какъ всѣ ужь ходили по пароходу свободные, безъ дѣла—очевидно мѣста заняли и теперь ходятъ, оріентируются. Но я все-таки думаю, что это произошло оттого, что всѣ уже столько натерпѣлись за эти дни, ожидая отхода парохода, что были рады хоть куда бы нибудь, хоть гдѣ-бы нибудь притвнуться, только бы лишь уѣхать отсюда поскорѣй.

— Господи! Неужели пойдемъ? Неужели сегодня мы уйдемъ?

— Да ужь уйдемъ. Теперь ужь... что-жъ, сейчасъ звонокъ вонъ, говорятъ, будетъ.

— До Ростова вѣдь двое сутокъ? спрашиваетъ кто-то.

— Трое.

— Позвольте, сейчасъ капитанъ тутъ былъ... Гдѣ онъ? Надо его спросить. Вонъ онъ.

Я также иду слушать, что скажетъ капитанъ.

— До Ростова вѣдь двое сутокъ?

— Это отъ воды все. Какъ вода, отвѣчалъ капитанъ.

— Т. е. какъ отъ воды? По росписанію у васъ сколько?

— Да что-жъ росписаніе! Если воды нѣтъ, что-жъ вы подѣлаете.

— Но, позвольте, какъ же вы насъ сажаете и сами не знаете когда вы насъ доставите.

— Да если воды нѣтъ—что-жъ я подѣлаю?.. Ну, что-же, не могу же я по песку идти?

— А кто мнѣ отвѣтитъ, если я опоздаю къ сроку. У меня можетъ быть вексель?

Но капитанъ грустно и участливо улыбается, поднимаетъ плечи и молча пожимаетъ ими.

— Это однако мило! горячится пассажиръ. Но вѣдь такъ мы, можетъ быть, вмѣсто двухъ-то дней четыре пройдемъ.

— И восемь можетъ быть, отвѣчаетъ капитанъ... И какъ человѣкъ ужь ко всему приготовившійся, смотритъ ему прямо въ глаза.

— Вы шутите?

— Нѣтъ.

— Сюрпризъ! Это мнѣ нравится. Вотъ такъ

штука. Два дня тутъ въ этомъ проклятомъ Калачѣ дожидался, да теперь еще восемь дней изволь тащиться до Ростова. Когда же это я пріѣду?

— Я такъ думаю, объясняетъ капитанъ, что мы придемъ въ Ростовъ на четвертый день...

— Да вы сюда-то сколько шли изъ Ростова?

— Четыре.

— Почему?

— Мелѣетъ. Съ каждымъ днемъ воды меньше.

— Такъ это мы, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ восемь дней пройдемъ?

Капитанъ молчитъ.

— Позвольте, скажите-же. Объявите намъ, горячится пассажиръ. Эдакъ лучше мы на лошадяхъ поѣдемъ отсюда въ Царицынъ. Изъ Царицына въ Грязи и оттуда по Воронежско-Ростовской...

Въ публикѣ смѣются.

— Да что-же подѣлаешь? обращается пассажиръ... Если у насъ дороги такъ выстроены, что ни одной между ними поперечной нѣтъ?.. Нѣтъ, опять обращается онъ къ капитану,—нѣтъ вы, голубчикъ, ужь скажите намъ правду: когда, вы думаете, мы придемъ? Вѣдь это-же ужасно...

— Я вамъ говорю: надѣюсь, что на четвертый...

— Но не навѣрно?

— Ахъ, да какъ-же вы хотите, чтобы я вамъ ручался?

— Ну, развѣ это отъ меня зависитъ. Если-бы отъ меня, я бы на другой день васъ доставилъ.

— И потомъ, и зачѣмъ вы такіе огромные пароходы здѣсь завели? Ну, развѣ это можно?

— И это не отъ меня — я тутъ не при чемъ, отвѣчаетъ капитанъ.

— Но они, правленіе-то развѣ васъ не спрашивали, можно-ли здѣсь ходить на такихъ пароходахъ?

— Нѣтъ.

Пассажиръ въ свою очередь вздергиваетъ плечи, дѣлаетъ удивленное лицо—дескать, что-же это такое у васъ дѣлается? и, обращаясь по французски къ какому-то своему знакомому, беретъ его подъ руку и отходитъ.

Публика недоумѣвая, какъ и что это все съ нею будетъ, тоже расходится.

Проходитъ около часу въ скучнѣйшемъ шатаніи по пароходу. Наконецъ это начинаетъ всѣмъ надоѣдать. Слышатся вопросы:

— Когда-же мы пойдемъ?

— Да кажется еще не было звонка.

— Какой тутъ еще звонокъ. Ходятъ не по росписанію, а еще звонокъ имъ нужно. Слава Богу, довольно, кажется, дожидались, двое сутокъ жили— всѣ собрались—какіе имъ еще звонки нужны?

— Какъ-же съ, все-таки безъ звонковъ нельзя. Это обозначаетъ часъ отхода...

— А часъ прихода? остритъ кто-то.

— И часъ прихода. Тоже. Какъ-же? Они вѣдь должны отмѣчать когда вышли, почему опоздали? Какъ-же-съ. Это все по правиламъ. Нельзя-съ. Безъ этого невозможно, объясняетъ пассажиръ, одинъ

изъ тѣхъ ненавистнаго для меня типа людей, которые съ серьезнымъ лицомъ разсуждаютъ о пустякахъ и увѣрены, что говорятъ серьезныя вещи.

— Ну, да, замѣчаетъ кто-то. — Эта чепуха-то, формальность-то эта, конечно, у нихъ всегда въ порядкѣ, вотъ суть-то, въ чемъ самое дѣло-то— этого вы ужь у нихъ не спрашивайте. Вода низка! Извольте видѣть! Да они бы еще океанскіе пароходы завели—такъ по неволѣ вода будетъ низка. Вотъ звонки-то эти дурацкіе они наблюдаютъ, это знаютъ они. Они-бы дѣло лучше знали. Звонки!..

— Но позвольте, и безъ звонковъ тоже. Я говорю о порядкѣ... начинаетъ опять защитникъ звонковъ но раздосадованный пассажиръ его сразу осаживаетъ:

— А, перестаньте съ этой чепухой — важная очень штука эти ваши звонки... Что вы маленькій что-ли. Тутъ объ дѣлѣ говорятъ...

На Дону существуетъ одно только пароходное общество—именно „Общество пароходства по Дону и Азовскому морю“. Конкурренціи нѣтъ и потому нѣтъ и не можетъ быть и рѣчи ни о какихъ нововведеніяхъ, усовершенствованіяхъ—я ужь не говорю объ услужливости, предупредительности или хоть о простомъ даже вниманіи къ публикѣ. Если бы была конкурренція, это хорошо бы было и для самого пароходства, потому, что тогда правленіе зная, что если оно ничего не будетъ дѣлать, будетъ только спать, то другія общества заберутъ въ это время въ руки все дѣло; а они останутся на бо-

бахъ. Теперь-же, когда этой палки надъ нимъ нѣтъ, оно и знать ничего не хочетъ. Съ просонка, заказываетъ какіе-то дурацкіе пароходы, пристаютъ прямо къ берегу, гдѣ нѣтъ даже соломеннаго навѣса какого нибудь, чтобы укрыться въ случаѣ дождя. Кухня и прислуга на пароходахъ просто феноменальна по своей неопрятности и вони. И все это потому только, что нѣтъ конкурренціи.

— Неужели другого нѣтъ пароходства? спрашивали пассажиры.

— Нѣтъ.

— На Дону-то и нѣтъ? Помилуйте, эдакая рѣка и одно только пароходное общество.

— Да другому-то и негдѣ быть. Ну, какъ вы пройдете—при эдакомъ чортѣ? Встрѣтитесь если—вамъ разойтись негдѣ.

— Да это-то вздоръ. Это можно ихъ заставить другіе пароходы завести. Они еще вздумаютъ перегородки какія ставить. Нѣтъ-съ, это-то что, это пустяки, на это нечего смотрѣть...

— Конечно, если завесть здѣсь легкое срочное пароходство, ну хоть такіе пустить пароходы, какъ вотъ отъ Лѣтняго сада въ Петербургѣ отходятъ—масса будетъ пассажировъ...

Наконецъ раздались какіе-то свистки, звонки. На пароходѣ все оживилось, послышались слова капитана, сверху, съ балкончика, отдававшаго приказанія туда, внизъ, какимъ-то мужикамъ, стоявшимъ на носу парохода.

— Наметка гдѣ у тебя?

— Вотъ она, отвѣчаетъ мужикъ, показывая какой-то раскрашенный шестъ.

— Все время съ наметкой. Слышишь?

— Слышу, лѣниво отзывается голосъ снизу.

Пароходъ едва замѣтно сталъ трогаться.

— Идетъ или нѣтъ?

— Идетъ... Нѣтъ... Нѣтъ, идетъ. Вы видите, смотрите, дерево-то двигается...

— А вотъ назадъ теперь...

— Осаживаетъ, а потомъ опять впередъ.

Въ такомъ странномъ состояніи мы пробыли по крайней мѣрѣ съ четверть часа—не то идемъ, не то не идемъ. Но вотъ внизу послышалось:—Проноситъ! и пароходъ тронулся ужь болѣе замѣтно и даже ощутительно, потому что мы сразу же зацѣпились за что-то и пароходъ качнуло.

— Ну, тронулись... тронулись... Наконецъ-то!..

Одни смѣются, острятъ, смотрятъ въ воду... Многіе крестятся... На носу, на балкончикѣ, надъ мужикомъ съ шестомъ, выкрикивающимъ: „Проноситъ...“ „Проноситъ!..“ толпа цѣлая.

— И это мы все время такъ пойдемъ? спрашиваетъ пассажиръ.

— Все время съ наметкой. Вы видите — трехъ футовъ нѣтъ...

— Господи! И на эдакой водѣ эдакого чорта пускать... Да что же у нихъ съума тамъ въ Петербургѣ сошли?

Пароходъ занялъ рѣку почти буквально во всю ея ширину—нѣсколько свободныхъ сажень направо, нѣсколько налѣво—и вся рѣка.

— Это тутъ вѣдь только. Дальше тамъ шире пойдетъ. Вы ужь не очень отчаивайтесь-то, начинаютъ успокаивать публику бывалые, опытные пассажиры: тамъ книзу-то, Донъ вѣдь широкъ и глубина хорошая тамъ...

Вдругъ пароходъ глухо обо что-то ударился дномъ и вслѣдъ затѣмъ остановился.

— Что?

— Сѣли... На мель сѣли... Это теперь пойдетъ...

— Ничего не пойдетъ. Сейчасъ дадутъ задній ходъ и пойдетъ опять.

— Да, а какъ опять станетъ проходить по этому мѣсту, опять тутъ станетъ.

— Надо, наконецъ, господа, серьезно спросить капитана, ну что-же это такое? Смѣются они надъ нами?

— Не смѣются-съ, вода... Ну, что-жъ онъ подѣлаетъ безъ воды, уговариваетъ всѣхъ какой-то необыкновенно кроткій пассажиръ: ну, вы думаете ему самому развѣ это весело? Развѣ это ему пріятно выслушивать?

— Да вѣдь это пойдетъ теперь на каждомъ шагу...

— Нѣ-ѣ-ѣтъ. Это только въ началѣ. Это вотъ первыя верстъ сто.

— Да мы еще и версты не отъѣхали. Это, значитъ, мы сто разъ будемъ садиться на мель и потомъ сниматься съ нея. Это сколько же займетъ у насъ времени? Мы эти сто верстъ дней десять будемъ идти? А?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, успокаиваетъ кроткій пассажиръ. Ну, Богъ съ ними... не ругайте ихъ... они же, вѣдь, я увѣряю васъ, не виноваты...

— Да вы что? Вы послѣдователь, можетъ быть, теоріи не противленія злу?

— А что жъ вы съ этимъ зломъ подѣлаете? кротко отвѣчаетъ тихій пассажиръ: ничего не подѣлаете... Ну, вотъ видите, якорь ужъ заводятъ... Сейчасъ зацѣпимся и снимемся...

— А это куда другая лодка? Вѣдь это съ нашего парохода?

— Это зачѣмъ-то къ берегу.

— Эй, послушайте, вы! Какъ васъ? кричатъ пассажиры туда, внизъ, мужикамъ, стоящимъ на носу, на нижней палубѣ.

— А? Что? откликаются оттуда.

— Эта вторая лодка наша же?

— Наша-же.

— Куда она пошла?

— А вотъ хотятъ попробовать за кустикъ-то этотъ еще зацѣпиться. Съ одной стороны за якорь будемъ тянуться, а съ другой за кустъ-то этотъ.

— И на долго это теперь?

— Какъ снимимся. Какъ же раньше-то идти?

— Да когда снимемся-то?

— А ужь это...

— Долго это пройдетъ? Съ часъ пройдетъ?

— Милый человѣкъ, отвѣчаютъ оттуда снизу, да почемъ это мы знаемъ. Вонъ намедни на этомъ мѣстѣ бились, бились, съ полсутокъ бились, такъ

и заночевали тутъ. Это все вонъ Гришка виноватъ: „Проноситъ, проноситъ“! дразнится мужикъ,—вотъ и пронесло!

Гришка, съ крашенымъ шестомъ въ рукахъ, оправдывается:—Проноситъ? Нешто я знаю, что въ водѣ-то тамъ. По наметкѣ я вижу, что проноситъ, я и кричу, что проноситъ, а тамъ я почемъ же знаю, что въ водѣ. Если бы я видѣлъ...

— Смотрѣть долженъ кричитъ ему пассажиръ сверху.

Гришка, здоровый малый лѣтъ двадцати, смотритъ на верхъ и очевидно ищетъ глазами, кто это ему крикнулъ объ осторожности.

— Я. Это я тебѣ говорю, что смотрѣть долженъ, говоритъ ему пассажиръ. Вотъ если бы съ тебя штрафъ за это брали, вотъ бы ты другой разъ осторожнѣе былъ. Проноситъ. Вотъ тебѣ и пронесло. Теперь вотъ какъ придется полсутокъ тутъ просидѣть...

Гришка молчитъ и вмѣстѣ со всѣми другими смотритъ туда впередъ, гдѣ двѣ группы такихъ-же мужиковъ, какъ и онъ, на лодкахъ что-то орудуютъ—одна группа по середи рѣки, а другая у берега, около ракитоваго куста. Наконецъ якорь зацѣпилъ, кустъ ракитовый обвязали веревкой:—Тяни! Ну! Пошелъ!.. Якорную цѣпь начали навертывать на колесо, веревку отъ куста—на какое-то бревно, торчавшее изъ палубы: Но! Тяни!.. Пошелъ!.. И вдругъ люди, тянувшіе веревку, такъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, повалились на земь: кустъ выдернулся и они не удержались, упали.

— Ну, вотъ! Отлично! И распречудесное это дѣло теперь у насъ, хохочутъ, поднимаясь на ноги, мужики.

— И имъ смѣшно! И они же еще хохочутъ! досадуетъ и кипятится какой-то пассажиръ.

А кроткій пассажиръ ужь тутъ: уговариваетъ его, доказываетъ ему, что они тутъ не причемъ, что они не виноваты и бранить ихъ за это напрасно.

— Я, значитъ, по вашему, и выручать-то ихъ не имѣю права?

— Не имѣете, кротко отвѣчаетъ тихій пассажиръ. Потому они тутъ не виноваты ни въ чемъ. Вы подумайте, ну чѣмъ они тутъ могутъ быть виноваты?.. Вѣдь они хотѣли сдѣлать какъ лучше...

— Вы куда ѣдете? съ сдержанной злобой спрашиваетъ его горячій пассажиръ. На богомолье, можетъ быть? Всепрощеніе проповѣдуете? А я ѣду съ по дѣлу. Если я не попаду къ сроку въ Ростовъ, у меня векселя протестуютъ!.. Понимаете вы это?..

— И все-таки ничего не подѣлаете, кротко отвѣчаетъ ему тихій пассажиръ.

Оборвавшуюся веревку опять начали къ чему-то привязывать на берегу. А между тѣмъ солнце уже садилось, скоро оно совсѣмъ сядетъ, набѣгутъ сумерки и сейчасъ же ночь, настанетъ темнота, а въ темноту идти нельзя—придется поневолѣ и намъ ночевать на этомъ мѣстѣ. Вечеръ наступилъ дивный. Тишина. Небо чистое, голубое. Ни одного облачка на немъ. Вправо выдѣляется какой-то лѣсокъ или, можетъ быть, садъ.

— Вотъ что, господа, предлагаетъ кто-то. Если мы здѣсь застрянемъ на ночь, поѣдемте на берегъ, все-таки веселѣй. Велимъ туда самоваръ привести съ парохода, разложимъ огонекъ... Право... Чудесно...

Но эта идиллія прерывается снизу крикомъ: Трогается! Трогается! Дѣйствительно, чувствуемъ, что пароходъ тронулся и если не идетъ, то во всякомъ случаѣ тащится по дну. Пассажиры чутко прислушиваются къ этому ощущенію, если можно такъ выразиться.

— Идетъ... Идетъ... говорятъ тихо они, точно боясь, какъ бы не сглазить его:—Идетъ... слышно.

— А ну какъ сядетъ опять?

— Ну, вотъ. Вы еще напророчите.

Но пароходъ на этотъ разъ не сглазили. Онъ протащился по дну, по песку еще нѣсколько минутъ, и мы поплыли.

Гдѣ-то все время невидимый капитанъ, вдругъ появился между нами и съ торжествующимъ лицомъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ очень удачно выполнилъ какой-то необыкновенно хитрый пріемъ или манеру сниматься съ мели.

— Да вѣдь мы опять сейчасъ сядемъ, говорятъ ему.

— Ну, это зачѣмъ-же?

— Да зачѣмъ намъ было садится и теперь? Сѣли же, такъ и теперь опять сядемъ.

— Нѣтъ, позвольте, вѣдь это надо знать, какое это опасное мѣсто, вотъ на которомъ мы были-то сейчасъ, говоритъ онъ. Вы знаете, прошлый разъ мы тутъ даже заночевали.

— Это ужь мы знаемъ. А вотъ этакое мѣсто и отчего у васъ никакихъ приспособленій нѣтъ? Вѣдь это срамота просто—за кустъ цѣпляемся!..

— Да какія же тутъ приспособленія?

— Какъ какія? Отчего, напримѣръ, не сопровождаетъ васъ хоть та-же „Нахичевань“? Она бы шла впереди, и въ случаѣ, если-бъ сѣли, она бы васъ стащила.

Капитанъ улыбнулся: — Ну гдѣ-жъ „Нахичевани“ стащить? Она можетъ еще кой-какъ пустой стащить пароходъ, но груженый...

— Какъ, а вы еще съ грузомъ по эдакой водѣ идете?

— А то какъ-же?

— Хорошо... Ну, знаете, ваше общество за это... сказалъ бы я вамъ, что съ нимъ за это надо сдѣлать. А! извольте видѣть, эдакіе порядки...

Вечеръ былъ очаровательный. Тишина. Воздухъ—разсказать нельзя какой. Такъ бы вотъ кажется забиралъ бы, забиралъ бы его все. И вдругъ въ этихъ сумеркахъ—соловей. Да вѣдь какой!.. А съ лѣвой стороны тоже изъ такихъ-же кустовъ—другой вслѣдъ за нимъ... И начали они другъ передъ другомъ... Пароходъ шелъ хорошо, точно какъ по Волгѣ, даже перестало слышаться: „Проноситъ! Проноситъ!..“

— Да на ночь-то мы все-таки остановимся?

— Непремѣнно. Ночью нельзя идти.

— А не знаете, скоро?

— Да ужь это-то мы найдемъ. Заплатимъ имъ

— Ну это тогда ваше дѣло—захотятъ, согласятся, поѣзжайте.

— А самоваръ? Мы тамъ яичницу хотимъ готовить.

— Это ужь не мое дѣло—это съ буфетчикомъ говорите.

Мы спустились внизъ, переговорили съ „Гришками", „Яшками"—все отличные ребята, веселые, охотно согласились, даже прямо рады были; потомъ взяли у буфетчика самоваръ, далъ онъ намъ какого-то поваренка съ провизіей—и мы отправились. Гришка, что кричалъ все время „проноситъ" и наконецъ прочно насадившій насъ на мель, теперь предложилъ сперва проѣхаться, прокатиться по Дону въ лодкѣ, а затѣмъ ужь съѣхать на берегъ и тамъ заняться закуской.

— Отлично. Такъ мы и сдѣлаемъ. Только мы вотъ его, поваренка-то, высадимъ на берегъ. Онъ пока начнетъ все это приготовлять, самоваръ поставитъ.

Мы отъѣхали съ версту отъ парохода—по теченію легко, лодка такъ и летѣла.

— Ну, вотъ здѣсь и выйдемъ.

Мы подъѣхали къ бѣлой песчаной отмели, на которой выше, гдѣ ужь была земля, начинался мелкій рѣдкій лѣсокъ—кусты, и гдѣ, казалось, собрались всѣ соловьи со всего Дона. Пѣніе такое у нихъ шло, что просто ай люли.

— Множество-то какое у васъ ихъ, сказалъ я

— Это еще что!.. Столько развѣ ихъ бываетъ? отвѣчалъ „Гришка“.

— А ты ихъ любишь?

— Смерть!..

По мокрому песку мы поднялись на верхъ и пошли по лѣсу. Трава густая, по грудь почти. Была ужь роса, но намъ и въ голову никому не приходило не идти поэтому дальше. Былъ до того хорошій вечеръ или ужь ночь пожалуй, что мы проходили, пробродили по этому лѣску и потомъ прозакусывали на берегу и не замѣтили какъ время подошло къ разсвѣту. Гришка первый догадался:— Э, господа, а вѣдь вонъ она ужь заря. Надо на пароходъ. Сниматься теперь скоро будемъ.

Мы угостили, конечно, и нашихъ гребцовъ, дали имъ и за то, что они шатались съ нами и гребли и довольные вполнѣ возвратились на пароходъ.

— Ну, что-жъ, опять сейчасъ будешь стоять съ наметкой, опять: „Проноситъ?“ спросилъ я.

— Опять, весело осклабился Гришка.

— А спать развѣ не пойдешь?

— Да когда-жъ ужь теперь?

— И опять посадишь насъ на мель?

— Ну, вотъ! Зачѣмъ-же.

Когда на другой день я проснулся въ 11 часу, мы стояли на мели.

— Гришка, крикнулъ я подойдя къ борту и наклоняясь внизъ:—Не пронесло?

— Нѣтъ, обрадовался онъ. Опять сѣли!

— Давно сидимъ?

— Да тутъ-же сейчасъ почти, какъ только тронулись.

Полдень. На пароходѣ тишина. Жара такая, что отъ нея незнаешь куда дѣваться: въ каютахъ духота, на балконѣ печетъ. Пассажиры какъ отравленныя мухи, шляются изъ угла въ уголъ, нигдѣ не находя себѣ спасенія отъ жары.

— Да вы выкупайтесь, совѣтуетъ кто-то обрюзглому, оплывшему господину лѣтъ сорока пяти, съ растегнутымъ воротомъ сидящему въ мягкомъ креслѣ, въ углу, въ общей гостиной. Лицо, голова, толстая, жирная шея, толстыя, жирныя руки — все въ поту, пропарило его насквозь.

— Да гдѣ выкупаться-то? На берегъ развѣ съѣхать? Скоро пожалуй снимемся съ мели—пойдемъ.

— Зачѣмъ на берегъ—тутъ, на пароходѣ ванна есть.

— Это въ теплую воду-то я полѣзу?

— А тамъ какая-же, у берега-то?

— Да тамъ, по крайней мѣрѣ, такая-же какъ въ рѣкѣ.

— А тутъ какая-же? изъ рѣки-же.

— Не грѣтая развѣ? Такую можно развѣ?

— Конечно.

— Я думалъ: ванна если, такъ ужь...

— Закажите лакею, вамъ и приготовятъ.

— Обрюзглый господинъ обводитъ глазами ком

нату и, не видя лакея, обращается къ 12—13 лѣтнему мальчику, въ мундирчикѣ какого-то учебнаго заведенія, но несомнѣнно казацкаго, потому что мундирчикъ казацкаго фасона—гладкій спереди, со сборочками сзади:

— Молодой человѣкъ... Не въ службу, а въ дружбу... увидите если лакея... будьте другъ, кликнете его... Просто мочи нѣтъ... подняться не могу...

Мальчикъ съ выправкой, быстро поднимается съ своего мѣста и по кадетски, съ какимъ-то особеннымъ вывертомъ, выходитъ изъ комнаты, очевидно чтобы призвать лакея.

— Вѣдь это болѣзнь, слышу я, говорятъ тихо, въ полголоса, возлѣ меня двѣ дамы. Онъ тоже на воды ѣдетъ?

— Кажется. Онъ тутъ что-то говорилъ вчера.

— Ужасъ — эдакая толщина... свинья какая-то... ты посмотри на шею ему.

— Вѣра, фи, гадость какая... перестань...

Но Вѣра не перестаетъ, а продолжаетъ.

— Вотъ, если бы тебѣ такого мужа!..

— Вѣра! ужь громко говоритъ ея подруга, и затѣмъ опять тихо добавляетъ:—я уйду сейчасъ, если ты не перестанешь. Насъ могутъ услыхать...

Въ дверяхъ появился лакей и смотритъ, кто его звалъ.

— Это я... я тебя звалъ... Ванна у васъ есть?

— Есть-съ.

— Можно ее... только чтобы не теплая она была,

а такая вотъ, какъ въ рѣкѣ?.. Такая вода... можно?.. А?..

— Можно-съ.

— И сейчасъ? Можно?.. И получивъ отвѣтъ, что можно и сейчасъ, говоритъ: — Ну, возьми меня... веди меня туда. И полотенцы, простыни, все у васъ есть?.. У меня свои, впрочемъ... Вонъ тамъ моя каюта... бери меня... веди...

Лакей подъ руку поднимаетъ и поддерживаетъ его. Онъ самъ дѣлаетъ усиліе и наконецъ устанавливается на ногахъ. Лакей продолжаетъ его поддерживать. Онъ стоитъ нѣсколько времени и начинаетъ понемножку двигаться и переступать, покачиваясь всѣмъ грузнымъ своимъ тѣломъ изъ стороны въ сторону. Возлѣ меня, я слышу опять голосъ той-же дамы:

— Вѣра, ну что за свинство?.. перестань. Я сейчасъ уйду...

Пароходъ какъ будто качнулся. Второй разъ...

— Что это, никакъ трогается, пойдемъ? оставляя книгу, говоритъ господинъ, подававшій совѣтъ толстяку взять ванну. Пойдемте туда, зоветъ онъ меня, смотрѣть какъ мы будемъ сниматься. „Проноситъ“! „Проноситъ“! сейчасъ опять начнется.

— Пойдемте, соглашаюсь отъ нечего дѣлать и я. Кладу книгу и мы идемъ.

— Пароходъ качнуло еще нѣсколько разъ и онъ пошелъ, мы почувствовали, потащился по дну, то и дѣло стукаясь объ него:—„Два съ половиной!..

Три!.. Три съ половиной!.. Проноситъ! Проноситъ!..“ началъ опять кричать Гришка.

Пароходъ опять пошелъ хорошо, „совсѣмъ, какъ по Волгѣ“. Донъ весь извилинами. Берега бѣлые, песчаные, а за пескомъ сейчасъ яркая, свѣжая густая зелень и тамъ, дальше, луга, должно быть въ полную воду заливные. Впереди, налѣво, селеніе видно. Три бѣлыя церкви виднѣются изъ зелени садовъ. Бѣлѣютъ каменныя или штукатуренныя стѣны домиковъ.

— Что это селеніе или городъ какой? спрашиваю я моего собесѣдника.

— Станица. Здѣсь вѣдь огромныя, какъ города какія, станицы. А вотъ; смотрите направо, другая.

Вдали и на правомъ берегу тоже вся утонувшая въ зелени станица съ бѣлыми-же церквами и бѣлыми домиками.

— Къ той вотъ мы пристанемъ. Вѣдь тутъ большей частью прямо къ берегу пристаютъ. Пристаней не полагается. Положатъ съ парохода сходни— и готово. У насъ здѣсь на счетъ этого просто.

Мы шли по благодатной, обильной мѣстности. Благополучіе края такъ и бросается въ глаза—на что ни посмотри.

По лугамъ огромные гурты рогатаго скота—все бурые да сивые—одинъ гуртъ бурый, другой сивый, точно отобранные, какъ полки какіе. Это тѣ самые Черкаскіе быки, которыхъ везутъ потомъ по Воронежской, Рязанской, Николаевской дорогамъ въ Москву и Петербургъ на ростбифы. Обиліе скота

удивительное. Попадались стада овецъ, табуны лошадей. И всего такъ много, такъ обильно. Я невольно, присматриваясь къ новому краю, сравнивалъ его съ хорошо извѣстными мнѣ нашими тоже черноземными губерніями. Какая разница-то!..

Бросалось невольно въ глаза и обиліе народа на берегу. Сидятъ, лежатъ, ничего, повидимому, не дѣлаютъ, такъ собрались и сидятъ...

— Что сегодня праздникъ какой? спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Что-жъ они?.. Ничего не работаютъ?

— Отработались... покосъ конченъ...

— Навозъ возили-бы...

— Здѣсь и безъ навоза родится...

У самыхъ береговъ, по колѣно въ водѣ, тамъ тутъ стояли по одиночкѣ и по двое, по трое бабы и мужики и сѣтками на длинныхъ шестахъ что-то все черпали.

— Что это они дѣлаютъ?

— Рыбу ловятъ.

— Какъ, сѣтками прямо? И попадается?

— Ее пропасть. Селедка. И превкусная—въ ухѣ.

Начали подходить къ станицѣ. На берегу въ одномъ мѣстѣ собралось много народа. Берегъ весь вытоптанъ.

Пароходъ причалилъ къ самому берегу, остановился и съ парохода на берегъ положили длинныя сходни-доски. Оказалось, что простоимъ здѣсь около получаса. Я сошелъ по сходнямъ на берегъ и вмѣшался въ толпу. Странное впечатлѣніе произво-

дитъ этотъ народъ-толпа. Точно все это деньщики... Мужчины всѣ въ форменныхъ фуражкахъ (даже и дѣти), правда, очень старыхъ, засаленныхъ, но все-таки можно разобрать какая какого полка— синія, красныя, разныя. Все платье обыкновенное мужицкое, простое—только всѣ въ сапогахъ и въ форменныхъ фуражкахъ — точно вотъ деньщики офицерскіе собрались отовсюду и пришли сюда. Съ непривычки это удивительно страннымъ какъ-то кажется... Шагахъ въ сорока отъ „пристани" одинъ такой „деньщикъ" ловилъ черпакомъ рыбу. Закинетъ и вытащитъ—одну, двѣ рыбки. Возлѣ, на корточкахъ сидитъ мальчишка и смотритъ въ ведро съ рыбой. Казакъ броситъ туда рыбицу, а этотъ говоритъ: семьдесятъ два... семьдесятъ три—считаетъ.

Рыбка маленькая, съ нашу корюшку, только немножко пошире и потолще.

Съ парохода двѣ барыни тоже подошли сюда и смотрятъ.

— Послушай, милый, обращается одна изъ нихъ къ казаку,—какая это рыбка?

— Сельдь, не оборачиваясь къ ней, отвѣчаетъ казакъ.

— Что-жъ вы съ ней дѣлаете? Солите и потомъ продаете?

— Ѣдимъ.

— Какая хорошенькая... И вкусная она?

— Вкусная, тоже безучастно отвѣчаетъ казакъ.

— Я никогда не видывала, какъ сельдей ловятъ.

Я думала ихъ сѣтью, или—какъ это?—неводомъ, отходя, говоритъ барыня, очевидно рѣшившая, что это она теперь видѣла настоящій сельдяной ловъ...

На пароходѣ, на балкончикѣ, у самой лѣсенки, что ведетъ внизъ, стоитъ высокая, полная дама очень величественной осанки, и рядомъ съ нею ея дочь, дѣвочка лѣтъ четырнадцати. Со сходней я слышу, онѣ говорятъ тамъ, наверху, надо мною:

— А ты думала какія-же?

— Я думала онѣ, эти казачки, не русскія... Онѣ такія же, какъ наши... русскія... бабы, отвѣчаетъ дѣвочка.

Съ парохода мы высадили человѣкъ десять-пятнадцать и столько же приняли. Купили двухъ барановъ, какой-то рыбы, зелени и опять огромное пароходное колесо захлопало, опять: „Два съ половиной!.. Три!.. Три съ половиной!.. Проноситъ!..“.

Донъ становится все шире, берега круче, населеніе гуще. Станицы почти не прерываются: кончилась одна, черезъ версту, черезъ двѣ—другая. И всѣ въ зелени, въ садахъ. На спускахъ къ берегу, на солнечной ихъ сторонѣ—виноградники. Лодки стоятъ у береговъ ужъ не по одиночкѣ, какъ было въ началѣ, а по нѣсколько штукъ, по десяткамъ даже. На отмеляхъ, бѣлыхъ какъ кипень, песчаныхъ, перепархиваютъ кулички-песочники. На Окѣ и на Волгѣ были массами рыбники-чайки — здѣсь ни одной я не видѣлъ. Онѣ кладутъ яйца прямо на песокъ, а гдѣ-жъ имъ тутъ? Тутъ все народъ,— тамъ вотъ лодка плыветъ. Тутъ имъ негдѣ выво-

дить — безлюдныхъ мѣстъ, какъ на Окѣ или на Волгѣ, нѣтъ тутъ. Все народъ — „мужики-деньщики“, бабы, ребятишки. Глазъ у меня до того привыкъ къ широкимъ, величественнымъ, но и пустыннымъ видамъ на Окѣ и на Волгѣ, что меня теперь положительно удивило это многолюдіе, густота населенія, это обиліе садовъ, виноградники, стада, гурты, табуны лошадей. И все это очевидно и несомнѣнно сытое, довольное. „Боже ты мой, есть же край въ Россіи!“ невольно думалось, глядя на это обиліе.

— Что вы все любуетесь Дономъ? подходя ко мнѣ сказалъ пассажиръ, съ которымъ утромъ мы бесѣдовали ужь объ этомъ обиліи.

— Да. Богатый край.

Онъ молчалъ, улыбаясь, смотрѣлъ на меня.

— Вы часто ѣздите здѣсь?

— Да. Въ лѣто разъ десять проѣду.

— Служите? Или такъ по дѣламъ?

— По дѣламъ.

— Вы здѣшній?

— Изъ Аксая... Да, край богатый, сказалъ онъ. Только...

И онъ запнулся.

— Только что?

— Не тотъ ужь онъ. Если-бы вы видѣли его десять, пятнадцать лѣтъ назадъ — какая разница-то...

Я спросилъ его, бывалъ-ли онъ во внутреннихъ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ, знаетъ-ли онъ,

какъ онѣ перемѣнились за эти же десять, пятнадцать лѣтъ:

— Вамъ грѣхъ роптать, сказалъ я. Ужъ если кому, только ни въ какомъ случаѣ не вамъ.

— Да мы ничего. Вы знаете что насъ спасаетъ еще? То, что у насъ нѣтъ ни жидовъ, ни чиновниковъ. Главное чиновниковъ. Съ жидами—это пустяки—это мы съ ними справимся... Но чиновники... О-о-о...

— Хороши? Не любятъ ихъ у васъ?

— Насмотрѣлся я на нихъ... вотъ въ вашихъ-то мѣстахъ... И знаете, это вѣдь не что иное, какъ одно недоразумѣніе. Слышишь вотъ, читаешь иногда, Петра Великаго винятъ за нихъ, что онъ завелъ эти всѣ канцеляріи. Да вѣдь онъ ихъ для чего завелъ? Записывать, счетъ вести, приказы его разсылать—вотъ для чего. Развѣ имъ въ канцеряріяхъ-то тогда позволяли писать проекты „объ упорядоченіяхъ“? Это они ужь потомъ засилье-то взяли. А при немъ они кроткіе, тихіе были—воровали, ну, это что, это пустяки, на это нечего смотрѣть, а главное—они не мѣшали развиваться живой жизни—вотъ въ чемъ вся суть-то. А то они не знаютъ ее, эту живую жизнь, и все „упорядочиваютъ ее“.

Я не возражалъ ему, слушалъ.

— Ну, а у насъ ихъ, чиновниковъ-то, нѣтъ, или почти нѣтъ. Вотъ судейскіе только теперь завелись, а другихъ-то и нѣтъ. Вѣдь вы наше войсковое устройство знаете? сказалъ онъ.

— Знаю, конечно.

— И потомъ еще одно обстоятельство. Вотъ, если бы вы край нашъ лучше знали, вы бы увидѣли, что у насъ отношеніе села къ городу совсѣмъ другое, чѣмъ у васъ. У васъ городъ что такое? Разбойничье гнѣздо, въ которомъ купчишки, разная тамъ горечь, засѣли и сосутъ оттуда деревню. А у насъ не то. У насъ станицы богатыя, сильныя. Тамъ я не знаю, какъ будетъ дальше, какъ насъ упорядочатъ, а теперь ваши города станицъ одолѣть не могутъ. У васъ тамъ въ городахъ культура, говорятъ, выводится и высиживается, ужь я не знаю какъ сказать,—а у насъ этого нѣтъ, и этой вашей культуры, которая отдала все въ руки чиновникамъ, намъ и не нужно. Вы наслаждайтесь ею... Шутки въ сторону, добавилъ онъ, а посмотрите, позавидуете вы еще намъ, „безкультурнымъ“...

Продолжая разговоръ, мы перешли естественно къ земству, отчего они, казаки, такъ были противъ, когда у нихъ хотѣли его вводить?

Золото просто такой собесѣдникъ, когда попадается въ дорогѣ. Чего-чего только не узнаешь отъ него...

Мы подходили къ станицѣ—не помню какой, но только огромной, широко раскинувшейся на правомъ берегу. Все сады, сады, виноградники, бѣлые съ балкончиками домики.

— Ну, вотъ кто въ этихъ домикахъ живетъ? Вѣдь это тотъ-же городъ почти, сказалъ я.

— Почти, да не тотъ. И даже совсѣмъ не тотъ... Въ этихъ домахъ казаки живутъ. Они и сѣютъ, они и пашутъ, они и рыбу ловятъ, и скотъ водятъ, и торгуютъ—свои все, чужого народа тутъ нѣтъ... Да нѣтъ, такъ вамъ этого нельзя разсказать,—если понять и узнать хотите, вамъ надо съ парохода сойти, потолкаться, поѣздить по станицамъ. А такъ что-жъ вы увидите, что узнаете? Изъ разговоровъ ничего не узнаете. Я можетъ быть вотъ вамъ вру все? Вы слушаете и не понимаете—правду я говорю или нѣтъ. Объ нашемъ войсковомъ устройствѣ вѣдь кто-же имѣетъ понятіе? Дикіе, „некультурные люди“ вѣдь? Очень для васъ полезно-бы было сойти... Нашъ бытъ нами самими устроенъ. Никто его не устраивалъ. Народъ приходилъ и устраивался, какъ ему было лучше. У васъ вѣдь всѣ устраивали вамъ бытъ, всѣ его „упорядочивали“ вамъ, ну и упорядочили, а у насъ никто его не устраивалъ. Вотъ вы знаете, какъ это все въ вашей сторонѣ, теперь сошли бы да посмотрѣли, посравнили бы, какъ у насъ—хуже и лучше—противъ вашего.

— Вашъ край богаче, сказалъ я.

— Богаче, совершенно вѣрно, да не на столько же, насколько вы бѣднѣе насъ. Вотъ вы разсказываете про губерніи Орловскую, Тамбовскую, Рязанскую, Саратовскую—ну-ка, найдите-ка у насъ хоть что нибудь подобное. Вотъ мы съ вами сейчасъ земскіе отчеты ихъ смотрѣли—есть уѣзды, гдѣ половина дворовъ ужь безъ лошадей—ну-ка, най-

дите у насъ хоть что нибудь подобное? А, да что тутъ толковать! Хотите, слѣземъ тутъ. (Мы подходили къ пристани). У меня дѣло, я по дѣлу ѣду—все равно—пусть дѣло подождетъ, слѣземъ, поживемъ тутъ, поѣздимъ, ну хоть недѣльку, по станицамъ, увидите и то многое.

Но я, къ сожалѣнію, не могъ этого сдѣлать. Я самъ ѣхалъ по дѣлу и не могъ про него сказать какъ онъ: „пусть дѣло подождетъ"...

— Жаль. И будете жалѣть этого случая.

— И главное... Онъ опять замялся. Мнѣ вотъ что главное. Все это обиліе, благополучіе, которое васъ такъ удивляетъ, все вѣдь это останется для васъ безсмысленнымъ совсѣмъ фактомъ. Вы не будете знать, почему это такъ?.. Видѣли все это, замѣтили, удивило, поразило это васъ—а почему? Вы хоть не объясняйте себѣ, ради Бога, этого „благодатной природой", а и порядки тутъ не мало значатъ...

Мнѣ это очень въ немъ понравилось:—Я на будущій годъ къ вамъ пріѣду, сказалъ я. Выѣду нарочно пораньше и поѣзжу здѣсь съ мѣсяцъ. Въ мѣсяцъ, вѣдь, я пойму кое-что?

Мы подошли къ пристани, на этотъ разъ подъ навѣсомъ—сколоченъ изъ тесу сарай не сарай—это и называется пристанью. Масса народа, т. е. опять таки этихъ же все „деньщиковъ", бритыхъ, въ разноцвѣтныхъ, старыхъ, засаленныхъ фуражкахъ. Пристань не возлѣ, какъ было прежде, а въ самой станицѣ. Оттого и публики столько. Въ толпѣ нѣ-

сколько человѣкъ офицеровъ—казаковъ, стоятъ и тоже смотрятъ на насъ, пассажировъ, въ свою очередь разсматривающихъ ихъ съ парохода. Не знаю, такъ ли это, можетъ мнѣ это показалось только,—отношеніе къ офицерамъ всей этой „публики“ совсѣмъ другое, особенное какое-то, не то совсѣмъ, чѣмъ то, съ какимъ вообще толпа относится къ нимъ. Это очень трудно передать—особенность, разницу, другой оттѣнокъ въ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе онъ, этотъ оттѣнокъ, есть, и мнѣ онъ понравился тоже. Мы стояли тутъ съ полчаса и я все слѣдилъ глазами и за офицерами, и за толпой. Что-то, какая-то связь, чувствуется ихъ съ этой толпой. Они свои тутъ, не чужіе. Они и смѣются съ „деньщиками“, разговариваютъ и въ то же время нѣтъ со стороны тѣхъ никакого умышленнаго перехода къ фамильярничанью. Необыкновенно показалось мнѣ, все какъ-то естественно. Одинъ офицеръ долго сидѣлъ, болтая ногами, на перильцѣ. Возлѣ него кучкой стояли „деньщики“—народъ въ разноцвѣтныхъ фуражкахъ, очевидно вовсе никогда и не служившій въ его полку. Онъ все время болталъ съ ними о какой-то новой у нихъ породѣ овецъ, которую кто-то откуда-то досталъ и теперь разводить ее всѣ начали. Онъ спорилъ съ „деньщиками“—народомъ, „деньщики“ спорили съ нимъ. И онъ подолгу что то разсказывалъ имъ—они слушали, и они разсказывали—онъ ихъ слушалъ. Говорили это, можетъ быть, между собою сосѣди, у которыхъ у всѣхъ въ

этихъ овцахъ общій интересъ и этотъ интересъ имъ такъ близокъ, что они на немъ сходятся всѣ— и простые казаки и офицеры, и генералы ихъ—я не знаю этого, повторяю; но это мнѣ очень понравилось... Видишь одну массу, нѣтъ этой слойки, раздѣленія по слоямъ, все сплочено вмѣстѣ и никто не хочетъ выдѣляться и не выдѣляется. Я не думаю, чтобы это мѣшало не только дѣлу, но и дисциплинѣ даже.

Отъѣхавъ верстъ десять отъ этой станицы, когда пароходъ шелъ полнымъ ходомъ и Гришка не кричалъ даже, что наметку его проноситъ, вдругъ съ берега кто-то началъ намъ дѣлать какіе-то сигналы бѣлымъ платкомъ, навязаннымъ на палку. Пароходъ остановили. Отъ берега отдѣлилась лодка и поплыла къ намъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашивали мы капитана.

— Не знаю, вотъ сейчасъ узнаемъ.

Лодка подошла къ намъ.

— Генералъ N. N. здѣсь?—спрашивали съ лодки.

— Нѣтъ. Никакого генерала тутъ нѣтъ, отвѣчали съ парохода.

— Да какъ же онъ на той еще пристани долженъ былъ сѣсть.

— Нѣту, не сѣлъ значитъ.

— Да какъ-же? Не можетъ быть. Онъ говорилъ, что сядетъ.

— Значитъ расхотѣлъ, не сѣлъ. А вамъ что?

— Да вотъ ему бы надо передать... Туда, въ

станицу-то, мы не поспѣли. Наливка ему вотъ тутъ, икра... бумаги вотъ въ пакетѣ...

— Можетъ на той онъ сядетъ пристани? отвѣчали съ парохода.

— А какъ не сядетъ? Нѣтъ, онъ на этой хотѣлъ. Ахъ, ты, Господи, какъ же тутъ быть?—говорили на лодкѣ.

— Не знаемъ. Хотите, давайте, если на той сядетъ—передадимъ ему.

Мы протолковали такъ съ четверть часа и рѣшили, что одинъ изъ лодки пересядетъ къ намъ съ наливками, икрой и бумагами на пароходъ и поѣдетъ до ближайшей станціи, гдѣ и передастъ все это генералу, если онъ тамъ только его найдетъ. Казака „съ вещами“ приняли на пароходъ.

— Да тебя кто послалъ-то?—спрашивали его.

— Да генеральша... Возьми, Петръ, говоритъ, бумаги, да захвати кстати наливки вотъ двѣ бутылочки, да икру и свези все генералу. А сядетъ онъ не то на этой вотъ пристани, не то на той. Я и поѣхалъ...

— У него, у генерала-то, имѣніе тутъ развѣ близко?

— Близко. Верстъ тридцать отсюда будетъ, даже меньше, пожалуй.

Мы отошли еще верстъ десять. Глядимъ, у берега стоитъ какой-то экипажъ, вродѣ тарантаса, и оттуда опять намъ машутъ. Пароходъ опять остановили. Опять къ намъ плыветъ лодка:

— Генералъ N. N. тутъ? на пароходѣ у васъ?

— Нѣтъ.

— А что вамъ нужно очень развѣ его?

— Нужно.

— Садитесь, подвеземъ до пристани.

И этого посадили. Этотъ тоже съ какими-то бумагами и тоже съ узелкомъ.

— Отъ кого вы? Кто васъ послалъ-то?

— Генеральша. Вотъ, говоритъ, возьмите это, отвезите. Онъ, должно быть, на этой пристани сядетъ...

— Да вы кто сами-то будете?

— Служащій. Служу у нихъ по письменной части.

— Ну, вотъ, смѣется возлѣ меня мой сосѣдъ пассажиръ, съ которымъ мы бесѣдовали о благополучіи края: онъ, чиновникъ, вотъ такимъ и долженъ быть. Онъ такимъ и былъ у Петра. У него вѣдь всѣ они деньщиками назывались—записывали его приказанія, развозили ихъ. Вотъ такими они и должны быть. „По письменной части"—и больше ничего. Разсуждать и мѣшаться не смѣй — ни-ни... Ни во что. А то еще, изволите видѣть, упорядочивать они берутся! Да что они въ этомъ понимаютъ? Да какъ они смѣютъ!..

На слѣдующей пристани мы генерала не застали, но за то узнали, что онъ сядетъ къ намъ на пароходъ между пристанями—этой и слѣдующей. По какому-то дѣлу онъ поѣхалъ верстъ за пятнадцать отсюда, осмотрѣть тамъ что-то, и сядетъ къ намъ прямо съ берега, такъ какъ дорога тутъ идетъ берегомъ и онъ насъ, и мы его увидимъ. Мы пошли дальше и посланцы генеральши тоже съ

нами, теперь ужь успокоившіеся на счетъ того, что они умно сдѣлали, сѣвъ къ намъ на пароходъ. Вскорѣ, дѣйствительно въ полѣ гдѣ-то съ парохода у насъ увидѣли генерала въ коляскѣ и дали свистокъ—знакъ, что мы замѣтили. Съ парохода спустили лодку—къ берегу тутъ нельзя близко подойти, отмель,—и приняли генерала—очень извѣстная фамилія—старика, совсѣмъ сѣдого почти. Наливку, икру и одинъ пакетъ съ бумагами онъ принялъ, а другой пакетъ отдалъ назадъ, сказавъ, что это вовсе не къ нему и чтобы скорѣе везли назадъ.

— Это къ Григорію Ивановичу, а совсѣмъ не ко мнѣ. Тутъ вотъ прямо сказано: съ передачей... А тутъ что? — обратился онъ къ тому, что „по письменной части“:—въ узелкѣ-то въ этомъ?

— Чистый китель, отвѣтилъ чиновникъ.

— А! вотъ за это спасибо. Это хорошо. Пойдемъ.

Онъ ушелъ въ каюту и затѣмъ сейчасъ же оттуда вышелъ въ свѣжемъ бѣломъ кителѣ.

— Вотъ это хорошо. За это спасибо. Это я люблю, все повторялъ онъ: — Ну-съ, обратился онъ къ капитану, который тоже стоялъ тутъ, какъ бы по обязанности службы, не будетъ ли какихъ приказаній.—Ну-съ, я васъ прошу, если у васъ есть ледъ, эту икру поставить до вечера туда на ледъ. Вечеромъ съѣдимъ ее... И вотъ наливки—ихъ тоже на ледъ. Холодныя лучше.

Появленіе генерала между нами произвело, я не скажу, что бы какое нибудь особенное оживленіе, но движеніе. Всѣ ходили какъ-то за нимъ,

что-то все пучилось на него, а при встрѣчѣ съ нимъ раступались и давали дорогу—совсѣмъ вотъ такъ, какъ въ рыбныхъ садкахъ бываетъ, когда къ мелкой рыбѣ вдругъ пустятъ крупную, какого-нибудь леща. Онъ ходитъ и повертывается между корюшкой, ряпушкой, а она раступается передъ нимъ.

— Ну, что, какъ вода? хорошо идете? спрашиваетъ онъ капитана.

— Такъ себѣ. Идти можно.

— Третій классъ въ воду не посылали еще? смѣялся онъ.

— Нѣтъ еще.

— Это недѣли черезъ двѣ еще?

— Вотъ, какъ ужь пообмелѣетъ совсѣмъ.

— Да. Хороши пароходы и удобны и все, только все-таки не по Дону они, оглядывая пароходъ, говорилъ генералъ.—И какъ это они заказали ихъ? Странно! Удивительно, какъ это...

— Какъ это такъ: третій классъ въ воду? Что это такое онъ говоритъ? думалъ я.

Я пошелъ, отыскалъ моего знакомаго и спросилъ его:

— Какъ это такъ? Неужели правда?

— Правда. Не стоять же на мели.

— Но какъ же въ воду-то? По какому же это праву? И женщинъ, и дѣтей?

— Нѣтъ. Тоже вѣдь съ разборомъ, дѣлаютъ, вѣдь, различіе... И потомъ вѣдь это развѣ надолго? Пройдутъ мель, ихъ опять посадятъ. Идти имъ вѣдь отлично—по дну песокъ, отмели здѣсь чистыя.

— Они какъ-же, раздѣваются?

— Раздѣваются. Раздѣнутся, платье на пароходѣ оставятъ, а сами идутъ по бокамъ парохода.

— Это картина должно быть! говорилъ я: пароходъ идетъ, а по бокамъ пассажиры голые...

— Да, вотъ, назадъ если черезъ мѣсяцъ поѣдете и пароходы еще будутъ ходить—увидите непремѣнно.

— И кто же этимъ распоряжается?

— Капитанъ. Скомандуетъ: „Третій классъ въ воду!“ и они это ужь знаютъ, идутъ...

— Чортъ знаетъ что!

— Да что же подѣлаете? Ну, стойте на одномъ мѣстѣ, на мели—это вѣдь хуже.

Удивительный край!.. То есть, что ни шагъ, то сюрпризъ!

— Ничего, это вамъ такъ кажется только... съ непривычки, увѣрялъ меня пассажиръ, знатокъ мѣстныхъ обычаевъ и порядковъ. Но я все толкомъ не могъ понять—какъ же это такъ? Развѣ, когда берутъ билеты третьяго класса, объ этомъ предупреждаютъ? Потомъ, мало развѣ у всѣхъ отмелей и береговъ стоитъ лодокъ? Нельзя развѣ на нихъ съѣхать на берегъ, пока пароходъ пройдетъ мель или снимется съ нея, если сѣлъ на нее ужь?

— Не стоитъ, вотъ, пустяки, есть объ чемъ толковать, на все гуртомъ отвѣчалъ онъ. Особенно теперь-то—лѣто, жара, всякому и такъ выкупаться лестно...

Вотъ тутъ, съ парохода-то, и судите о краѣ, какъ хотите. Вездѣ, не только ужь заграницей, а

и у насъ-то, и то за эдакую штуку—„третій классъ въ воду!“ чортъ знаетъ, чтобы съ капитаномъ сдѣлали, да онъ и не посмѣлъ бы эдакъ скомандовать, а тутъ ничего, смѣются еще:— эка, говорятъ, штука, важность какая...

Во все время нашего разговора, я замѣтилъ, какой-то господинъ сталъ нѣсколько поодаль отъ насъ и точно дожидался, когда мы кончимъ говорить, чтобы подойти къ кому-нибудь изъ насъ и объ чемъ-то спросить. Такъ и вышло. Мы только замолчали, онъ подошелъ къ моему собесѣднику:

— Извините пожалуйста, я вижу, вы здѣшній, всѣ порядки здѣшніе знаете?

— Да-съ, отвѣтилъ пассажиръ.

— Далеко еще до Цимлянской станицы?

— А вотъ она. Мы къ ней идемъ.

— Скажите, правда, что тамъ бабы продаютъ вино въ бутылкахъ на пристани?

— Правда.

— Какъ же это, и не запрещается?

— Должно быть... Пассажиръ съ любопытствомъ оглядѣлъ его.

— А какъ же акцизъ, пошлина... Какъ это назвать? Какъ же, однимъ словомъ, правительство контролируетъ это, какъ это можетъ оно регулировать?..

— Не знаю-съ этого. Это не по моей части, отвѣтилъ, смѣясь, пассажиръ и уклонился отъ дальнѣйшаго разговора.

Впереди, на пригоркѣ, на самомъ берегу, высоко и широко, просторно раскинулась знаменитая

Цимлянская станица съ знаменитымъ цимлянскимъ виномъ.

Желтый, довольно высокій песчаный берегъ, а тамъ, гдѣ пристаетъ къ нему пароходъ, — даже и крутой, обрывистый. Ни спуска, ни дороги туда на верхъ, въ станицу, нѣтъ и, повидимому, никогда и не было. Пароходъ подошелъ, остановился и черезъ двѣ-три минуты песчаный крутой откосъ представлялъ оригинальную картину карабкавшихся по немъ пассажировъ и пассажирокъ.

— Иванъ Петровичъ, да давайте-же руку!..

— Марья Ивановна, да держитесь-же за меня!.. слышится впереди, позади, съ боковъ. Нога на четверть вязнетъ въ желтомъ, мягкомъ пескѣ. У мужчинъ панталоны чуть не по колѣно, а у барынь—ботинки, чулки и юбки всѣ желтые. Лѣзть до верху еще далеко, саженъ двадцать, а всѣ ужь устали, измучились; жара къ тому-же страшная, градусовъ тридцать пять, по крайней мѣрѣ.

— Господи, что-же это такое? И это пристанью называется, слышится сзади, спереди съ боковъ. Совсѣмъ маленькое восхожденіе на Везувій. Наконецъ, добрались до „вершины“. На вершинѣ песокъ такой-же точно, если еще не глубже. Съ поднятыми юбками несчастныя путешественницы шагаютъ по немъ.

— Далеко еще?

— А вамъ куда?

— Да гдѣ вотъ здѣсь продаютъ это вино... цимлянское, какъ его?..

Удивительно это въ женщинахъ: скажи имъ только, что вотъ тамъ-то продается что нибудь дешево и, все равно, нужное это имъ, или ненужное—побѣгутъ непремѣнно туда и накупятъ.

Черезъ полчаса не было у насъ, мнѣ кажется, ни одного человѣка, который не держалъ бы въ рукахъ бутылки или нѣсколько бутылокъ вина. Барыни—пассажирки тоже.

— Представьте, Лизавета Петровна заплатила за такое же самое вино по 30 к., а я по 20, у той же самой бабы, говоритъ Катерина Михайловна и вполнѣ счастлива.

— Да вѣдь вы, кажется, не пьете вина?

— А я домой къ себѣ привезу.

— Это какъ-же? Значитъ, на Кавказъ вы его съ собой повезете, на воды, и потомъ оттуда назадъ, когда домой поѣдете?

— Ну такъ что-жъ?

— Да оно прокиснетъ у васъ.

Барыня изумлена и когда узнаетъ, что единственное средство сохранить вино—это поставить его на ледъ, начинаетъ хлопотать, чтобы его туда поставили.

— Да помилуйте, молится буфетчикъ, льду у меня и такъ немножко, провизія тамъ лежитъ, сами изволите видѣть—жара, все портится, гдѣ-же я вамъ поставлю?

— Пожалуйста, ну что-жъ—двѣ бутылки, много-ли онѣ займутъ мѣста.

Но ихъ было не двѣ, потому что барынь было много и всѣ онѣ, какъ узнали, осадили его.

— Господи, ну что-жъ я буду дѣлать?.. Я не отвѣчаю, рѣшительно объявляетъ буфетчикъ, если ихъ разобьютъ, перепутаютъ тамъ.

Вино, конечно, отвратительное. Оно и такъ, и хорошее-то цимлянское, „на любителя“, что называется, а это и подавно ужь Богъ знаетъ что такое—сладкое, приторное, липкое. На пароходѣ, какъ всѣ собрались, всѣ начали пробовать его и ругаютъ:—Дрянь. Можно ли эдакую гадость продавать. И кто это пьетъ его?

Ѣдущіе съ нами казаки, мѣстные жители, не отвергая, что *это* вино дѣйствительно не хорошо, защищаютъ однако-жъ *вообще* цимлянское.

— Это съ непривычки. Надо впиться въ него. Это вотъ и кавказское вино. Пріѣдете, оно вамъ тоже не понравится, говорятъ они.

И, какъ всегда это бываетъ, начинаютъ увѣрять, что и это наше произведеніе нисколько не хуже и даже лучше иностраннаго, потому что тамъ поддѣльное, а у насъ цѣльное. Разсказывается при этомъ, что всѣ эти заграничные лафиты и проч. дѣлаются все изъ нашего же вина, „только они его тамъ разбавляютъ.“ Это вездѣ потомъ я слышалъ. Эта добрая увѣренность наша, имѣющая своимъ происхожденіемъ знаменитое „шапками закидаемъ“ относится, впрочемъ, не къ одному только вину: павловскіе кустари увѣряли меня съ такой же увѣренностью, что ихъ замочки, ножички и прочая дрянь также идутъ будто-бы заграницу и оттуда продаются къ намъ подъ именемъ англійскихъ.

Печальная сторона въ этой увѣренности та, что въ силу ни на чемъ не основанномъ сомнѣніи, у насъ не только не заводится никакого правильнаго производства, но въ силу дѣйствительной конкурренціи иностранцевъ и то, какое и было-то производство, падаетъ. Кустари — отличные работники, ходятъ почти голые и сидятъ почти голодные. Изъ отличнаго винограда дѣлается какая-то бурда и т. д., и т. д., до чего ни коснись.

За Цимлянской станицей Донъ ужь совсѣмъ широкій—это ужь и по виду несомнѣнно судоходная рѣка. Съ шириной онъ сталъ и глубокимъ. Гришка не только ужь не стоитъ на носу и не кричитъ, „проноситъ!“, но даже совсѣмъ куда-то исчезъ съ своей наметкой, на носу его нѣтъ, на пристаняхъ онъ не показывается, должно быть спитъ. Пассажиры интересуются имъ — его всѣ ужасно полюбили—спрашиваютъ, гдѣ онъ, и капитанъ съ досадой отвѣчаетъ:—А, дуракъ такой!..

— Такъ зачѣмъ же вы его ставите?

— Всѣ они одинакіе...

Опять наступила ночь—тихая, лунная. Быстро набѣжали сумерки, ярко выступила на небѣ луна. Соловьи по берегамъ, въ садахъ, въ рощахъ такъ и заливаются. Пассажиры группами сидятъ на галлереяхъ-балконахъ и любуются дѣйствительно очаровательной тихой картиной „тихаго Дона“.

— И я готовъ пари держать, говоритъ возлѣ меня своей дамѣ молодой человѣкъ—очень красивый брюнетъ, все время за ней ухаживающій, какъ

влюбленный, — мы, впрочемъ, порѣшили, что это новобрачные — Гоголь описаніе своей природы— усадьба Теньтетникова, сцена ловли рыбы на озерѣ въ имѣніи Пѣтуха—это все онъ взялъ отсюда. Такой тишины нигдѣ въ Россіи нѣтъ.

— Да вы не вездѣ-же въ Россіи были. Почемъ вы знаете, что ужь нигдѣ въ другомъ мѣстѣ и нѣтъ такой тишины, отвѣчаетъ она.

— Ну, позвольте, изъ какой же другой рѣки могъ попасть осетръ въ озеро? Вѣдь Пѣтухъ, какъ извѣстно, осетра тогда поймалъ? Помните еще щеки-то его онъ заказывалъ повару?

— Мало-ли рѣкъ.

— Но съ такой природой? Ну, ты смотри—они оба говорятъ другъ другу то *ты*, то *вы*—ты смотри вотъ сюда—онъ показываетъ ей рукою на садъ на самомъ берегу рѣки, темный, густой, освѣщенный сверху луной и съ огромнымъ серебрянымъ столбомъ—отраженіемъ луны внизу, у самаго берега, въ водѣ. Картина дѣйствительно полная тишины, сонной нѣги, непробудной благодати.

— Нѣтъ, попъ Осипъ, доносится съ другой стороны, это, я вамъ скажу, знаменитость. Да вотъ вы поѣдете въ Эссентуки... И, понимаете, въ гостинницѣ у него все черкешенки...

— Да-а-а?

— Да. И замѣчательныя...

— Я собственно вѣдь не лечиться...

— Понимаю.

— Я хочу посмотрѣть, что это такое?.. Кавказъ,

Кавказъ — всѣ только о Кавказѣ... всѣ только о Кавказѣ... Я вотъ и поѣхалъ...

— Природа, какъ бы это вамъ сказать?..

А слѣва, гдѣ эти влюбленные сидятъ, доносится:

— Хотѣлось-бы, чтобы никто... Никто... Ни одного бы человѣка не было кругомъ... Эдакой вотъ садъ... маленькій домикъ въ три комнатки...

— А у тебя въ Новгородской губерніи большой садъ?

— Да не та, другъ мой, природа совсѣмъ. Ты пойми, я южанинъ... Я не знаю, зачѣмъ тогда отецъ купилъ это новгородское имѣніе?

— Ну, мы продадимъ его и купимъ гдѣ нибудь на югѣ,—говоритъ она.

А справа:

— Ростовскіе раки—вѣдь это вотъ какіе. Вы не ѣдали ихъ? Въ Ростовѣ вы не были никогда? Это замѣчательные раки. Въ Ростовѣ и въ Таганрогѣ только такіе раки и есть.

— Только позвольте—вмѣшивается кто-то новый еще въ разговоръ, новый голосъ—раки эти, по моему, ничего не стоютъ противъ нашихъ. Они сухіе совсѣмъ.

— Какъ такъ?

— А такъ-съ. Вкусу въ нихъ совсѣмъ нѣтъ никакого. Нашъ ракъ маленькій, но онъ вкусный, твердый, сытый. А тѣ—тряпку какую-то жуешь и, потомъ, они ихъ покупаютъ вареными, разогрѣютъ потомъ — во рту отъ этого точно замазка: вкусъ эдакой, совсѣмъ, какъ замазка.

— Ну, я не знаю, гдѣ это вы эдакихъ ѣли, обиженнымъ даже тономъ говоритъ любитель ростовскихъ раковъ:—На станціяхъ и въ гостинницахъ вездѣ подаютъ прекрасныхъ—сочные, свѣжіе...

Пароходъ вдругъ останавливается, еле-еле идетъ.

— Что это такое? Что это? Опять сѣли на мель? Поднимаются съ своихъ мѣстъ и спрашиваютъ всѣ:—Гдѣ капитанъ? Господи, это опять!..

Но оказывается, что это вовсе не на мель садимся и что никакой мели и нѣтъ, а просто на ночь становимся на якорь.

— Да отчего же мы не идемъ? По Волгѣ-же идутъ и днемъ, и ночью, обращаются всѣ къ капитану, который какъ изъ земли вдругъ выростаетъ.

— Ночь... кратко объясняетъ онъ и поднимаетъ плечи—не отъ меня, дескать зависитъ, „не моя въ томъ вина“...

— Да вы смотрите, вѣдь свѣтло, какъ днемъ.

— Все равно—ночь.

Всѣ смотрятъ на часы:—Вѣдь только половина одиннадцатаго.

— Ночь. Это ужь ночью считается.

— Господи, мы никогда такъ не попадемъ въ Ростовъ! Это чортъ знаетъ что! кипятится какой-то пассажиръ. То мели, то ночи. Чортъ знаетъ, что за порядки тутъ!..

Но голосъ его одинокъ, потому что всѣ пассажиры покорились уже давно своей участи и даже свыклись съ нею, утряслись, угомонились и никому и въ голову, кажется, не приходитъ протестовать...

— Для вашей же пользы, господа, объясняетъ намъ—точно наставленіе провинившимся или Богъ знаетъ чего требующимъ школьникамъ читаетъ капитанъ: — для вашей же пользы, господа:—А ну какъ, избави Боже,наткнемся-то ночью на что нибудь? Тогда хуже вѣдь будетъ. А теперь переночуемъ и чуть свѣтъ, чуть заря только—и въ путь, дальше.

Пассажиры молчатъ.—Покойной ночи, говоритъ онъ, видя такую покорность съ нашей стороны, кланяется и уходитъ. Недостаетъ только, чтобы онъ сказалъ:—Я надѣюсь,ночью шалить вы, господа,не будете.

Онъ этого намъ не сказалъ, но должно быть сказалъ объ этомъ буфетчику, потому что на галлереѣ вскорѣ появился лакей и объявилъ намъ, чтобы мы, кто если ужинать хочетъ, такъ заказывали бы скорѣй, потому что въ 11 часовъ и буфетъ и кухню запрутъ.

Полный своей красоты и широты Донъ достигаетъ ужь у Стараго Черкасска и Аксая. Тутъ ужь онъ дѣлается величественнымъ — тутъ ужь слово „тихій“ къ нему не идетъ. Вы видите сильную, могущественную рѣку, богато обстроенную, если можно такъ выразиться. Отъ мирнаго деревенскаго характера верхнихъ станицъ ужь ничего или почти ничего не остается. Станицы—какъ города. У этихъ станицъ-городовъ есть свои пригороды. Тутъ ужь попадаются суда и ихъ много — съ лѣсомъ, т. е. тесомъ, досками, съ бочками, съ кулями. Къ берегу, прямо къ обрыву, тутъ ужь не пристаютъ — вездѣ все пристани. По берегамъ

станицъ ужь виноградниковъ нѣтъ. Домики казаковъ ужъ не бѣленькіе, не утопаютъ въ зелени, а стоятъ рядами, крытые тесомъ, желѣзомъ, выкрашенные въ желтую, сѣрую, лиловую краску — совсѣмъ уѣздный городъ, съ такими же немощеными улицами, на которыхъ въ дождливую погоду невылазная грязь, а въ сухую — по щиколодку пыль и песокъ. Подъѣзжая къ станицѣ, теперь, вмѣсто соловьевъ оттуда несется запахъ мочалы, дегтя, рогожи, прѣлой муки, затхлый, сладкій запахъ лежалаго овса. Прощай „Тихій Донъ"!..

И эта перемѣна происходитъ какъ-то вдругъ. Запахло мочалой и всѣмъ этимъ на одной пристани, на слѣдующей сильнѣе; зелени на этой было мало, на слѣдующей еще меньше, а тамъ ужь и совсѣмъ городскія, уѣзднаго города, улицы, деревянные домики, сбѣжавшіеся и выстроившіеся какъ-то глупо и ненужно въ рядъ...

Аксай на очень высокой горѣ. Донъ тутъ дѣлаетъ очень большое колѣно, и отъ этого онъ кажется еще болѣе широкимъ. Передъ Аксаемъ точно бухта какая. У берега масса лодокъ, судовъ. Пристань длинная, большая, вся загороженная лодками и судами. На пристани масса народа — все съ холщевыми сумками и мѣшками за плечами. Очевидно это рабочіе какіе-то и куда-то ѣдутъ. Но есть на пристани и „чистая" публика. Здѣсь ужь офицеры не смѣшиваются съ простыми казаками, — да и казаковъ-то что-то ужь не видно — стоятъ отдѣльно съ какими-то барынями и барышнями.

Барышни и барыни одѣты совсѣмъ какъ слѣдуетъ, по модному...

Городъ, совсѣмъ городъ. Вонъ даже и мѣщане такъ же, какъ и вездѣ, по всей средней Россіи, въ синихъ поддевкахъ и чуйкахъ—очевидно приказчики, кулаки, барышники, мелкіе торговцы хлѣбомъ, мукой, мочалой, рыбой, можетъ быть, скотомъ. Даже традиціонныя бородки клинушкомъ. Они тоже бесѣдуютъ съ женскимъ поломъ своего сословія, но какая разница! — нѣтъ ужь и въ поминѣ этихъ красивыхъ, здоровыхъ, оживленныхъ, загорѣлыхъ женскихъ лицъ, что все время, постоянно, встрѣчались тамъ, на верховьяхъ, въ тѣхъ станицахъ. Все какія-то блѣдныя, зеленыя, тощія фигуры въ дешевенькихъ шелковыхъ платочкахъ, пощелкивающія подсолнечныя сѣмячки...

Нигдѣ, мнѣ кажется, нельзя такъ наблюдать, какъ село вырождается мало по малу въ городъ, какъ на Дону. Вы вотъ такъ и видите,—оно, это перерожденіе на вашихъ глазахъ происходитъ... И мнѣ жаль его,—село. Я не вѣрю чтобы люди въ городѣ жили счастливѣе... Но это можетъ завести Богъ знаетъ куда. Это очень большая и очень старая тема...

— Вотъ у насъ какія настоящія-то станицы, сказалъ подходя ко мнѣ пассажиръ-казакъ, мой сосѣдъ по каютѣ. Вы удивлялись тамъ все нашему богатству. Вы тутъ вотъ посмотрите-ка. Во-о-онъ, видите, говорилъ онъ, указывая рукой вправо на Аксай, видите вонъ тамъ домъ?

— Ну, что-же?

— Это домъ казака Мухина.

— Чѣмъ же онъ замѣчателенъ?

— А вы знаете, одна внутренняя отдѣлка стоила болѣе ста тысячъ рублей... Тутъ у насъ такіе богачи живутъ...

— А гдѣ бѣдноты больше у васъ—въ тѣхъ вонъ станицахъ или въ этихъ вотъ, гдѣ богачи-то ваши живутъ?

Онъ остановился.

— Т. е. какъ? вы что спрашиваете: гдѣ богаче живутъ или гдѣ ровнѣе?

— Гдѣ вотъ ровнѣе. Гдѣ ровнѣе распредѣляется вознагражденіе за трудъ?

— А-а-а! Понимаю, что вы хотите сказать: протянулъ онъ. Ну, знаете, экономическій законъ и тутъ тотъ-же. И на Дону и на Волгѣ—вездѣ онъ одинъ.

— Нѣтъ, вонъ тѣ, дальнія-то станицы—тѣ изъ другой оперы будутъ... по крайней мѣрѣ теперь-то вотъ.

— Тѣмъ же кончатъ, увѣряю васъ...

Къ Ростову мы подошли уже поздно вечеромъ. Отсюда, съ рѣки, онъ кажется на высокомъ берегу и очень широко раскинувшимся. Въ городѣ вездѣ уже горѣли огни. Особенно выдѣлялся какой-то высокій домъ, огромныя, длинныя окна котораго были ярко освѣщены.

— Что это у жидовъ-то — свадьба никакъ сегодня, говорили на пароходѣ знающіе Ростовъ пассажиры. Незнающіе спрашивали ихъ:

— Почему вы это говорите?

— А какже, вонъ видите, синагога-то ихъ какъ

освѣщена. Вѣдь это, вонъ, большія окна-то — это синагога.

Особенно хорошо знакомые съ Ростовомъ пассажиры говорили даже какого это именно жида женятъ. Очень какой-то молодой жидъ и богатый и женится онъ тоже на очень молодой и тоже очень богатой жидовкѣ.

— Позвольте, спросилъ кто-то. Да вѣдь ихъ въ землю войска Донскаго не пускаютъ, говорятъ?

— Это туда, въ станицы, отвѣчалъ бывалый пассажиръ. А тутъ, что вотъ въ Ростовѣ, что въ Новочеркаскѣ — ихъ видимо невидимо, кишмя кишатъ, какъ черви...

— Да вѣдь тутъ допущены греки?

— И греки допущены и жиды тутъ допущены.

— А что, господа, въ Греціи есть жиды?—вотъ любопытный вопросъ, предлагаетъ еще кто-то.

Наконецъ пароходъ подошелъ къ самой пристани и остановился. Пассажиры, ѣхавшіе въ тотъ же день дальше, т. е. по Ростово-Владикавказской дорогѣ, кричали и умоляли, чтобы скорѣе клали сходни и выдавали имъ багажъ, такъ какъ до отхода поѣзда оставалось всего полтора часа и они могутъ опоздать, имъ придется ночевать въ городѣ.

— Да вы объ этомъ не безпокойтесь, и здѣсь на пароходѣ можете ночевать—сдѣлайте одолженіе, и завтра, хоть все время, мы здѣсь дня три простоимъ, радушно и любезно предлагалъ имъ капитанъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ! Богъ съ вами!... спасибо, съ какимъ-то злорадствомъ отвѣчали пассажиры, сразу

почуявшіе близость свободы:—Довольно!.. Спасибо!.. Вы вотъ только сходни-то прикажите скорѣе класть, да багажъ чтобы выдавали живѣй, не задерживали.

Мнѣ некуда было торопиться, я ѣхалъ завтра на пароходѣ того-же общества (только на другомъ, на „Орлѣ“) въ Керчъ, и, потому, оставивъ вещи въ каютѣ, отправился осматривать городъ.

Городъ Ростовъ освѣщенъ прекрасно и мостовыя въ немъ для провинціальнаго города тоже очень хорошія, но, тѣмъ не менѣе, все-таки ночью ничего нельзя было видѣть.

— Ну, а гдѣ у васъ тутъ садъ? Какой нибудь общественный? Туда вези меня, сказалъ я извозчику.

Онъ повернулъ куда-то направо, проѣхавъ сажень сто и остановился передъ ярко освѣщеннымъ шкаликами входомъ въ садъ. Очень оригинальный этотъ ростовскій общественный садъ. Онъ весь состоитъ изъ одной длинной предлинной акаціевой аллеѣ, въ концѣ которой устроенъ полукруглый павильонъ—лѣтній театръ. По этой единственной аллеѣ и гуляетъ публика, вся сплошь буквально состоящая изъ однихъ грековъ и жидовъ—греки, гречанки, жиды, жидовки и никого больше. Еще въ женскихъ лицахъ было замѣтно какое нибудь разнообразіе, попадались лица очевидно и несомнѣнно не этихъ племенъ; но шедшіе рядомъ съ ними кавалеры ихъ неукоснительно были или греки или жиды.

Проголодавшись на пароходѣ (насъ ужасно кормили), я заказалъ себѣ какую-то котлетку и сѣлъ у столика. Минутъ черезъ пять къ другому сто-

лику шумно подошла цѣлая компанія и тоже усѣлась. Всѣ русскіе—и женщины и мужчины—но русскіе особаго типа—русскаго, такъ сказать, общеактерскаго: бритыя, круглыя, жирныя щеки у мужчинъ, мягкія итальянскія шляпы, надѣтыя какъ-то на бекрень, потертое, коричневаго цвѣта, пальто, или черныя альмавива à là Сѣтовъ,—дамы съ невѣроятными головными уборами, въ плюшевыхъ или съ плюшевой отдѣлкой тальмахъ, перелинахъ и пальто. Какъ оказалось, это была какая-то проѣзжая труппа, пріѣхавшая сюда въ „театръ" посмотрѣть на сборы—стоитъ-ли ей здѣсь оставаться или ѣхать, не останавливаясь по напрасну, дальше. Зазвонили у павильона-театра и труппа вся поднялась съ мѣста и отправилась туда смотрѣть.

— Сборы! грустно-иронически говорилъ высокій актеръ, поднимаясь еще на цыпочки и заглядывая впередъ въ театръ, (театръ съ боковъ открытый):—Всего-то десять человѣкъ.

— А ты говоришь, что надо-бы здѣсь „Синій чулокъ" ставить, отвѣчала ему актриса, очень еще молодая женщина, красивой наружности:—Его какъ надо ставить-то? Я выйду какъ есть, какъ мать родила, одѣну только одинъ чулокъ на ногу, а въ руку возьму корку хлѣба—ну, тогда, вотъ, развѣ, будетъ успѣхъ, а иначе...

Актеры ушли, а ко мнѣ подошелъ какой-то господинъ и назвалъ меня по имени:—Господи, вотъ не ожидалъ-то! Какими судьбами вы здѣсь?

— Да такъ, какъ Чичиковъ—„видѣть свѣтъ, ко-

ловращеніе людей“, отвѣчалъ я, стараясь припомнить, гдѣ я его видѣлъ.

Это былъ нѣкогда студентъ петербургскаго университета, съ которымъ одно время я встрѣчался довольно часто, потомъ онъ исчезъ у меня изъ вида и объявился вотъ ужь здѣсь теперь.

— Пять лѣтъ ужь здѣсь живу, говорилъ онъ, домикъ имѣю, лошадокъ. Теперь я на вдовьемъ положеніи... Жена на дачѣ... Знаете, я и самъ бы поѣхалъ, но нельзя, на день одинъ и то не могу уѣхать...

— Что-жъ, тутъ у васъ дѣла какія?

— Какъ-же, контора своя... агентство... Женился я, батюшка, на здѣшней, продолжалъ разсказывать онъ, и не на русской...

Онъ замялся; я молчалъ.

— Евреечку одну взялъ...

Я продолжалъ молчать.

— Старикъ, ужь, знаете, слабъ сталъ... единственная дочь...

— Какая-же у васъ контора?

— Да какъ вамъ сказать? Авансовая... Вѣдь вы хлѣбной торговли не знаете? Мы выдаемъ авансы подъ хлѣбъ.

— Задатки?

— Мм... Нѣтъ опять не то... Авансъ... Ссуды...

— А это, скажите пожалуйста, что такое: вотъ, вижу я, все греческія и еврейскія лица у мужчинъ— вонъ ходятъ—а женскія лица все какъ будто русскія.

— А это легкія дамы... Онѣ ѣдутъ на Кавказъ, на воды... отъ ревматизма лечиться... хе-хе-хе...

Ихъ тутъ каждый годъ два раза—передъ сезономъ и послѣ сезона — страхъ что собирается. Тутъ у насъ въ это время покосъ бываетъ такой... Проѣздомъ онѣ останавливаются здѣсь дня на два, на три; ну а наши тутъ этимъ временемъ и пользуются... Теперь, впрочемъ, эта дрянь все, что вотъ вы видите тутъ. Но на прошлой недѣлѣ тутъ проѣзжала парочка — это, я вамъ скажу, да-съ!.. Всю нашу молодежь просто съ ума свели... Что денегъ онѣ тутъ у насъ загребли... Одинъ тутъ молодой грекъ, сынъ богатаго торговца хлѣбомъ, Распроканаки, такъ тотъ поѣхалъ даже съ ними—не знаю ужь куда именно: въ Пятигорскъ, въ Кисловодскъ. Вы ужинать будете?

Мнѣ подали котлетку и я спросилъ полбутылки вина кахетинскаго.

— Ну, вотъ! Выпьемте холодненькаго.

— Я не пью шампанскаго, сказалъ я.

— А у насъ такъ всѣ его душатъ. Придешь, знаете, сюда, день деньской-то наработаешься, устанешь. Ну, вечеръ-то ужь и нашъ. Хотите я васъ познакомлю тутъ съ однимъ—преинтересный человѣкъ: въ два года изъ ничего въ люди вышелъ. Теперь у него одно изъ первыхъ дѣлъ хлѣбныхъ здѣсь.

— „Авансами“ все? сказалъ я.

— Авансами... понявъ меня, наивно отвѣтилъ онъ.

Удивительно какъ грубѣютъ люди, попадая въ звѣриную среду. И что удивительнѣй всего—грубѣютъ не только нравственно, такъ сказать, но и умственно. Съ умомъ дѣлается что-то вродѣ пре-

тупленія, опошливается какъ-то весь человѣкъ и сразу почти... Никакой отзывчивости, никакой воспріимчивости—этихъ двухъ лучшихъ даровъ человѣка—не остается и слѣда...

На другой день въ 11 часовъ я отправился на новый пароходъ того-же общества пароходства по Дону и Азовскому морю. Былъ сѣренькій, тихій день. Пристань кишѣла народомъ. Масса барокъ, судовъ, лодокъ стояло у пристани. Меня встрѣтилъ на пароходѣ капитанъ высокаго роста, красивый мужчина, сильный, плечистый, необыкновенно любезный и предупредительный.

— Пассажиры—это одна семья, по моему, говорилъ онъ. И когда я ѣду, въ пути, вся моя забота, чтобы они всѣ жили дружно, никакихъ этихъ ссоръ, непріятностей, пререканій—ничего этого чтобы не было.

— Я мирный человѣкъ, сказалъ я.

— Очень радъ, очень радъ, повторялъ онъ нѣсколько разъ и крѣпко пожалъ мою руку.

— Ну, а гдѣ у васъ тутъ каюты? спросилъ я, видя одни лишь тюки съ воблой, которыми была завалена вся верхняя палуба.

— А тамъ, внизу, вонъ видите—лѣсенка.

Я спустился внизъ, пробравшись между кулей съ воблой, и со мною чуть не сдѣлалось дурно: вонь отъ этой рыбы внизу, въ каютахъ, была удушающая просто. Тамъ ужь сидѣли какихъ-то двѣ несчастныхъ женщины и одну тошнило:—„Господи, молилась она, да неужели-же это всю дорогу такъ будетъ“... Я хотѣлъ было ужь бѣжать скорѣй на-

верхъ, но тутъ къ намъ вошелъ капитанъ и началъ говорить, какъ мы хорошо и весело поѣдемъ сейчасъ.

— Но вонь, помилуйте, вѣдь это дышать нельзя, отвѣчали ему.

— Это ничего. Это сейчасъ все пройдетъ... Какъ только тронемся, все сейчасъ пройдетъ... И поѣдемъ мы, какъ одна семья... Раки какіе сейчасъ при мнѣ буфетчикъ купилъ! Икра какая! Балыкъ есть какой... Да вы не хотите-ли пока на воздухъ, наверхъ, на палубу... Сейчасъ чаю велимъ подать туда... всѣ вмѣстѣ, какъ одна семья...

Я машинально пощелъ наверхъ, раздумывая, какъ-же это такъ я поѣду въ эдакой атмосферѣ трое сутокъ.

— И посмотрите, еще какъ весело будетъ, говорилъ дамамъ позади меня капитанъ.

— Да вѣдь на морѣ еще качка къ тому-же... съ отчаяніемъ возражали ему дамы...

— Пустяки... Это все... Вотъ вы увидите... Превесело... Сейчасъ чаю... всѣ вмѣстѣ... какъ одна семья. Эй, ты, крикнулъ капитанъ какому-то мальчишкѣ, стоявшему съ букетами желтыхъ розъ. Давай сюда. Вотъ эти два букета... Нѣтъ, три давай... Пожалуйста. Это отъ меня. Я оглянулся назадъ. Дамы стояли блѣдныя отъ мутившей ихъ вони воблой и съ букетами желтыхъ розъ въ рукахъ.—А вот[illegible] вамъ, протягивая ко мнѣ руку с[illegible]

Библіотека
Отдѣлъ
№

дем-
при мнѣ
есть какой-
наверхъ, на
туда... всѣ
Я маши
же это
сутокъ.
— И
ворилъ
—
отчя

PG 3470 .T39 D6 1897 C.1
Dorozhnye ocherki /
Stanford University Libraries
3 6105 039 586 735

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305